
ISSN 0131–0097

ОГОНЁК

№ 44 ОКТЯБРЬ 1990

ПИОНЕРОВ ИДЕАЛ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

№ 44 (3302)

УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

27 октября — 3 ноября

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на 1991 год — 46 руб. 80 коп., на полгода — 23 руб. 40 коп., на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу с 1991 года — 1 рубль.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 08.10.90. Подписано к печати 23.10.90. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2847. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

МЕТРОНОМ

ДО «СОЛИДАРНОСТИ» НАМ ДАЛЕКО

20 и 21 октября в московском кинотеатре «Россия» прошел Учредительный съезд движения «Демократическая Россия». Собралось около двух тысяч делегатов от всех партий и движений. Была предпринята еще одна попытка консолидировать левые силы в единую организацию со своим уставом, координационным советом, а также выработать программу действий.

В своем обращении оргкомитет движения «Демократическая Россия» утверждал, что движение это должно стать чем-то вроде польской «Солидарности» («Огонек» № 38), то есть включить в себя всех сторонников демократических реформ.

До «Солидарности» нам далеко.

Если бы мы с 1 января 1990 года перешли к рынку, как поляки,— сегодня были бы забиты товарами все магазинные полки, на улицах продавались бы ананасы, а рубли на каждом бы углу меняли на доллары и фунты. Но проклятая наша раскачка, медлительность, нерешительность, страх перед свободным рынком сделали свое черное дело: политический и экономический кризис в стране достиг опасной черты: грядет паралич власти на всех уровнях.

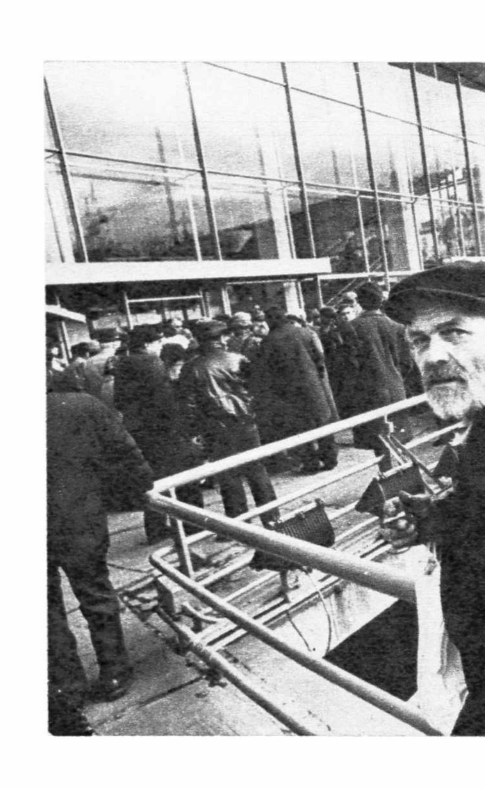
Лидеров демократов не было видно на съезде: ни Ельцина, ни Попова, ни Собчака, даже Юрия Афанасьева. Николай Травкин, лидер Демократической партии России, обладающей наивысшим рейтингом среди ныне существующих партий, не вошел в оргкомитет движения. У движения «Демократическая Россия» пока нет своего Леха Валенсы, хотя молодежная пресса прочит в лидеры народного депутата СССР А. Мурашева.

Если рассуждать об альтернативе КПСС, то ею может стать не травкинская партия, которая еще не вышла из политических пеленок, а левоцентристская коалиция, с предложением о создании которой письменно обратился к делегатам председатель Моссовета Гавриил Харитонович Попов. Создавать ее нужно быстро, в жесткие сроки, в течение двух недель, иначе утопим идею в бесконечных дискуссиях.

«Либо междоусобица и новая кабала, либо сплоченное, массовое общественное движение, которое вкупе с новой демократической властью возьмет всю полноту ответственности за настоящее и будущее страны. Третьего не дано. Так было в освободившейся от коммунистической тирании Восточной Европе. Так должно быть у нас»,— говорится в декларации, обсуждавшейся на съезде.

Альтернативное КПСС, ненасильственное движение «Демократическая Россия» набирает силу, но его раздирает игра мелких самолюбий. Демократы, по сути, уже у власти. Ельцин и его соратники проводят их политику в российском парламенте. Но одних парламентариев мало.

Эдмунд ИОДКОВСКИЙ,
делегат съезда.

МЕТРОНОМ

Новое объявление в метро: «Демократов просят отойти от края платформы!»
Из «Анекдотов от Никулина»

ОТВЕТ НА ОДИН ВОПРОС

На съезде наш корреспондент встретился с сопредседателем Социал-демократической партии России народным депутатом РСФСР Олегом Германовичем Румянцевым.

— На Учредительном съезде движения «Демократическая Россия» выдвинута идея возобновления левоцентристской коалиции, но уже... без Горбачева. Каково в связи с этим ваше отношение к попыткам сформировать «коалиционное правительство народного согласия»?

— Отношение к коалиции самое положительное, потому что пришло время спасать страну. Мы все еще надеемся на сотрудничество с Горбачевым и реформаторами из его окружения, хотя эта надежда слабеет... Говоря о левоцентристской коалиции, я имею в виду прежде всего демократические партии: СДПР, ДПР, ДПРФ, МДГ, блок и движение «Демократическая Россия». Все эти силы и могли бы составить правительство, которому будет доверять народ. Что же касается «центристского блока», то эта компания не имеет веса в политической жизни и, выполняя заказ определенных сил, демонстрирует неумение заниматься политикой. КПСС ведет общество все дальше и дальше в пропасть, сотрудничать с нею становится бессмысленным. Поэтому мы делаем главный акцент на развитие конституционного процесса, меняющего всю структуру власти и управления.

ДАТЫ

30 октября — День политзаключенного.

Эта дата, почти наугад выбранная в 1974 году политзеками мордовских лагерей, отмечается во всем мире.

Долгие годы взоры мировой общественности в этот день были прикованы к нашей стране. И не потому лишь, что здесь с особой тщательностью не соблюдались права человека и нагло попирались законы. Историческая реальность такова, что с октября 1917 года политическими заключенными оказались все народы, населяющие советскую империю. Политзеком становился любой: поэт, «кулак», нарком или рабочий... Произвол, царивший в стране, низвел всех ее сограждан до уровня заложников Большой Зоны.

Правозащитное движение, возникшее в середине 60-х, сыграло значительную роль в процессе морального освобождения общества.

30 октября 1974 года московские правозащитники Татьяна Великанова и Сергей Ковалев провели пресс-конференцию. Они сообщили западным журналистам об учреждении Дня политзаключенного, распространили документы, полученные из лагерей. У советских зеков появился свой День; они отметили его массовыми голодовками и забастовками протеста. Это повторялось год за годом, и всякий раз на воле находились люди, оповещавшие о положении политзаключенных весь мир. И с каждым годом все труднее было властям заверять мировую общественность в том, что «в СССР нет политзаключенных».

...Еще 30 октября 1988 года был разогнан массовый митинг в Куропатах. И лишь в прошлом году День политзаключенного впервые отмечался у нас почти беспрепятственно. Тысячи людей, приглашенных «Мемориалом», образовали живую цепочку памяти вокруг Большого дома на Лубянке. В этом году «Мемориал» при поддержке Моссовета проводит новую акцию. Среди главных событий 30 октября 1990 года — установка Соловецкого камня в сквере на Лубянской площади в память жертв тоталитаризма.

Илья МИЛЬШТЕЙН

ХРОНИКА

Во Львове продолжается пикетирование областного суда с требованием освободить известного политзаключенного Богдана Климчака, который находится в тюрьме с 1978 года. Председатель «Комитета за освобождение Климчака» Роман Гаврилишин встретился с прокурором Львовской области Изосимовым, который заявил, что, по его мнению, этого человека осудили несправедливо. Изосимов отослал в республиканскую прокуратуру прошение об освобождении политзаключенного. Журналист встретился с бывшим судьей Львовского областного суда Владимиром Романцом, который 11 лет назад осудил Климчака к пятнадцатилетнему заключению. Судья в категорической форме отказался разговаривать с журналистами, заявив, что ничего об этом деле не помнит.

«Экспресс-хроника»

Рисунок Алексея МЕРИНОВА.

СУХАРЕВ УШЕЛ? СУХАРЕВА УШЛИ?

Думаю, что ни для кого не стал неожиданным неожиданный уход в отставку Генерального прокурора СССР А. Я. Сухарева.

Слишком давно уже ходили слухи об его отставке: с весны? с зимы? с прошлой осени? Для меня лично стало ясно, что А. Я. Сухареву суждено сгореть в огне политических страстей в тот самый день, когда коллегия союзной прокуратуры под его руководством приняла решение об увольнении с работы Гдляна и Иванова. И уже на следующий день на очередных митинговых тусовках взвился лозунг «Сухарева — долой!».

За всю советскую историю прокуратура всегда оставалась независимой только лишь на бумаге. Прокуроры то штамповали приговоры, вынесенные в НКВД, то льстиво заглядывали в рот райкомовским, обкомовским, цековским начальникам. К прокуратуре относились точно так же, как и к Конституции, подозревая, что их существование необходимо для видимости цивилизации. Но всегда знали, что не они заказывают музыку и даже не они ею дирижируют. Потому-то с такой легкостью прошло и первое, некабинетное утверждение руководства Прокуратуры СССР на первом Съезде народных депутатов. И если сам А. Я. Сухарев — по крайней мере в своей профессиональной среде — и имел хотя бы репутацию опытного юриста (больше теоретика, чем практика), то к его замам, воспитанным в недрах карательных систем, должно было возникнуть множество вопросов. Хотя бы к И. П. Абрамову, человеку, который много лет возглавлял 5-е, идеологическое управление КГБ СССР. Но нет ни одного вопроса. Причина? Думаю, мало кто понимал, что такое руководство прокуратуры, какой в ней смысл, какой от нее толк.

И вдруг ситуация резко переменилась. Имя Генерального прокурора стало всенародно известно и столь же непопулярно, как и имя недавно ушедшего на пенсию Е. К. Лигачева.

«Карфаген должен быть разрушен»,— вскричала улица — и Сухарев ушел в отставку.

Он ушел, но если серьезно говорить о том следе, который оставило недолгое его пребывание на посту Генерального прокурора СССР, то я бы лично не стал утверждать, что именно при Сухареве прокуратура стала работать из рук вон плохо и исключительно он один виноват, что страну захлестнула не виданная ранее волна преступности, что именно он свернул борьбу с коррупцией и высокоранжированными чиновниками.

Он работал слишком недолго, чтобы суметь преобразовать прокуратуру в то, чем она и должна быть на самом деле: высшей, не зависимой ни от кого инстанцией. Сама система прокуратуры настолько одряхлела, настолько пропиталась духом партийной дисциплины и кабинетной подчиненности, что одному человеку — пусть даже не Сухареву, а какому-нибудь сверхрадикалу — не под силу было превратить ее в действенную силу общества. Поэтому, возможно, и допущенные им ошибки были связаны в первую очередь с традицией слушать советы, идущие из кабинетов на Старой площади, а не саму Старую площадь подчинить наконец-то законам, по которым живет или по крайней мере должна жить вся страна.

Так кто может дать гарантию, что и дальнейшие попытки начальства (в первую очередь партийного!) не допустить деполитизации правоохранительных органов не превратят в заложника системы и нового Генерального прокурора, какими бы человеческими и профессиональными качествами тот ни обладал? Урок судьбы А. Я. Сухарева — перед нами.

Юрий ЩЕКОЧИХИН

ХРОНИКА

Из Киева на родину отозваны все граждане КНДР, обучавшиеся в киевских вузах, отозваны даже те, кому осталось учиться меньше года. Как объясняют сами студенты, это сделано с целью уберечь их от «идеологической порчи».

«ДС-информ»

■

Опубликованный недавно президентский Указ о восстановлении в советском гражданстве двадцати трех человек, ранее лишенных его «за антисоветскую и антигосударственную деятельность», вызывает лишь чувство недоумения и безысходности, как, впрочем, и ранее публиковавшиеся списки о реабилитации незаконно репрессированных в 30—50-х годах.

Неужели те, кто занимается реабилитацией, настолько в плену догм, что до сих пор не поставили вопроса о бесчеловечности режима в целом, установленного путем обмана, насилия, крови и произвола? Прозрение и раскаяние не те категории для тех, кто с первых дней советской власти определял жизнь многомиллионной страны. Они не ужаснулись, не раскаялись, не возложили на себя епитимью — нет! — они продолжали эксперименты над страной и людьми, пользуясь теми же методами обмана, социальной демагогии, и прежде всего террора. И никакие рассуждения и легенды о якобы личной бессребрености и беспредельной вере в свою правоту не могут быть им оправданием: любой человек вправе распоряжаться только своей жизнью и должен быть безусловно признан преступником, если осмеливается насилием или обманом экспериментировать над другими людьми. Понимание этого непосредственно связано и с вопросом о реабилитации жертв подобных экспериментов.

Любому нормальному человеку показалось бы дикостью, если бы Нюрнбергский трибунал начал суд над фашизмом с процесса реабилитации жертв нацистского террора, поэтапно и тщательно анализируя дела, заведенные нацистами на действительных или мнимых противников режима. Трибунал поступил единственно возможным образом, признав преступным сам режим и созданные им репрессивные и карательные структуры. Тем самым все жертвы режима автоматически «реабилитируются» и получают право на всеобщую память и всемерную компенсацию за утраченное в результате нацистских преступлений.

Для нашей страны единственной и радикальной мерой очищения и искупления является подобное признание незаконности и бесчеловечности режима, установленного более семидесяти лет назад на одной шестой части планеты. Это и будет естественной реабилитацией всех жертв террора — от жертв гражданской войны, воевавших по разные стороны баррикад, до диссидентов 50—80-х годов, страдавших, погибших, вынужденных покинуть страну. И никаких специальных комиссий по реабилитации и отдельных указов Президента о восстановлении в незаконно отобранном гражданстве! Ведь один лишь факт существования таких отдельных комиссий и частных указов доказывает, что радикально ничего не изменилось в оценке советской истории и путь к повторению прошлого на новом витке остается открытым.

В. ЦАПЛИН
Москва

■

Прочитав в газете «Правда» от 14 сентября 1990 года статью «Бюджет КПСС: доходы и расходы», я подумал: вот та помощь — 4,9 миллиарда рублей, которые помогут стране перейти менее болезненно к рынку. А это значит, что более высоким будет страховой полис менее обеспеченных слоев населения. И мысленно прибавил те средства, которые будут выручены после продажи санаториев, принадлежащих КПСС, дач, редакций газет, служебных помещений. Внушительная сумма! Получается, что у нас есть деньги, а страна не может залатать дыры в бюджете.

Вот на этой ноте и кончается лирика, и наступает суровая действительность. Средства-то партийные! Выходит, что партия у нас с вами не народная: у нее все есть, а у народа ничего. Вспомнился так называемый Учредительный съезд коммунистов России и голоса на нем о недопустимости народовластия в стране. Теперь понятно, что защищали и защищают партийные чиновники. Забыли они, наверное, свой лозунг: «Народ и партия — едины!», и больно уж не хочется им делиться этими деньгами со своим народом. А в соседнем зале шла изнурительная борьба правительства России, чтобы тем, за счет кого наживался аппарат КПСС, обеспечить нормальные условия проживания.

У коммунистов есть исторический шанс. Ведь только они вправе распорядиться собственностью КПСС. Преступно сейчас, в такое сложное для всей страны время, держать эти миллиарды в угоду амбициям чиновников. Эти средства нужны живым людям: ветеранам партии, труда, инвалидам, одиноким и престарелым, детям-сиротам. Пришла пора доказать, что лозунг «Народ и партия — едины!» не фальшь в устах высокопоставленных партийных работников. Для всех рядовых коммунистов это экзамен, который они должны принять у своего руководства и поставить точку под вопросом: «Быть или не быть с народом своей страны?».

В. ЧИГРИНОВ,
депутат горсовета
Барнаул

■

Недавно в Верховном Совете СССР обсуждался вопрос о департизации армии. Одним из доводов тех, кто выступает за сохранение за военнослужащими права членства в КПСС, было утверждение, что лишение такого права является дискриминацией военнослужащего как гражданина.

Но вот что меня удивило. Почему никто не задал вопроса: может ли беспартийный военнослужащий претендовать в нашей армии, где все руководящие посты заняты членами КПСС, на должность выше полковничьей? (И не надо, как сейчас принято говорить, лукавить, что «мы не смотрим, кто партийный, а кто беспартийный». Ведь это так, пока не дошли до распределения должностей и теплых местечек.)

Возможно, что введение департизации и является дискриминацией в отношении военнослужащих, но не является ли дискриминацией в отношении всех нечленов КПСС практическая невозможность занять руководящую должность? У нас одно время много писали о запретах на профессии в западных странах по причине партийной принадлежности. Но разве не хуже негласный запрет на занятие определенных должностей по причине беспартийности?

Если бы наша страна была нормальным здоровым государством, то вопрос о департизации, вероятно, и не возник бы, как он не возникает во многих других странах, на которые теперь так любят ссылаться сторонники оставить все как есть. Но страна-то больная. Ее надо лечить. Надо избавиться от опухоли, в том числе и в первую очередь в армии.

О. ДАМАСКИН,
офицер запаса, беспартийный
Москва

■

У нас в стране любой товар превратился в пресловутый дефицит. Тем не менее существуют такие понятия, как «товары первой необходимости» и «предметы роскоши». О том, что автомобиль для инвалидов не предмет роскоши, а средство передвижения, говорено и переговорено. Он является для этих людей такой же неотъемлемой естественной частью их существования, как, скажем, для здорового человека руки и ноги.

Именно по этой причине люди, лишенные ног, любой ценой, путем невероятных лишений (деньги собирают по крохам годами и десятилетиями. Да, десятилетиями! По крохам, по сусекам, по родственникам) стремятся приобрести какое-либо средство передвижения. Все знают, какая пенсия у самой незащищенной категории инвалидов — инвалидов детства (правительство делало вид, что инвалиды эти как бы и не существуют), и что они могут заработать, занимаясь надомным трудом, 25—35 рублей в месяц.

Если в отношении инвалидов Советской Армии эта проблема в какой-то степени решена: им предоставляется бесплатно тридцатисильный «Запорожец», впрочем, малопригодный для выполнения своих функций — возить лишенного ног человека, то инвалиды детства, да и труда, в настоящее время лишены и этого. С прекращением выпуска «Москвичей» с ручным управлением заводом АЗЛК положение невероятно осложнилось. Для данной категории инвалидов купить машину практически невозможно. Образовались немыслимые очереди. Причем в эти очереди включаются инвалиды и других категорий.

Никто из работников служб соцобеспечения не может назвать каких-либо даже ориентировочных сроков обеспечения машинами. Ответ один: «Машин нет, и не знаем, когда будут».

Кроме того, введено нелепейшее правило. Как известно, машины выделяются инвалидам на 7 лет. Так вот, если у вас истек срок службы автомобиля, вы можете подать заявление и необходимые документы лишь за 2 месяца до истечения срока. И никак не раньше. И это несмотря на то, что машину вам сразу же в срок не дадут и не продадут. Придется ждать, как нам отвечают органы соцобеспечения, 3—5 или даже 7 лет (в зависимости от марки машины).

Когда же мы сможем нормально ездить на работу, в магазины, общаться с людьми, с природой посредством наших ног-колес? Ведь многие из нас, инвалидов I и II групп, никаким общественным транспортом пользоваться не могут. Многие работают надомниками, годы и даже десятилетия сидят в четырех стенах. Представьте себе людей, замурованных в каменных стенах. Некоторые из них в лучшем случае могут выползти на порог своего дома.

В. ВЕЛИЧКОВ, В. ГУСАКОВ,
Г. ИЩЕНКО и другие
инвалиды детства,
стоящие в бесперспективной
очереди на приобретение
автомобиля через органы облсобеса
Ростов-на-Дону

■

Последнее время часто и много пишут о нас, заключенных. МВД бьет тревогу: преступность растет, настойчиво просит помощи у государства — мало платят, нет техники и прочее. Зарплату им уже повышали, и не раз, вооружили всем необходимым, а преступность все растет, особенно рецидив.

Но никакие меры и методы не будут иметь такого положительного результата, как помощь освободившимся из мест заключения. Среди нас никто и никогда не проводил опроса, почему мы вновь совершаем преступления, а они в основном связаны с добычей средств существования. Абсолютное большинство попадает за решетку вновь, как правило, потому, что, освободившись, не имеет ни кола, ни двора, ни денег — почти все, что мы зарабатываем здесь, у нас отнимают. Где же выход?

Всем известно, что только человеческое отношение делает человека человечным. Сотни тысяч заключенных валят лес, грузят, строят, и все это почти бесплатно. Нас фактически превратили в рабов. Из того, что заключенный зарабатывает за свой тяжкий труд, 50 процентов удерживается. Подсчитано, что собственную охрану мы окупаем только производством колючей проволоки, наручников да различных запоров.

В стране создаются всевозможные фонды социальной защиты. Почему бы не создать и для нас такой фонд, причем не прося у государства ни копейки? Предлагаю немедленно, хотя бы при отбытии половины срока наказания, «частичное» удержание не отнимать у нас, а откладывать в фонд освобождения. В условиях перехода к рынку, появления безработицы причин отказа в трудоустройстве бывшим заключенным появится уйма, а значит, неизбежен и новый всплеск преступности. Мне кажется, что было бы целесообразно при освобождении выдавать нам трудовую книжку с отметкой времени работы вместо срока отбытия наказания, специальности, паспорта с пропиской и выпиской. С такими документами и «частичными» материальными средствами мы смогли бы подыскать работу и место жительства. В этом случае от нас не будут шарахаться, да и мы почувствуем себя людьми.

В. ТАРАСОВ
п. Бадья Верхнекамского р-на
Кировской обл.

■

В период перехода к рынку все острее разгораются споры по поводу привлечения иностранного капитала.

Хочу обратиться к некоторым «белым пятнам» периода индустриализации нашей страны. Исключительный успех индустриализации принято было относить на счет преимуществ социалистического общественного строя, при этом в официальной пропаганде практически игнорировались такие важные факторы, как иностранная помощь (отнюдь не бескорыстная), импорт современного оборудования и обеспечивающий его экспорт сырья и сельскохозяйственной продукции. Были ведь случаи, когда прессе приходилось отвечать на обвинения в демпинге зерна, исходившие из-за рубежа!

В качестве примера участия иностранного капитала можно привести помощь при строительстве нижегородского автогиганта в 1930 году. Ко времени начала строительства был построен американский поселок, в котором размещались американские рабочие с семьями, осуществлявшие передачу строительного опыта и производственный контроль, инженеры, выполнявшие функции советников и консультантов. Американцы привезли с собой проектное бюро, укомплектованное американским персоналом вплоть до копировщиц. Американцы обеспечили и современную строительную технику, начиная от только что появившихся автомашин-самосвалов и кончая железными тележками для подачи бетона взамен тогда привычных деревянных одноколесных тачек. Автозавод был построен по американскому проекту и оснащен импортным современным оборудованием. Следует заметить, что Москва в то время была средоточием паломничества иностранцев, стремившихся установить деловые контакты.

О масштабах поступления в страну импортной техники можно судить по факту, приведенному недавно в прессе: в 1932 году 90 процентов мирового импорта приходилось на СССР. Можно представить себе, каков должен был быть экспорт, чтобы обеспечить такой импорт. А ведь положение страны в ту пору было бедственное.

В. ШУЛЕШОВ
Ленинград

■

Взяться за перо меня вынуждает ситуация, складывающаяся в связи с организацией подписки на 1991 год. Всем, кто уже много лет занимается подпиской личного состава в подразделениях, известны все трудности и негативные стороны этого, увы, не самого благодарного занятия.

Как известно, подписка личного состава на газеты и журналы состоит из коллективной и индивидуальной. На коллективную подписку выделялись обычно очень мизерные суммы в размере до 116 рублей.

Несмотря на очевидность повышения цен на периодическую печать, политические органы не пересмотрели заблаговременно своих взглядов на выделение средств для организации подписки.

Что же политорганы предлагают нам выписать в этом году? По одному экземпляру «Красной звезды», «Комсомольской правды», кроме того, «Часовой Родины», «За Родину» и «Сын Отечества». Набор рекомендуемых журнальных изданий также невелик: «Советский воин», «Человек и закон», «Боевой товарищ», «Агитатор армии и флота» и брошюра из серии «Библиотека «Красной звезды», которая, к слову сказать, популярностью среди личного состава не пользуется.

Здесь уместно рассказать и о другом виде подписки — индивидуальной. Еще недавно бытовал лозунг: «На каждых пять солдат — «Правду», на каждых четырех — «Красную звезду», на каждого второго — армейскую или окружную газету». И далее следовали сборы денег с солдат в добровольно-принудительном порядке.

Времена изменились. Лозунг снят. Никто не звонит, не слышно нетерпеливо-раздраженного тона руководства, ожидающего рапорта об окончании подписной кампании. Да и солдаты, и сержанты с большим интересом следят за публикациями газет и журналов. Зачастую они теперь сами подсказывают замполитам, что бы больше они хотели читать.

Но скажите, что в условиях, когда даже чисто солдатский журнал «Советский воин» стоит 21 рубль 60 копеек, можно выписать за счет солдатской получки 7 рублей в месяц? Ведь на эти 7 рублей солдат должен покупать и нитки с иголками, и туалетные принадлежности, и сигареты, и мало ли еще что.

В условиях, когда наблюдается рост политической активности молодежи, в том числе и в армии, когда появляется искренний интерес к чтению периодической печати, как в этих условиях не потушить энтузиазм нашей армейской молодежи, подсовывая ей бесплатно «Агитатора» и «Библиотеку «Красной звезды»? Гласность должна быть доступна и в армии, без этого обновления армии не будет.

Г. ГРОЗМАНИ,
майор, заместитель командира дивизиона по политической части
г. Балтийск Калининградской обл.

■

Советская психиатрия стала притчей во языцех во всех средствах массовой информации, о ее пороках известно всему миру. Нарушения прав человека, злоупотребления отдельными представителями этой области медицины — истинная правда. Но не вся правда. Правда и то, что подавляющая часть врачей-психиатров и других медицинских работников — это честные, благородные, самоотверженные люди, отдающие все свои силы и знания служению благородному, но не всегда благодарному делу — исцелению психически больных людей.

Судьба связала меня в последние полгода с одной из психиатрических больниц Москвы — Московской городской клинической психиатрической больницей № 1 имени П. П. Кащенко, от одной мысли о которой становилось не по себе.

Что же оказалось на самом деле? Сама успокаивающая атмосфера больницы, высокая квалификация персонала, чуткость, уважительное отношение к больным и их родственникам — вот с чем я столкнулась впервые за последние годы.

В каких же условиях приходится совершать свой ежедневный подвиг, именуемый работой, этим людям? Сказать, что они лишены элементарно сносных условий работы и, кроме собственного энтузиазма, не располагают ничем, это не сказать ничего. Один врач на 35(!) больных. Больница, построенная в 1894 году на пожертвования граждан и различных обществ и торговых домов, в течение 100 лет не подвергалась существенной реконструкции. В результате в палатах по 15 человек, а известно, что одним из главных факторов в лечении больного является та обстановка, в которой он находится.

Проблему психиатрии нужно решать. Для того чтобы решать, необходимо с чего-то начать. Мне представляется, что больница имени П. П. Кащенко, рассчитанная на 2500 койко-мест, выполняющая огромный объем диагностической работы, являющаяся базой нескольких учебных и научных медицинских учреждений, находящаяся в бедственном материальном положении,— самый подходящий объект для действенного участия и помощи всех неравнодушных граждан в нашей стране и за рубежом, а также общественных организаций, творческих союзов, которые могут последовать примеру митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, оказавшего больнице материальную помощь, и московской церкви Евангельских христиан-баптистов, постоянно помогающих больнице как материально, так и в уходе за тяжелобольными.

Ж. БОРОДИНСКАЯ
Москва

■

Ломка нынешних стереотипов и туманность будущего приводят к тому, что появилось множество пророков, которые сулят нам разрушительные землетрясения, кровавые войны, распад гражданского общества, военные перевороты, какието страшные катаклизмы. На газетных страницах, на телеэкранах и в радиоэфире резвятся десятки невесть откуда появившихся астрологов, экстрасенсов, гипнотизеров — все они жаждут признания, а для этого используют любые средства, не задумываясь над ответственностью перед обществом.

Один надел на себя маску непризнанного злодеями-учеными первопроходца в области массовой психотерапии, другой его собрат уже тридцать лет пытается с помощью гипноза превратить обычных людей в гениев. А ведь без труда ничего не добьешься. Нелепые уверения непризнанных гипнотизеров, что можно без особых усилий обрести талант, деморализуют людей, приучая нас к мысли, что всего можно достичь без труда. За нас никто ничего делать не станет, только мы сами можем изменить свою жизнь, только мы сами должны себе помочь, а на потусторонние силы надеяться может лишь глупец.

Особую тревогу вызывают предсказания астрологов. Большинство из них высосано из пальца. Астрологи, как и все гадалки или телецелители, дают туманные, неопределенные предсказания, которые толкуй, как пожелаешь. Астрологи не единожды садились в лужу. Вот такой пример: они уверяли и уверяют, будто человек, родившийся утром 21 декабря 1879 года, не мог не быть кровавым злодеем. Допустим, это так, но Сталин стал преступником не оттого, что звезды были расположены так, а не иначе, а из-за конкретных социально-психологических причин. Недавно обнаружились метрические книги, из которых следует, что сей объект астрологических изучений появился на свет 6 декабря 1878 года, когда небесные светила были расположены, разумеется, иначе.

Теперь у прорицателей очередной конек: не сбылись их прежние пророчества — ныне говорят о будущем военном перевороте. Уж много раз они обещали это, и, к счастью, не сбылось. Не сбудется и сейчас, если будем трудиться, если будем самоотверженно бороться за демократию. А если доведем страну до развала, если есть будет нечего, то тогда и военный переворот как радость воспримем. Это ведь опять будет вера в чудеса, воспитанная тоталитарным режимом: пусть кто-то за нас решит все проблемы. Нам нужно самим улучшать свою жизнь, а не уповать на чудеса и потусторонние силы.

Нужна величайшая ответственность того, кто берет на себя роль современной Кассандры. Одно неосторожное слово может вызвать громадные социальные последствия.

М. БУЯНОВ,
кандидат медицинских наук
Москва

■

В 1941 году при обороне Днепра мой муж был ранен. Госпиталь, в котором он находился, не успел эвакуироваться. Так мой муж попал в фашистский концлагерь. В апреле 1945 года их освободили американские войска. И сразу же передали советским войскам в районе Эльбы в запасной полк. Оттуда он был направлен в отдельный самоходный дивизион, который освобождал Чехословакию. После войны муж продолжал действительную службу в Советской Армии до декабря 1947 года. Последнее место службы — Австрия. В декабре 1947 года был арестован и Особым совещанием осужден на 10 лет. Норильск, угольные шахты. Отбыл 8 лет. Чудом остался жив. Реабилитирован.

Долгое время добиваемся признания его участником Великой Отечественной войны. Но тщетно. Первые годы, когда он возвратился из Норильска и делал запросы, ему отвечали: «Архив не сохранился». Я написала в Министерство обороны. Они направили мое письмо в область, а область — в район, так было два раза. Ничего мы не добились.

Сейчас мой муж тяжело болен, нужна диета. Попросила о прикреплении его к магазину на продуктовый заказ. Исполком Раевского сельсовета вынес решение прикрепить Гринько Н. Е. к магазину. Райисполком поддержал сельский Совет. Но торговая организация отказала. Нет графы в перечне прикрепленных «репрессированный».

Двое больных стариков, мы не можем поехать в Днепропетровск за продуктами. И никому нет дела до нашего горя.

Л. РОМАНЕНКО,
Синельниковская селекционно-опытная станция
Днепропетровская обл.

ВЕСЕЛЫЕ РЕБЯТА

Сергей БАЙМУХАМЕТОВ

Мне кажется, читателя заинтересуют эти в некотором роде анекдотические истории из жизни Алпатьевского завода пусковых установок, о котором я знаю не понаслышке. Попав однажды в Алпатьевск, я сдружился с журналистами из тамошней городской газеты, а через них познакомился и с ребятами с того самого завода, стал часто бывать в Алпатьевске, благо от Москвы это не очень далеко.

Алпатьевск — типичный среднерусский город, из тех, что поменьше Калуги, но гораздо побольше Торопца. Завод — единственное крупное всесоюзного подчинения предприятие, и, естественно, о нем все и всё знают. Никаких тайн здесь нет. Алпатьевцы даже с некоторой гордостью рассказывают приезжим, как несколько лет назад по какому-то из радиоголосов их завод поздравляли с выполнением годового плана, назвав при этом особо отличившихся начальников цехов и даже начальников участков. Любой алпатьевец, оторвавшийся от горшка, проведет вас на городскую свалку и покажет, какая железяка там от какого блока...

Понятно, что, как всегда, не хватало одной комплектующей детали, и сборка шла без нее. К счастью, эту деталь, блок питания, можно было поставить в самом конце, перед сдачей. Но смежники что-то уж очень задерживались, и к ним в Талицу, районный город в Сибири, вылетели эмиссары из Алпатьевска. И там только выяснилось, что блоков питания нет и не будет: они не прошли проверки, и их снова поставили на полугодовые испытания.

План отрасли горел синим пламенем.

Алпатьевцы заметались. И, забыв с перепугу правила игры, начали бомбардировать Москву телетайпограммами. Там тоже встревожились, и в Талицу на истребителе вылетел Главный инженер, он же член ВПК, то бишь Военно-промышленной комиссии.

Две ночи просидел Главный в единственном на всю Талицу люксовом номере местной гостиницы, выкуривая за ночь по две пачки. О чем думал в тишине районного городка, нарушаемой собачьим брехом, этот могущественный человек и, наверно, выдающийся ученый, мы не знаем и не узнаем. Зато известно доподлинно, что он два дня гремел кулаком по столу директора завода — и... ничего не добился. Заводик хоть и невеликий, но он в другом министерстве, и у них свой Главный, хотя он и не член ВПК, тем не менее извините...

Так и отбыл наш Главный, доведенный до белого каления. Только прорычал на прощание у трапа истребителя: «Ну ладно, вы нас можете под монастырь подвести, но и я тогда ваш паршивый городишко срою с лица земли, попомните мое слово!» И взлетел.

Но вот что поразительно! Те, что остались на таежном аэродроме, то есть и таличане, и алпатьевцы, одновременно подумали одно и то же: «Конечно, он большой человек, но зря он так... Вон из Алпатьевска специальный человек прибыл с канистрой спирта, завтра суббота, рыбалку устроим, отдохнем, и все наладится с божьей помощью...»

И наладилось ведь!

Из Алпатьевска вылетел грузовой спецрейс, а к его возвращению уже весь город был на ногах. В ночь на тридцатое июня на все изделия были установлены блоки питания и продукция отгружена заказчику. Полугодовой план спасли.

И я, случайно оказавшийся свидетелем тех событий, как-то спросил, когда волнения улеглись и настали счастливые часы разрядки: «Ребята! Но ведь блоки-то испытания не прошли...» На меня посмотрели как на сумасшедшего: «Да ты что! Да оно же все в арсенал пойдет и там останется! Кому оно нужно?»

Из этого можно понять: грозное оружие, которое здесь куют, в нужный час может и не сработать. А мы-то думаем, что хоть и все у нас плохо, но зато уж это, зато уж щит и меч — завсегда!..

Грубо говоря, взлетят ли ваши ракеты, ребята, ежели что?..

Ясно, что отсталая техника и технология, что мы чуть ли не с ломами и кувалдами соперничаем с Америкой, но все же, осмелюсь предположить, сюда прибавляется немножко психологии: оружие делается как бы понарошку, всего лишь потому, что так надо: для арсенала, для плана и — самое главное — для премии!

Уразумев эту простую и вполне понятную для меня, как советского же человека, истину, я спросил: «Ну, если так, то чего же таличане вас мурыжили? Они что, не могли сразу отдать блоки питания?»

«А это так положено! — засмеялись алпатьевцы.— Чтобы мы о боге не забывали! А то как же: только приехали — и нате вам сразу, так, что ли?!»

И они снова засмеялись.

Вообще они веселые ребята. Не только алпатьевцы, а и другие, из той системы. Как-то они пять лет один термос разрабатывали и делали — и до сих пор, кстати, не сделали. То есть в физическом виде он есть, но функций своих выполнять не хочет: ни тепла, ни холода не держит. Местные остряки как-то написали в инструкции, что сей термос предназначен для хранения чая в Туркмении летом и снега в Якутии зимой.

Как-то на Алпатьевский завод поступил заказ изготовить якорь. Конечно, это не их профиль, но электроника — везде электроника, хоть в пусковой установке, хоть в якоре. То есть якорь тот не обыкновенный, железная глыба, а с электроникой: сам ставится, сам снимается, сам себе определяет глубины и так далее.

На его испытания много народу собралось. Заказчики, то есть военные, представители всех министерств и главков военных, имеющих отношение, с одной стороны, к электронике, а с другой стороны, к морю. Алпатьевцы прибыли большой делегацией: они не были избалованы командировками в такие края, вот и воспользовались.

Вышли в море на большие, на испытательные глубины. Бросили якорь.

А он — не тонет.

Хотя, конечно, по сути своей в воде железный якорь должен прежде всего тонуть.

И так с ним бились, и эдак приехавшие из Алпатьевска слесаря-наладчики, из тех самоучек, что любую неполадку в электронной схеме нутром чуют,— не получается!

Назревал грандиозный скандал. Но, слава богу, выручили представители дружественного министерства, кажется, из подводного главка.

«Ребята! — сказали они алпатьевцам.— У вас якорь не тонет, а у нас, наоборот, подводная лодка не всплывает. Давайте поменяемся изделиями — и все дела!»

Это называется: мимо тещиного дома я без шуток не хожу. Но мне кажется, что я понимаю природу этой их, скажем так, веселости. С одной стороны, они относятся к своему Алпатьевску эдак свысока-снисходительно. То есть гордятся своей значимостью, особостью. Так и говорят: мы здесь только живем, а работаем — в Союзе. А с другой — они-то, как никто другой, понимают, во что обходятся их игры всем нам, стране, тому же Алпатьевску: «Да одна серия изделий — больше годового бюджета нашего городишки!» В нравственном отношении — тупиковая ситуация.

Как они обрушились на меня, когда я напечатал в «Литгазете» статью «Черная дыра», в которой говорилось, что из бюджета страны в 500 миллиардов рублей примерно 200 миллиардов уходит на военные расходы!

«Какие двести миллиардов! — кричали они.— Это всего сорок процентов бюджета. А на наши железки уходит не меньше шестидесяти процентов бюджета! Если американцы тратят триста миллиардов долларов, так мы ж держим паритет. Это при нашей-то технологии, при том, что рубль, извини, не доллар?! Больше шестидесяти процентов промышленности страны работает на ВПК! Запомни это!»

И когда я пытался возражать, требовал хоть каких-нибудь официальных, где-нибудь опубликованных цифр, они начинали загибать пальцы и перечислять мне города и заводы, «завязанные» на войну. А поскольку они по всей стране мотаются и все им известно, то я замолкал.

«Знаешь ты такие города, как Волгоград, Куйбышев, Воткинск, Петропавловск?!» — наседали они на меня.

Стоп! Петропавловск я знаю. Как-никак там родился и провел первые двадцать пять лет жизни. И, чего скрывать, даже по-глупому тщеславился, когда Петропавловск в числе других городов был особо упомянут в советско-американском договоре по ракетам и, таким образом, всемирно прославился. Кстати, я был там, когда туда непосредственно из Америки прибыла первая инспекторская группа. И хотя времени у американцев не было, на инспекцию отводилось только 24 часа, руководитель группы полковник Эдвард Кэбанис никуда не торопился: беседовал, отвечал на вопросы, записывал в блокноты журналистам свои адреса. «Ох, это же домашний, американский адрес! — громко, на всю площадь, говорил он.— А там я почти не бываю. Пишите мне во Франкфурт, на нашу военную базу!»

И надо же было случиться: после того, как полковник Кэбанис на всю площадь разгласил местонахождение американской военной базы, я, идя в гостиницу, встретился с приятелем, который куда-то очень спешил. Как выяснилось, на завод, потому что приехали американцы, и он всю ночь должен бдить в своем не то отделе, не то секторе по борьбе с вражеской разведкой. Я удивился: неужто американцы, вместо того чтобы спать, будут ночью шарахаться по незнакомому городу, проберутся на его завод и выкрадут там чертежи автоприцепа? «Я сам, что ли, придумал! — засмеялся приятель.— Это ж зам по режиму распорядился».

Так что Петропавловск я знаю.

«А Новосибирск, Омск, Калуга, Тула! — напирали на меня тем временем алпатьевцы.— Свердловск, Челябинск, Нижний Тагил! Пермь, Усть-Каменогорск, Невьянск! Харьков, Днепропетровск, Горький!»

И снова начинали перечислять сельмаши, которые делают сеялки для отвода глаз, тракторные предприятия, на которых производится неведомо чего, вагонные заводы, из ворот которых выходят танки. Да я и сам, поднатужившись, вспомнил свою беседу с одним министром, который как-то небрежно обронил, что БАМ — это копейки в системе его министерства, среди всех его прочих, особых затрат.

Но главное, над чем смеются мои веселые друзья из Алпатьевска,— так это над журналистами и депутатами, которые пытаются выпытать у правительства и Генштаба, сколько же в действительности денег уходит у нас на оборону!

«Да никто этого не знает и знать не может! — утверждают алпатьевцы.— Нельзя одно отделить от другого. Это ведь только официально в ВПК (здесь читай — комплекс) входили девять мощнейших министерств. А кто считает добычу руды, выплавку чугуна, стали, провоз по железным дорогам, амортизацию транспорта, затраты на спортобщества, институты, техникумы — это все по каким статьям проходит? Какой валютой, в рублях или в долларах, по внутренним или международным, по государственным или рыночным ценам рассчитываются затраты на тонны золота, серебра, платины, идущие на контакты и другие узлы в наших изделиях? Если на наших заводах заставляют нас открывать цеха ширпотреба, чтобы делать вам холодильники и утюги, то ведь и дураку ясно: это значит, что вся нормальная промышленность страны — жалкий и нежелательный довесок к нашим мощностям, постылая обуза».

Наверно, они правы.

Я, например, одно время жил в нормальном двухсоттысячном городе, в котором, если вдуматься, вся жизнь держится на четырех громадных заводах, производящих неведомо чего. И не обращал внимания, не интересовался, как и все мои знакомые, друзья, сослуживцы. И сколько у нас подобных городов? Да практически в каждом есть как минимум один такой завод!

То есть миллионы и миллионы умелых, мастеровых людей тратят силы, ум и талант на изделия, которые никогда не будут служить человеку. Ежегодно зарываем в арсеналы сотни миллиардов рублей. Гордимся тем, что своими руками разули и раздели страну догола.

Зачем нам это надо, ребята?

Хотя, конечно, кому-то надо. Мне, например, ребята с Алпатьевского завода вынесли рулончик серебрянки, или, как они ее называют, ткань-500. Я из нее сшил легчайшую, невесомую палатку. Моим друзьям-альпинистам сделали крючья и карабины из титана, а мне — туристский нож из стали, которая у них идет не то на обшивку изделий, не то на рессоры для межконтинентальных ракет. Я им пять лет вскрываю консервные банки в походах — и ни разу еще не затачивал.

В заключение же хочу особо предупредить очень серьезных людей из Генштаба, ВПК, Первых, Девятых и прочих отделов, что искать упомянутые мною города и людей, разгласивших страшные гостайны, бесполезно. Я ведь написал памфлет. По всем законам герои литературных произведений ни уголовной, ни служебной, ни административной ответственности не подлежат.

К счастью.

Алпатьевск — Талица — Москва

ЧТО ДАЛЬШЕ?

О судьбе программы «500 дней» с одним из ее авторов, Григорием Алексеевичем ЯВЛИНСКИМ, беседует специальный корреспондент «Огонька» Леонид ПЛЕШАКОВ

— Не знаю, согласитесь вы со мной, Григорий Алексеевич, или нет, но мне кажется, что у большой части нашего народа сложилось представление: как только программа «500 дней» будет одобрена всем Союзом (парламент РСФСР практически единогласно принял ее 11 сентября этого года) и начнет действовать, то ровно пятьсот дней спустя в нашей экономике исчезнут все проблемы, а в нашей жизни наступит порядок и полное благоденствие. На мой взгляд, из программы вытекает только одно: через пятьсот дней будет едва-едва стабилизировано, приостановлено скользящее сползание нашей экономики по наклонной плоскости.

— Вы не ошибаетесь. Хотел бы только добавить: в программе «500 дней» самое главное не в том, что мы начнем чуть-чуть вылезать из ямы, а в том, почему мы начнем из нее вылезать. Именно через это время могли бы появиться механизмы, которые объективно, вне зависимости от воли какого-то человека или от цели, которую поставил какой-нибудь государственный орган управления — допустим, Госплан или Госснаб, а объективно, путем увязки экономических интересов начали давать нам возможность подниматься. В этом главное.

— То есть нам надо в этот период создать структуры, условия для самоналаживающейся работы хозяйства?

— Ну, если хотите, нужно создать саморазвивающуюся систему, эмбрион ее. Но этот зародыш будет уже с ногами, с руками, он будет жизнеспособным.

— Если воспользоваться вашим образом, то, мне кажется, мы уже совершили много такого, что убивало бы этот эмбрион в утробе матери...

— К сожалению, мы сделали в последние полтора месяца такие шаги, которые не позволят нам теперь по-человечески, если можно так выразиться, родить эту программу, а значит, и получить нужные результаты. Идеология этой программы содержала, на мой взгляд, несколько очень важных ключевых моментов. Первый заключается в том, что выходить из кризиса нужно всем республикам вместе. Второе: выходить не по команде, поданной «сверху», а с того, чтобы получить нормальный полноценный рубль, которым можно пользоваться, который всех свяжет, всех заинтересует. Третье: для успеха нужны абсолютно нестандартные подходы, свойственные только нашей экономике, только нашей ситуации. Лишь в этом случае можно избежать снижения уровня жизни и бурного роста цен.

— Не просто роста, а бурного?

— Да, именно бурного. Сейчас объясню, почему. Там был предусмотрен механизм, который должен был разорвать связь между повышением закупочных цен на зерно и розничными ценами на остальные продукты, позволял заморозить цены на те товары, которые сегодня реально есть в продаже.

— Какие, например?

— Зависит от местности. Если в данной области есть молоко, хлеб, масло, яйца, то на эти вот продукты можно было сохранить твердые цены. Центр передал бы туда дотации, и на месте сами бы решали, продавать товар по купонам, талонам или свободно, как сейчас, если для этого есть достаточное количество продуктов. Центр продолжал бы дотировать, но дотировал уже, допустим, не все мясо, молоко, яйца и все остальное, а только те товары, которые действительно сегодня доступны населению. То есть простой покупатель должен прийти в магазин и иметь возможность купить сегодняшний ассортимент товаров по цене, которая сейчас существует. Появились в продаже новые товары, например, окорок, сухие колбасы, ветчина, что-то еще — тут уже цены новые.

— Но это прямой путь к вымыванию дешевого ассортимента...

— Чтобы его избежать, может быть введена специальная организация торговли. Когда появятся другие продовольственные товары, более дорогие, но и высококачественные, давление на узкий круг дешевых снизится, даже если дорогие будут покупать не так много.

— Почему же не удалось разорвать цепочку, которая начала вязаться после первоиюльского повышения цен на зерно?

— Это становится понятно, если проследить за всеми последовавшими за этим событиями. Закупочные цены на зерно в среднем по России были повышены со 196 до 300 рублей за тонну. Сразу дефицит бюджета РСФСР вырос на 7,5 миллиарда рублей. Правительство Союза обещало все покрыть, но покрыло только 4,5 миллиарда, а три оставило нам, чтобы мы сами с ними разбирались. Но повышение цен на зерно, естественно, не могло не сказаться на стоимости комбикормов. И здесь союзное правительство повело себя, мягко выражаясь, не по-джентльменски.

Из необходимых республике концентрированных кормов около 60 процентов произведенных непосредственно в хозяйствах идут по договорным ценам, которые напрямую зависят от цен на зерно,— выше трехсот рублей. Таким образом, фураж вздорожал как минимум в 1,5—2 раза.

— Девяносто процентов себестоимости мяса приходится на корма...

— И, чтобы избежать его подорожания в рознице, Россия должна была срочно изыскать более восьми миллиардов рублей на дотацию. А их-то уже не было. Такой дефицит «выскочил» за какие-то два-три последних месяца.

И это не все. После госзакупок у колхозов и совхозов России должно было остаться около 88 миллионов тонн зерна. Часть они могут продать по договорным ценам. А они сейчас подскочили на «свободном» рынке до тысячи рублей за тонну. И колхозы заинтересованы продавать зерно по такой цене, получая дополнительный доход.

— В рублях. Но куда они с этими «дутыми» рублями пойдут, если в свободной продаже на них практически ничего не купишь?

— И тем не менее они продают зерно по этой цене. Когда в августе союзное правительство объявило о повышении с 1 января 1991 года закупочных цен на остальные виды сельскохозяйственной продукции, включая мясо, продажа его в госфонды резко упала.

— И оно почти сразу же пропало в госторговле и резко подорожало на колхозных рынках...

— Иначе и не могло быть: дефицит животноводческой продукции еще более обострился. Вот тогда-то правительство России постановило: не дожидаясь января, повысить закупочные цены на мясо уже с первого октября этого года...

— Вы возражали?

— Я узнал обо всем постфактум, через несколько дней, когда директивы ушли на места и менять решение было поздно...

— Григорий Алексеевич, ведь нельзя игнорировать очевидные вещи. Сейчас приостановились госзакупки зерна. Правительство жалуется, что колхозы его придерживают. Но совершенно ясно: если мы повышаем закупочную цену на мясо, селу выгоднее самому выращивать это мясо и продавать по дорогой цене, а потом на эти деньги покупать дотированное мясо в городе.

— Конечно. Я не специалист по аграрным делам. Но теперь вот принят указ по оптовым ценам, уже на союзном уровне. Правительство утверждает, что на 100 процентов компенсирует повышение розничных цен. То, что оно раньше давало на дотации, обещает отдать людям. Пусть решают сами, как потратить эти деньги. Для чего это, объясните.

— Короче, программа «500 дней» перестала существовать?

— В той части, что касалась стабилизации механизмов связки экономической системы, то есть той самой изюминки, которая позволяла обойтись без прыжка розничных цен,— да, в этой части программа уже не выполнима.

— И обратного хода нет?

— Надо пересмотреть политику закупочных цен на территории страны, а также оптовых цен, вводимых по указу. Отменить повышение пенсий на союзном уровне. Их все равно отоваривать нечем... Надеяться на такие радикальные меры нереально...

— Меня интересует еще один вопрос. Мы говорим: передадим землю тем, кто на ней работает. Каким будет механизм сбора налогов? Земельного кадастра нет, поэтому стоимость земли тоже неизвестна. Как быть? Чем стимулировать фермера увеличивать производство?

— Вы задаете сложный вопрос. Могу высказать только общие соображения. Видите ли, когда у вас нет вообще никакой системы цен, соответствующей рынку, то хоть делайте вы кадастр, хоть не делайте, землю все равно точно не оцените, так как не знаете, какова рыночная стоимость того или иного товара, который вы снимаете с этой земли.

— Но существует плодородная сила земли...

— Если вы хотите в деньгах оценить плодородную силу земли, значит, вам все равно нужно знать рыночную цену какого-то среднего товара, который вы с нее снимаете. Но возможно и другое решение задачи. Чтобы процесс оценки земли сдвинулся, нужно оценить ее условно. Цена должна быть низкой, так как человек рискует, ибо идет первым. Через полгода работы можно будет сказать, какой нужен налог, чтобы он нес свою продукцию на рынок.

— Но вернемся к программе «500 дней». Какие еще, на ваш взгляд, существуют у нее подводные камни?

— О каких камнях вы спрашиваете? Она уже налетела на риф, пропорола дно. Жалко, был большой, хороший шанс выкарабкаться из кризиса. Шанс в контакте Ельцина с Горбачевым; в том, что почти все республики поддерживали программу, участвовали в ее разработке.

— Пусть как стабилизационная программа она исчерпала себя, но существует ведь еще и общее направление, курс. Можно ведь вернуться к исходным данным...

— К сентябрю вернуться нельзя.

— Значит, выхода нет?

— Есть: надо учиться жить в условиях инфляции.

— Тогда какой смысл вашего пребывания в Комиссии Совмина РСФСР по экономической реформе?

— Этот смысл действительно теряется в том плане, что я теперь не смогу провести в жизнь ту программу, которую обещал. Для ее успеха были необходимы, как я говорил, три обязательных условия: сильная власть и поддержка народа, которые нужны любой экономической программе, ибо нет таких программ, которые могут проводиться в условиях хаоса. Это условие было материализовано в союзе Горбачев — Ельцин. Следующее условие: в программе должны участвовать все республики. Это материализовано было в том, что все они приняли участие в этой работе. Третье условие: не допустить резкого скачка цен и падения уровня жизни. Это было материализовано в тех механизмах, которые были заложены в программе. В настоящее время все три условия отсутствуют. Последние месяц-полтора события развернулись так, что сильно заколебалось первое, из-за затяжки отсутствует второе и практически взорвано третье. Что остается?

Теперь надо учиться жить в условиях сильной инфляции. Это тоже самостоятельная работа, где нужен высокий профессионализм, где нужны большая ответственность и мужество. Но нужно помнить: эта работа не допускает ни популизма, ни истерики, ни политической зависимости от кого-либо. Это должна быть только профессиональная, честная работа экономистов. Только так можно работать в условиях кризиса, когда экономика уж очень больна: тихо, спокойно, умно. Максимально снизить политическую конфронтацию — иначе вообще никакие экономические реформы осуществлять нельзя.

Лариса ПИЯШЕВА,
кандидат экономических наук

УМОМ ПОНЯТЬ РОССИЮ

МОНОЛОГ «РЫНОЧНОГО ЭКСТРЕМИСТА»

Помните? Избранию Председателем Верховного Совета России Бориса Николаевича Ельцина предшествовали митинги, бурные дискуссии, листовки, прокламации, лозунги, размежевания и прочие атрибуты политической борьбы. За это же время под не окрепший еще фундамент перестройки было заложено несколько мин замедленного действия, которые уже начали взрываться. Пока мы напряженно вслушивались в политические программы претендентов на высший пост России, молодой демократический Моссовет, по-своему реагируя на предложенную правительством программу перехода к рынку и воспользовавшись явно провокационной декларацией профсоюзов, решивших «защитить» трудящихся Москвы от нашествия иногородцев, принял решение о переходе к паспортно-карточной торговле.

Ни одна из возможных альтернатив (либо попытаться через средства массовой информации убедить граждан, что в муке и макаронах заводятся жучки да черви, а пшеница закуплена, а урожай богат и в ближайшие месяцы голод нам не грозит, либо потребовать от правительства в срочном порядке выбросить в продажу военно-стратегические запасы, чтобы сбить панику, рассмотреть вопрос о возможностях экстренной дополнительной закупки продовольствия за рубежом, или попросту дать гражданам возможность разнести все прилавки и не прикрывать «промашки» Николая Рыжкова, дав ему возможность уйти в отставку) московским депутатам в голову не пришла. Их рецепты оказались весьма просты, чтобы не сказать примитивны: опустить товарный шлагбаум перед иногородцами.

Сказано — сделано. Шлагбаум опустили, а заодно и перекрыли товарные потоки, поступающие в столицу.

Возможно, в первые месяцы кому-то из москвичей и показалось, что распределение по карточкам да паспортам гуманнее и удобнее изнурительного стояния в «смешанных» очередях с «чужаками». Но по мере того, как в очереди эти за своими 300 граммами «еды» вставали мужички с паспортами да детишки со справками, они становились все длиннее и злее. А еды не только не прибавлялось, а на глазах убывало.

Газеты скупо освещают тему «тамбовских бунтов», требующих отрезать Москву от снабжения. Но в Моссовете эти данные, по-видимому, есть.

И если идея введения продразверстки принадлежит вынашивающему ее с первого дня вступления в должность (по его собственному признанию) Ю. Лужкову и пользовавшемуся ею во время своей предвыборной кампании Г. Попову, то отвечать за действия продотрядов нынешней зимой придется Борису Ельцину.

Скажите, Борис Николаевич, вы готовы к тому, что в ответ на «карточную политику» Моссовета, а теперь и Верховного Совета РСФСР, вся Россия придет в движение и начнет торговать? Одни станут доставлять хлеб в Москву, чтобы менять его на мануфактуру, а другие начнут прорываться через заградотряды в серьгах и бриллиантах, чтобы под покровом ночи обменять их на мешок с картошкой? Валютой станут мука да соль. Конфискации, обыски, запреты на базарную торговлю, отлавливание «спекулянтов», процессы за «сокрытие»... А разница с 20-ми годами будет состоять лишь в том, что тогда 80 процентов населения составляло крестьянство и было кому хлебом торговать. Россия в ту пору была экспортером хлеба, который славился и сортами, и качеством. Теперь же владельцами продовольствия являются колхозы-совхозы, которые мертвой хваткой возьмут вас зимой за горло, дабы не помышляли всуе о ликвидации их монопольной благодати.

Хочу напомнить, что в историческом документе о переходе к нэпу, принятом X партконференцией в 1921 году, наряду с экономическими свободами для кооперации, мелких и средних предприятий содержался еще и пункт 6: «Усилить карательные меры за бесхозяйственность и хищения государственного имущества, а также за нерациональное использование рабочей силы». Вы подготовили себя и свою команду к «усилению карательных мер»? Ибо хищения и бесхозяйственность являются давно уже не исключением, а нормой нашей жизни. Как, впрочем, и нерациональное использование не только рабочей силы, но и ресурсов. В условиях карточного распределения эти явления умножатся и процветут в геометрической прогрессии.

Таким образом, не кому-нибудь и не когда-нибудь, а вам сегодня решать: переводить ли под зиму Россию на «осадное положение», либо попытаться до снега либерализовать торговлю и под озимые раздать землю. Готовы ли вы улаживать территориально-производственные конфликты (заодно с территориально-национальными), которые начнут множиться как на дрожжах, вбивая колышки на перекроенной «по национальному признаку» почве? А может, рискнуть и сделать прямо сейчас, без «стабилизаций» ставку на «рынок», призвав в помощники всех «спекулянтов» да «торгашей» из разогнанных торгово-закупочных кооперативов? Этакий клич молодецкий по России — торгуйте и обогащайтесь? Глядишь, и рассыплется колхозная мафия, которая не упустит свой шанс нанести нам свой «последний» ответный удар. Гноить и сжигать будет, а по госценам не отдаст.

Вторая мина была заложена в правительственной концепции перехода к «регулируемой рыночной экономике». Вариант Рыжкова — Абалкина предполагал принятие 13-й пятилетки с ее обязательным директивным планом-заказом и лимитным распределением сырья и материалов. И только после 1995 года правительство намеревалось ввести «регулируемый» Госпланом рынок с «контролируемыми» Госкомцен ценами, пообещав гражданам за «последнюю несчастливую» пятилетку административными мерами решить все те проблемы, которые не могла до сих пор решить наша плановая экономика.

Как удачно, что ваши эксперты не поверили словесной апологии рынку в правительственной программе, напрочь отвергли идею компенсированного повышения цен и выдвинули собственную свободную от идеологии рыночную программу «500 дней». И по целям, и по принципам, и по установкам своим заслуживающую самой высокой похвалы. Браво! Альтернативы ей нет. И это замечательно, что ваши парламентарии так единодушно ее одобрили, а Согласительная комиссия под руководством академика А. Аганбегяна поддержала.

Но!

Не верьте ни одному «модельеру», ни одному «расчетчику» и «планировщику» постепенного перехода к рынку. Заблуждается тот, кто полагает, что можно, сидя в кабинетах, рассчитать пропорции, сформировать рыночные институты и инфраструктуру, сконструировать рыночные отношения и по дням расписать стратегию перехода.

Свои стратегические проекты и правительство, и ваши эксперты подкрепляют ссылками на использование методов экономико-математического моделирования. Не верьте ни одному проделанному в ЦЭМИ «научному прогнозу», ибо у них нет, не было и не будет (пока цены не станут свободными) единицы для измерения затрат и результатов. Цены наши ничего не отражают, а в штуко-километрах и килограммо-бутылках ничего подсчитать нельзя.

Все свои расчеты сотрудники ЦЭМИ осуществляют на основе «имитации» рыночных отношений. Это коварная штука, ибо никто и нигде не может заранее знать, какие цены установятся на землю, дома, оборудование, даже на сырье и потребительские товары. Нет никаких шансов хотя бы примерно угадать, как сложатся отношения кооператоров, арендаторов и акционеров, каким будет коммерческий банковский процент, какая доля иностранного капитала вольется. Даже американцы и японцы, чья счетная техника поновей, гадают на кофейной гуще, пытаясь предсказать начало кризиса или длительность бума. Тысячи причин влияют на структуру цен и на движение инвестиций, разоряя целые фирмы, пуская на ветер банки. Как можно «сымитировать рынок» и рассчитать на 500 дней или на пять лет вперед его динамику? Как можно на следующий год обещать рост, если мы сегодня не уверены в том, что переживем эту зиму без политических потрясений?

Не приглашайте Василия Леонтьева в консультанты, ибо он советует, как рассчитать «правильные» цены и построить «правильные» балансы. Оставьте все эти упражнения для филантропов и начинайте жестко и твердо переходить к рынку незамедлительно, без всяких предварительных стабилизаций. «Пока не приведем в порядок финансы — цены не трогать»,— говорит Григорий Явлинский.

«Прежде чем выпускать цены, надо насытить рынок»,— интерпретирует содержание стабилизационного периода Геннадий Фильшин.

«По мнению Комиссии, надо незамедлительно принять ряд чрезвычайных мер хотя бы по частичной стабилизации экономики»,— пишет глава Согласительной комиссии Абел Аганбегян.— «Нужно стабилизировать важнейшие производственные и кооперативные связи... При стабилизации розничных цен восстановить потребительский рынок, «связав» на добровольной основе и в интересах трудящихся их избыточные денежные средства».

Не доверяйтесь тем, кто готов взяться привести в порядок финансы, не тронув цены. И тем, кто обещает вначале насытить рынок, а затем выпускать цены. А также тем, кто призывает вначале стабилизировать прежние «порочные» связи и государственные розничные цены и прописывает рецепты по «связыванию денег».

У этих господ нарушены причинно-следственные связи. Без радикальной ценовой реформы и скорейшей приватизации собственности по четко разработанной стратегии действий, которая, к сожалению, в «500 дней» напрочь отсутствует, никакой стабилизации вы не получите.

Не повторите ошибки программы «чрезвычайных мер» Абалкина, взявшегося за девять месяцев исправить ошибки программы «перестройки и ускорения» Аганбегяна. Сейчас программа «500 дней» в своей первой — стодневной стабилизационной части предусматривает исправление ошибок и последствий программы «чрезвычайных мер», ставя первейшей своей задачей исправить ситуацию на денежном рынке — стабилизировать денежно-финансовое обращение, обеспечить равновесие денежной массы и товарооборота, ликвидировать бюджетный дефицит, а затем уже, через три с половиной месяца, приступать к реформе собственности и ценообразования.

Исправлять следует не ошибки своих предшественников, пытаясь повернуть события вспять и стабилизировать ситуацию в ее прежних связях и границах, а устранять причины, порождающие неверно ориентированные действия. И чем скорее, тем лучше.

Программой «500 дней» объявлено «до 1 июля (то есть на 9 месяцев) безусловное сохранение действующих хозяйственных связей со строгими санкциями за их неисполнение, вплоть до уголовных».

Готовы ли вы уже с первого месяца реформы прибегать именно что к уголовным санкциям и терпеть одно за другим поражение на этом фронте? Учитывая уже происшедшие остановки ряда производств, военное положение в Закавказье, события в Прибалтике и на Украине, суд окажется на стороне «объективных обстоятельств», которые всякий раз будут в пользу «рвущих» старые административно-порочные и экономически неэффективные связи.

Не следует пренебрегать и общественным движением экологов («зеленых»), которые, всего вероятнее, начнут «ложиться на рельсы», чтобы не допустить предусмотренного стабилизационной идеологией восстановления на 1991 год производства на закрытых по экологическим мотивам предприятиях.

Учтите опыт своих недавних предшественников: все они порастеряли и порастратили свой политический капитал на попытках осуществить движение вспять и стабилизировать ситуацию в ее прежних границах.

Авторы «500 дней» требуют «обязать государственные предприятия обеспечить поддержание объема поставок на уровне, не ниже предусмотренного законными договорами». А Кировский завод вот-вот встанет...

«На 1991 год сохраняется система госзаказов с системой гарантированного распределения материально-технических ресурсов и по прежним ценам, поскольку эти заказы уже осуществлены».

Учитывая грядущую ликвидацию союзных «разместителей» заказов и «распределителей» лимитов, да еще в условиях конфронтации союзного и республиканского правительств, кто «спустит» на места госзаказы? Кто-нибудь из фрондирующего лагеря в Госплане и Госснабе? Скорее всего некомпетентного и не располагающего необходимой для этого информацией? Формирование же «временной» «Государственной контрактной системы» займет не три и не пять месяцев.

«Сохраняются цены на набор товаров первой необходимости, образующих прожиточный минимум населения, и применяются меры по сдерживанию роста доходов населения — общественные соглашения о контроле за ростом доходов»,— говорится в программе.

А почему вы думаете, что общество, не принявшее абалкинскую относительно мягкую стратегию по сдерживанию доходов, примет ваши ограничительные меры?

Ведь ваш кредит доверия выдан под прямые обещания радикальных демократических перемен. А таковыми всегда и везде являлись экономические и политические права и свободы, и в первую очередь свобода частного предпринимательства и священное право частной собственности.

Авторы «500 дней» предлагают вам стратегию «товарной интервенции» — в течение ближайших четырех месяцев накапливать на складах непродовольственные товары (в объеме 3—7% товарооборота) с тем, чтобы в 1991 году выпустить их в продажу.

Похоже, они полагают, что промтоварные «демократические» склады будут иметь преимущества перед «административно - консервативными», и улюлюкающая толпа под клич — «склады ломятся от товаров, а в магазинах хоть шаром покати» — не разнесет, не разграбит и не сожжет всю эту товарную благодать. Отложенный потребительский спрос назавтра рождает ажиотированный спрос, еще выше поднимая цены «черного рынка», и боюсь, не дождаться нам момента «товарной интервенции», когда море накопленных товаров разольется по прилавкам.

Но самая опасная бомба стремительного действия заложена в дефляционной направленности финансовой политики первых ста дней.

Сокращение дотаций убыточным предприятиям, сокращение военных расходов и попытки ликвидировать львиную часть бюджетного дефицита за один квартал, резко сократив государственные расходы и заморозив инвестиционные программы, обрушится на нас серией кумулятивно разрастающихся банкротств и массовой безработицей, в том числе на военных предприятиях.

Вы представляете себе военный городок Урала, в котором тысячи разгневанных мужчин начнут сообща искать себе «новое место в жизни»? А ведь программы общественных работ начнут разрабатываться только к концу следующего года. И пособия по безработице возникнут где-то через 9 месяцев, а бирж труда еще и в помине нет, и законодательства о пособиях, толкового и работающего, пока что не принято.

На что же рассчитывают наши молодые стратеги? Военные подождут?

Инфляция — плохая болезнь. Но у нее, кроме явно негативных сторон (обесценивание доходов и сбережений, искажение структуры и пропорций, смещение торговли на «черные рынки» и т. д.), есть одно несомненное преимущество: она умеет «пускать пыль в глаза», создавая иллюзию оживления. А когда денежных знаков становится слишком много, они начинают поступать даже к тем слоям населения, которые ничего, кроме «гарантированного минимума» да пустых бутылок, за душой не имели. (На том и держался в последнее время наш финансовый монстр — Минфин,— открыто и беззастенчиво разоряя дотла страну.)

Дефляция — очень опасное лекарство. В гомеопатических дозах, точечно и аккуратно извлекая осевшие в разных сферах «лишние» деньги, будто бы удаляя маленькие раковые опухоли, она может оказывать целительное воздействие. Но стоит эту дозу чуть превысить, чуть больше возможного перекрыть инвестирование, как может начаться неуправляемое кумулятивно нарастающее падение производства, сопровождающееся уже массовыми банкротствами, многомиллионной безработицей и кончающееся полным параличом и коллапсом.

Программа первых стодневных «чрезвычайных мер», если она будет осуществляться в прописанном авторами режиме, может привести нас прямехонько туда — к параличу и коллапсу.

Авторы «500 дней» побоялись выпускать цены и замыслили осуществить, по словам Б. Пинскера, «мягкую посадку». В Согласительной комиссии А. Аганбегяна вариант прямого и непосредственного перехода: без «стабилизационных периодов» начинать реформу приватизации собственности и выпускать цены в условиях жесткой, но постепенной антиинфляционной терапии, не рассматривался и был отброшен как «экстремистский». Побоявшись инфляционной спирали, они отважились на дефляционный шок.

Бойтесь дефляционного шока пуще любой чумы. Опыт «Великой депрессии» 30-х годов, когда стояли заколоченные фабрики с выбитыми стеклами и толпы голодных слонялись по улицам в поисках работы, может повториться. Как раз на 101-й день реформы, так и не дав нашим страждущим гражданам вкусить сладких плодов стабилизации. Происшедшие в последние три года в условиях инфляционной политики денежные «протечки» из государственных сундуков создали некоторый непривычно высокий для уровня наших частных сбережений денежный фонд, вокруг которого и кипят ныне страсти.

Одни предлагают напустить на него «тяжелую артиллерию» и попытаться грубо отнять все накопленное на счетах да в кубышках. Очень хороши для этих целей распускаемые слухи и подогреваемые страсти по поводу гуляющих по стране миллионных и даже миллиардных состояний, для борьбы с которыми можно и пожертвовать нашими хилыми «гражданскими» накоплениями.

Другие предлагают ввести другие — «хорошие» деньги, заменив наши бумажные рубли и перечеркнув «мафиозные накопления». Они, наивные, все еще полагают, что богатые хранят свои сокровища в денежных купюрах.

Третьи заняты разработкой косвенных конфискаций, называя эти формы принудительных сбережений «связыванием лишних денег». Самое оригинальное решение здесь по праву принадлежит академику Аганбегяну, советующему правительству «связать» «лишние» деньги, продав гражданам места в очередях на дефицитные товары и услуги.

В рыночной экономике потребители берут в кредит дома да машины, а затем расплачиваются. Нам предлагается вначале заплатить, а потом, в течение пяти лет, воспользоваться. Идея всей операции состоит в том, что граждане предоставят свои накопления в кредит государственным предприятиям, которые расширят за счет этих средств выпуск дефицитной продукции. Идея и оригинальная, и остроумная, если бы не два обстоятельства: святая вера в то, что «приватизированная» к тому времени промышленность будет добросовестнейшим образом выполнять все обязательства Рыжкова и Абалкина, которых, надеюсь, к тому времени и близко в правительстве не будет, и святое неведение о том, что имеющиеся у граждан накопления по своему экономическому содержанию являются мешком не обеспеченных материальными ценностями денежных знаков, которые так льготно и охотно печатало наше правительство в последние несколько лет. Попросту говоря, бумагой, пригодной для складирования и коллекционирования, но не могущей превратиться в металл, машины и оборудование, из которых будут построены дома и автомобили. Не могущей потому, что выпущены эти банкноты были под «воздух» и купить на них можно будет также один только «воздух»...

Не попадитесь на эту удочку. Не делайте новых долгов и не берите на себя невыполнимых обязательств. Идея распродажи в кредит продукции государственных заводов и фабрик сроком на пять лет — гениальное изобретение «планировщика - государственника», обещающего по «гарантированным» государственным ценам обеспечивать всех страждущих дефицитными товарами. Поскольку в благотворительную распродажу мест в очередях за будущим дефицитом подключается ассортимент практически всей промышленности — в список товаров включены автомобили, жилье, земельные участки, гаражи, телевизоры, холодильники, видеотехника, персональные компьютеры, особо дефицитные мебельные гарнитуры и даже установка телефонов,— то жизнь Госпланам и Госснабам вместе с Госценами и Госкомтрудом как минимум еще на пять лет гарантирована.

Есть только один верный способ того, как избавиться от «ненастоящих» — инфляционных сбережений. Для этого надо выпустить из подвалов, складов и хранилищ запрещенные к продаже на потребительском рынке товары — станки и машины, оборудование и материалы, запчасти и древесину, семена и удобрения, фураж и зерно. Надо вернуть в открытую продажу коров и овец, лошадей и птицу. А купившим не мешать открывать свое собственное предпринимательство. Продавать по свободным ценам свободного рынка. А вырученное от продажи временно изъять из обращения. Это и будет дефляционная терапия гомеопатическими дозами. И я уверена, что каждое посаженное в землю зернышко даст весной свои первые всходы, а фураж не сгноят и не спалят — скормят скоту.

Что самое главное в рыночной экономике? Свободные цены на свободном рынке. Вам предложены три стратегии реформы цен на выбор: Правительственная — антирыночная, первоначально замышлявшая подъем цен на мясо и выплату «мясных» компенсаций, затем подъем цен на хлеб с «хлебными» компенсациями, и теперь вот просто двукратное повышение цен на все товары и услуги с 1 января 1991 года, и также с какими-то там компенсациями. Ее обсуждать не стоит.

Аганбегяновская, предлагающая единомоментно перейти от централизованной системы цен к преимущественно рыночным ценам с 1 июля 1991 года, то есть через 9 месяцев после начала реформы, оставив под государственным контролем цены на 20—30 процентов ключевых товаров. Введению свободных цен должно предшествовать введение конкуренции, накопление товарных резервов и обсужденное уже введение мер по «связыванию» денежных средств населения.

Похоже, что автор этой концепции и впрямь полагает, что можно вначале «организовать» конкуренцию товаропроизводителей, затем накопить товары, а через 9 месяцев «выпускать» цены с тем, чтобы уже потом начинать приватизацию собственности, которая и начнет выплачивать «долги» в виде автомобилей и электроники.

Третий вариант ценовой реформы — трехуровневую структуру цен — предлагает программа «500 дней»: первый уровень — цены стабильные: на 1991 год заморозить цены на 100—150 конкретных товаров и услуг, образующих основу прожиточного минимума, и разместить госзаказы на дополнительное производство этих товаров, введя при необходимости их нормативное распределение. Поскольку необходимость есть уже прямо сегодня, то это и составят те товары, которые будут распределять по карточкам. Помимо товаров первой необходимости, твердые государственные цены останутся на сырье и топливно-энергетические ресурсы.

Второй уровень — цены договорные, регулируемые; ими будут оптовые цены на выпускаемую по госзаказам продукцию. Они будут корректироваться и утверждаться «компетентными органами Государственной контрактной системы». Производители будут обязаны подавать в «компетентные государственные органы» заявки-обоснования, а последние, по истечении установленного срока, сообщать о своем решении, «основанном на рекомендациях квалифицированных экспертов»..

Уважаемый Борис Николаевич! Поверьте грешной: нет в природе человеческой таких «квалифицированных экспертов», которые могли бы «за рынок» решать вопросы о целесообразности или нецелесообразности повышения цен в каждом конкретном случае.

Третий уровень цен — свободные, коммерческие, рыночные, устанавливаемые на всю оставшуюся после стабильных и регулируемых — договорных видов продукцию.

И все бы ничего, если бы не два следующих обстоятельства. Во-первых, они будут супермонопольно высокими (80 рублей за бутылку виски — это еще цветочки).

Так случится потому, что львиная доля всех товаров и услуг будет распределяться по карточкам, а остальная часть уйдет «в тень», которая и станет формировать свои мафиозно-свободные цены. А во-вторых, ваши отважные регулировщики не откажутся от соблазна наложить свои ограничения и на коммерческие цены. Ибо программой их предусмотрено: «формировать дотационный фонд местных Советов за счет штрафов за необоснованное повышение цен и недобросовестную конкуренцию».

Заниматься подобной эквилибристикой — поддерживать социально низкие государственные стабильные цены за счет дотационных фондов, формируемых путем изъятия части торговой прибыли от товаров, реализуемых в коммерческом секторе по «монопольно-свободным» ценам,— можно до бесконечности, и главное, с одним-единственным результатом — очередями за пайками по карточкам да пустыми прилавками.

Все эти «временные» меры, которые намерены вводить для стабилизации рынка, окончательно дорушат наш потребительский рынок и окончательно переведут всю страну на карточную систему распределения. А где-то в «коммерческом секторе» долларовые господа иностранцы будут жевать балычки-коньячки с «интердевочками» и рассуждать о суетности рыночной жизни в новой России, являющей собой всесоюзный бартерно-черный рынок и выдерживающей своих граждан на карточном минимуме по социально низким ценам.

Тот результат, который ваши реформаторы намерены получить к концу 1992 года,— контроль цен на ряд потребительских товаров — хлеб, мясо, молоко, растительное масло, сахар, медикаменты, учебники, транспортные тарифы, отдельные виды коммунальных услуг — излишен даже для стартовых условий реформы.

Примите совет — не морочьте ни себе, ни людям голову и выпускайте цены. Ибо планируемые, регулируемые и назначаемые цены — это незыблемый оплот административной экономики, научившейся безупречно пользоваться всеми своими завоеваниями и преимуществами.

В свое время у нас очень модной темой было обличение социальных последствий НТР на Западе. Тема решалась просто: монополии обогащались, а общество оставалось при социальных последствиях — безработице да нищете. Но вопрос же о социальных результатах вовсе не рассматривался.

В процессе перехода к рынку у нас возникнут замечательные социальные результаты: часть нашего бедного общества начнет быстро богатеть и успешно процветать. Строить себе удобные и красивые дома. Свободно ездить за рубеж и учить своих детей — кто в Калифорнии, а кто и в Кембридже. Никуда не деться — процветающим может быть только то общество, в котором есть условия для преуспевания.

Не завидуйте богатым! Порочно не богатство, а лень, немощь и неграмотность. Порочны условия, которые плодят и размножают бедность. Порочны люди, которые живут свою жизнь вечными собаками на сене. Порочна идеология, которая возводит бедность в добродетель.

Социальные последствия перехода к рынку будут очень хороши: люди станут богаче, самостоятельней, увереннее в себе, свободней и ответственней. А значит, богаче и разнообразней станет наша жизнь, появится больше средств и возможностей для процветания наук и искусств. Это и есть главное социальное последствие и НТР, и рыночного перехода, который сумеет использовать и воплотить в жизнь научные и технические открытия последнего столетия. Единственное, о чем надо позаботиться заранее,— о бедных и безработных, немощных и одиноких. И здесь, и только здесь надо искать способы защиты от «рынка». Не замораживать цены и содержать «социально низкие» цены либо взвинчивать до небес налоговую прогрессию, не удерживать неэффективные экономические связи и заставлять госпредприятия на веки вечные выполнять навязанные им обязательства, а подумать о том, как эффективней стимулировать бизнес и предпринимательство, расцвет ремесел и торговли. И тогда, и только тогда

Продолжение на стр. 30.

ЧЕЛОВЕК НАСТОЯЩИЙ

Марк ШТЕЙНБОК
(фото автора)

Если ты родился на этой земле и еще ребенком выходил с отцом в море на охоту, если ты умеешь предсказывать пургу даже при ясном небе и можешь провести сутки на 50-градусном морозе, когда льды закрыли обратный путь для твоей кожаной байдары, если тебе удалось остаться на плаву, перерезав намотавшийся на руку линь, когда загарпуненный морж пытался утащить тебя на глубину, и для тебя морская охота, так же как для твоих предков и для твоих детей,— главное дело в жизни; тебе не надо никаких апельсинов, было бы мясо морского зверя, и только ты на этой твоей земле самый главный и самый настоящий человек.

«Юпик» по-эскимосски.

Только ты здесь настоящий хозяин, и пусть в действительности это будет так.

...Полчаса полета, и вы в Америке. Или в России, в зависимости от того, куда направляетесь, в Ном или в Провидения. Провиденский аэропорт получил статус международного. Свой КПП, своя таможня (пока в комнате матери и ребенка), свои очереди для досмотра. Поток желающих воспользоваться удобным и дешевым коридором в Америку возрастает. Правда, соглашение между правительствами двух великих держав о безвизовом обмене для коренного населения Чукотки и Аляски пока не действует: оформление все равно через Москву.

В провиденской гостинице я встретил эскимосов, которые должны были лететь к родственникам и знакомым на Аляску, но вот уже девять дней маялись в ожидании разрешения.

Их бумаги ходили по кругу Провидения — Анадырь — Магадан — Москва — Провидения, и безрезультатно. То ли кто-то из местных не очень умелых чиновников неточно оформил документы, то ли еще какая причина. В общем, людям вначале говорили: подождите час, потом завтра, потом тишина, ничего не говорили, потом опять завтра... Американская сторона уже была согласна на любые варианты оформления документов, в Магадане, однако, такой смелости не проявили. Люди дежурили в аэропорту, маялись в гостинице, домой в Сиреники улететь было нельзя, потому что вертолет только два раза в неделю, и то, если погода. Когда на десятый день сказали, что точно поездка не состоится, езжайте домой в свои Сиреники (куда и я как раз направлялся), погода испортилась, и попасть уже не в Америку, а домой, в Сиреники, стало нельзя. Тут нервы у этих выдержанных людей сдали, и в гостинице запахло одеколоном. Директор совхоза «Ударник» Вячеслав Петрович Суднеко понял, что надо спасать своих людей. Он выслал за ними машину, которая в случае удачи могла дойти только до определенного места, куда надо было плыть на барже.

Когда мы плыли на барже «Восток-132», а люди стояли на открытой палубе под дождем, как овцы, капитан-механик Василий Нестерович Бордюжа, сам родом из Молдовы, проработавший четверть века на Севере, проваливавшийся под лед вместе с вездеходом на острове Врангеля, сказал мне, что эскимосы и чукчи — это и есть настоящие люди.

Прежде всего они честные.

Потом: они никогда ничего плохого ни для человека, ни для природы не сделают. Если обычный человек много лет прожил на Севере, он становится таким же настоящим человеком. А те, кто ненадолго приезжает за деньгами, хотя сейчас большого смысла в этом нет, обязательно все поломают, замок собьют, в балке намусорят. Приезжие совсем другие люди. Потом часа три мы ждали машину под дождем на берегу, где, кроме нескольких пустых бочек, ничего не было, потом пять часов в открытом кузове ЗИЛ-131 тряслись без дороги по горам и опять же под дождем. Подпрыгивая в кузове, среди эскимосских слов моих соседей я различал «Америка, Америка...» и смех. Смех, когда обманули с поездкой, когда потеряно десять дней, когда десять часов под дождем. Не могу представить себе никого из своих знакомых, которые в такой же ситуации вели себя столь же спокойно и достойно.

Видимо, прав капитан Бордюжа. У этих людей другое мировосприятие. Нам надо у них учиться.

Считается, что Сиреники стоят в удачном месте, прямо на пути миграции моржей, не то что Новое Чаплино, другой эскимосский поселок в Провиденском районе. То есть Старое Чаплино, вернее село Уназик, которого сейчас нет, тоже стояло в удачном месте. Но приняли решение о неперспективных, об укрупнении, о переносе, и вот построено Новое Чаплино в глубине, на берегу замерзающего залива, что абсурдно для морской охоты. Оно-то действительно стало неперспективным. Зато праздник кита удобно проводить: гости из Провидения могут приехать по единственной в этих краях дороге. Ну а Сиреники — другое дело. Стоят столетиями, и все тут. Но вот беда. Пути миграции моржей последнее время изменились. Меньше стало морского зверя.

Как считает директор совхоза Вячеслав Петрович Суднеко, под влиянием разбойничьих действий судов «Рыбпрома», с которых убивают зимние залежки моржа. Подходит судно к льдине и начинает стрельбу. Уходят раненые, вокруг море крови, сколько их там тонет? Мясо морского зверя идет в основном на зверофермы для откармливания песцов. Одних животных убивают, чтобы кормить других, шкурки которых так нравятся человеку. Дело идет к тому, что скоро некого будет стрелять, вздыхает директор. Совхоз получил лицензию на двух гренландских китов, приобрел необходимое оружие. Добыть гренландского кита — для зверобоев самое большое счастье. Лицензия есть, китов пока не видно. Серых, более мелких китов поставляет совхозу китобоец «Звездный», обслуживающий побережье. По плану совхозные песцы должны съесть в этом году 12 серых китов.

Мой знакомый зверобой Николай Ранумай, который оказался нешуточным знатоком истории Российского государства, имена и даты правления всех царей у него в голове, как в компьютере, показывает мне холм на берегу, осыпавшийся со стороны моря. Видно, что он состоит из пластов китовых костей. Каждое поколение, наверно, оставляло свой пласт. Нынче строительство холма закончено. В нем теперь яма для хранения мяса. А кладбище китовых костей неподалеку, в устье речки. Настоящее имя Николая — Нутаугье, так звали и его деда. Ранумай звали отца и деда отца. Ранумай было имя.

Фамилий у эскимосов не было — только имена. Когда вводили паспорта, имена записывали вместо фамилий, а вместо имен записывали произвольно Иван Иванович, Тимофей Петрович, Иван Петрович, на выбор. Родные братья и сестры стали носить разные фамилии, которые раньше были их настоящими именами. Дед Николая Нутаугье был первый коммунист в Сирениках, направленный сюда из Уназика (Старое Чаплино) организовывать колхоз. Теперь Николай живет на улице, названной в честь деда Нутаугье, а его дети носят фамилию Ранумай и отчество Николаевич, как принято у русских.

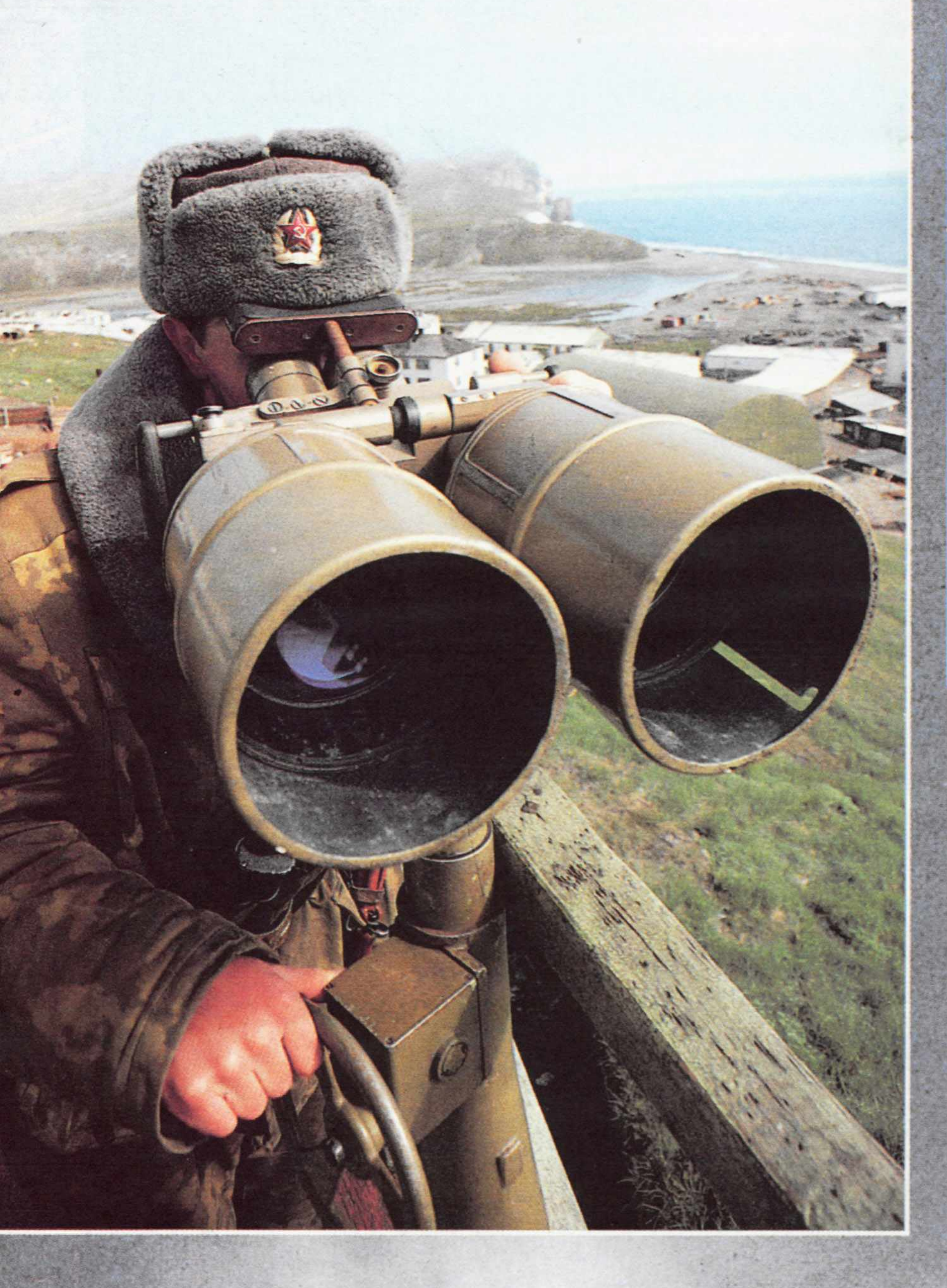
Директор совхоза «Ударник» Вячеслав Петрович Суднеко — человек молодой и человек верующий. Мечтает построить в Сирениках церковь. Он был на Аляске в Номе, там семь церквей, ему очень понравилось. Вячеслав Петрович гордится, что колокола звонницы Ростова Великого висят на широких ремнях из моржовой кожи, изготовленных здесь, в Сирениках, и предлагает, если кому нужны ремни для колоколов, изготовить их за минимальную плату. Еще он досадует, что шкуры моржей, кроме как для изготовления байдар, ни для чего не используются, а могли бы. В принципе толстенную 12-миллиметровую шкуру можно раскалывать на 12 частей, получается замечательный хром для изготовления кожаных вещей, как это делают на Западе. А еще, имея технологию, можно было бы самим вытапливать жир морского зверя, который идет в парфюмерной промышленности и для целебных целей. Нужна свобода, нужен хозяин, нужна частная собственность, считает Вячеслав Петрович. Ничего нового, как видите, несмотря на соседство с Америкой. А еще он считает, что эскимосы должны иметь право свободно плавать, куда захотят, хоть на Аляску, как раньше плавали, и просит это опубликовать через журнал «Огонек», что мы и делаем, потому что с ним совершенно согласны.

ПОРТ ПРОВИДЕНИЯ-
XXVII
СЪЕЗД
КПСС
ВОРОТА
АРКТИКИ

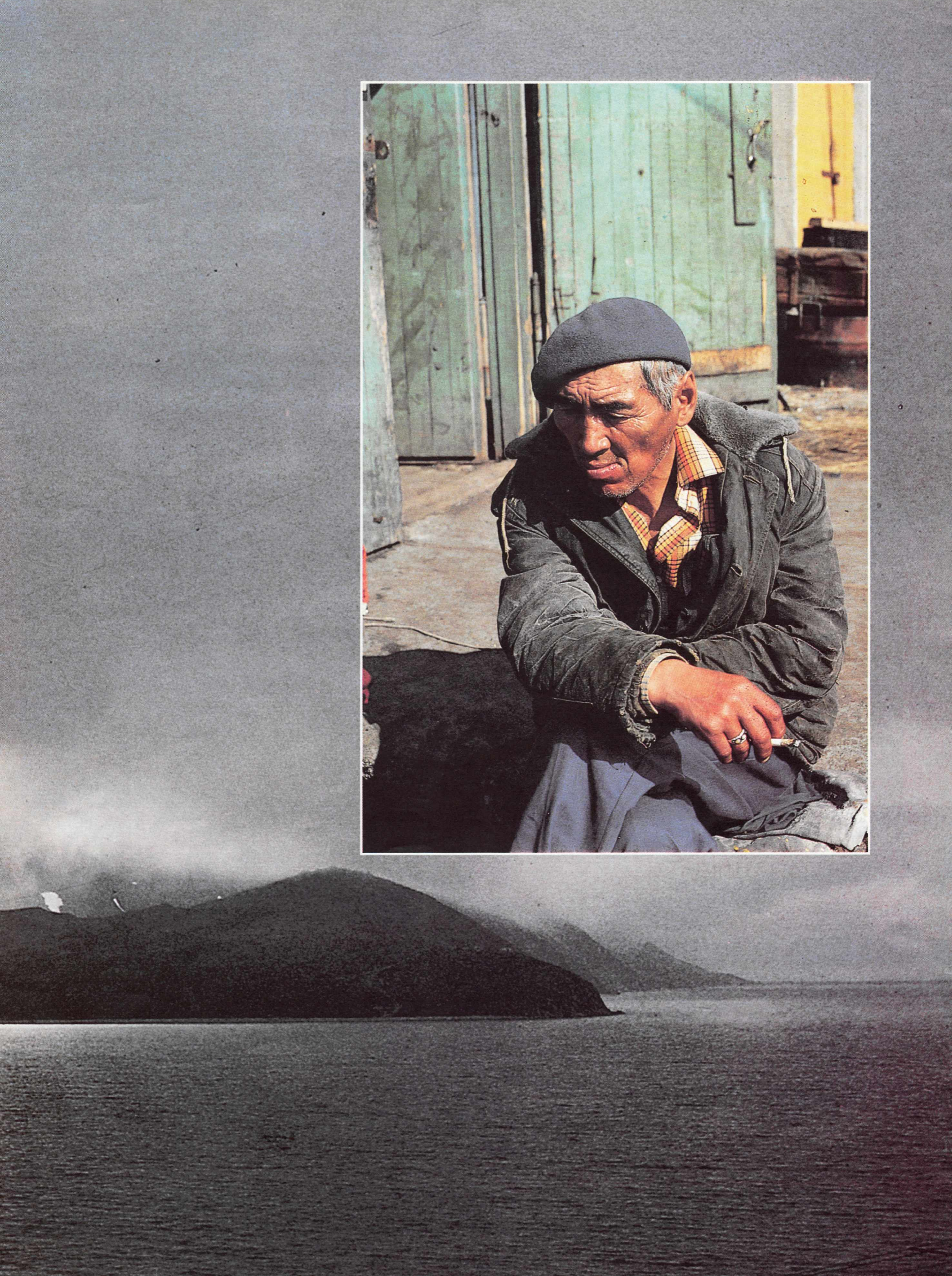

02

ПР-20

КРОВНОЕ РОДСТВО

Поэтам поколения тридцатилетних выпала непростая творческая судьба. Начав писать и от случая к случаю печататься в годы тотальной лжи и процветания бутафорской литературы, к своей зрелости они подходят сейчас, во время глобального перелома и серьезного духовного кризиса в обществе. Такие времена если и дают импульс искусству, то проявляется он далеко не сразу. Не случайно в этом поколении появились — как обособленные литературные течения — иронисты, доводящие до абсурда любой поэтический пафос, и метафористы, бесконечно далекие от прямого высказывания и какой бы то ни было исповедальности. Но есть в поколении тридцатилетних и другие стихотворцы, которые пытаются всерьез и не лукаво выразить свои чувства в рифмованных строчках, несмотря на объективно существующий кредит недоверия к «обычным» стихам. Услышим ли мы их?

Вячеслав КАЗАКЕВИЧ

ПОД ОКНОМ

Чайка толстая молчаливая
под моим летает окном.
Пруд запущенный рядом с ивою
под моим сияет окном.

Пьяный дед разбитой дорожкою
под моим гуляет окном,
антикварной гудит гармошкою
и поет под моим окном.

Будут войны, смуты, восстания,
миллионы людей умрут...
А в конце-то концов останется
под разбитым окошком пруд.

Дно почистят, воды прибавят,
пустят селезней, может быть.
Привыкая к такой забаве,
станут дети уток кормить.

Станет имя мое обложкою
мятой книги на чердаке...
И, когда загудят гармошкою,
что отыщется в сундуке,

жадным взглядом из мира дальнего
вмиг окину все в том краю,
где надеждами, ожиданьями
заморочил я жизнь свою.

* * *

Голову я к небосводу заброшу,
там проплывает журавль хороший.
Может быть, в Кричев или в Заславль,
шум поднимая, несется журавль.

Мне до него никакого нет дела!
Молодость скальда давно пролетела.
С верной супругой бок о бок стою,
сын за штанину схватился мою.

Был я готов умереть под забором,
а превратился в семейства опору.
Если б сейчас снегопад повалил,
вряд ли меня бы он повалил.

Родина есть и семья, и работа.
Только гордиться собой неохота!
Средь муравьев и другой мелюзги
вижу чугунную тень у ноги.

С кроткой женою, с сыном-пострелом
в небо мы смотрим, глаза округлив,
и справедливо, поровну делим
облако сорта белый налив.

ПРОПАЖА

Оглушительный конь по гравийке несется,
ничего не осталось на небе от солнца.
Пьяный дядька в телеге и пьяный отец,
и торчит на коленках за ними малец.

Спотыкается конь... Разбивается бричка!
Головою качает луна-белоличка.
В синяках и ушибах, но цел, не убит,
под раскатистым дубом парнишка сидит.

Он глядит на кювет, где из хруста растений
на карачках ползут, поднимаются тени...
Вот коня они снова в оглобли суют,
и уносит их в темень запальчивый кнут!

Вижу, звездный шуршит в вышине муравейник,
слышу, лезет под бок холоднющий репейник.
А вернулись за мной иль забыли меня
навсегда у дороги — не ведаю я...

Игорь СЕЛЕЗНЕВ

* * *

На родине этой честной
страшна ль патриоту явь
кусков штукатурки пресной,
трубы водосточной ржавь,
что вмыта в кирпич разверстый.

Я лозунг прочел ударный,
что бьется над головой,
люблю я и щит пожарный
при входе, и цех с кривой
трубою в стене алтарной.

* * *

Где скрываюсь, отбился от рук?
Пусть отец все подъезды вокруг
обежит!
Но подумалось вдруг:
у меня-то его голова!
Плоть от плоти...
У самого шва
на чулке у соседки трава
забывается, вянет во сне.
Кто стоял здесь не раз и не два?
Кто закат на кирпичной стене
узнаёт — и шагает ко мне?
И от кровного страшно родства.

ТОЛЬКО МАТЬ

Его поймала мать!
Как бы не так!
Он плечи передернул и расправил
по ходу дела — и не будь дурак
пустой пиджак в ее руке оставил.
Она в пивной не видит ничего!
А за спиною хохотали
глухо:
«За сколько продаешь пиджак, старуха?..»
А сына нет!
Найдет она его?
Пожалуй что! Отца позвать сюда —
сын не увидит больше никогда
родную мать. А сына мать родная
увидит — в путь последний провожая.
Отцу не скажешь! Кто еще? Жена,
которая найдет другого? Или
дружок, который подтолкнет к могиле?
Ведь мать родная... Только мать одна...

Сергей ЗОЛОТУССКИЙ

* * *

А воронье все кружит над быльём,
а не над настоящим...
Глазной хрусталик прожигает чащи,
и плавится, как пленка, окоем!

И виден след заговоренной пули
сквозь ярый свет сожженного июля!
А в небе вьется хлопьями зола
над крошевом дорожного узла.

Стальные рельсы слепо в узел свиты,
разбросаны вагонов коробки...
Разорваны на части, на куски
и пленники, и охраненья свита...

Кружись над падалью, ликуй, спеши, кричи
над теми, кто уже неразличим,—
могильный Феникс, летчик лихолетья,
влекомый ввысь инстинктом долголетья!

Пока еще не затвердив урок,
идет-бредет контуженый пророк,
проваливаясь в землю по колена...
...Стучится в уцелевшую избу...
И светится на выветренном лбу
рогатая набрякнувшая вена.

* * *

В пальцах чуть теплится жар восковой...
Славно играет оркестр войсковой,
Славно играет, так пробирает!
Крутится, вертится над головой...

Справа и слева парят близнецы —
Так у скворешни трепещут скворцы.
Сирые ангелы, птичий детдом...
Пластырь на рану, на душу — псалом...

Вот завращались прозрачно винты...
Кланяйтесь ниже, иначе — «кранты»!
Медноголосый все выше рефрен,
И не подняться с затекших колен...

Вон и младенец ударился в крик,
Видя мятущийся бешено блик,
Справа и слева визжит, и промеж
Только родительный ультра-падеж...

...И не расслышать уже, не понять:
«Братья и сестры... За Родину-мать!..»
Мы улетаем?.. Пора улетать?

«Аве Мария! Спаси вас Христос!»
Нас по-армейски целуют взасос...
А за мадонной дымится заря...
Ноль на приборной доске алтаря.

ДАР ОБОЛЬЩЕНИЯ

Константин Градополов наносит последний удар,
Высоко тянет ноту Орлова над Волгой широкой...
Древний дар обольщенья — искусный
испытанный дар,
Это звонкие песни и бьющая точно жестокость.

А в стахановском угле кембрийская пыль и пыльца,
Но чумазые парни не знают эпохи состава...
Зарождение жизни в присутствии грозном творца...
Там составы спешат, там деревья трещат и
суставы!

Это взрывом разъятая, вечно морозная твердь,
В порошок измельченные недр коренные породы...
Это выбора право, где лучший из лучшего —
смерть,
Эта высшая мера так тяжко добытой свободы.

Михаил ЛЮБИМОВ

И АД СЛЕДОВАЛ ЗА НИМ

РОМАН

Глава восьмая

О ТОМ, КАК ХРУСТЯТ КОСТИ И ЛЬЕТСЯ КРОВЬ, О СЧАСТЛИВОМ ВОЗВРАЩЕНИИ И О ПУСТЫХ ДНЯХ, КОТОРЫЕ ХУЖЕ АДА

«Вперед, родные, не считайте трупы!»
Газета «Одесский коммунист»,
1918 г.

«Центр, Курту.

Как и предполагалось, неизвестный оказался «Контом». На мои предложения начать работу с «Пауками» он определенного ответа не дал. Встреча в целом прошла нормально, о деталях информирую позже. В настоящее время пытаюсь убедить его встретиться с «Фредом» в Лондоне. Том».

Все это я перевел в цифры своим личным шифром, вызвал на срочную встречу наглую харю и, не молвив ни слова, передал ему сообщение.

На другой день я уже получил сигнал вызова и вечером раздутый от обиды коллега тоже безмолвно и с ненавистью сунул мне ответ.

«Каир. Тому.

Просим постоянно помнить, что «Конт» нас интересует лишь как отдельный элемент всей операции «Бемоль». Поскольку им заинтересовались «Пауки», он может быть полезен для выполнения вашей основной задачи. Курт».

Чисто, красиво, никаких нейтрализаций, вроде бы самому Алексу пришла в голову эта бредовая идея, а чистенький Центр смотрит сверху и лишь напоминает: главное — это «Бемоль», лови свою Крысу и не отвлекайся на Мышей.

Простой обмен шифровками, за которым почти ничего не стояло, а между тем после ухода с Либерти-стрит начались страшные дни, ибо нет ничего ужаснее безнадежного и пассивного ожидания, когда вздрагиваешь на каждый скрип в коридоре и нервно бросаешься к зазвонившему телефону. Ожидание изматывает больше, чем сто проверок на маршруте, не говоря уж о самых рискованных операциях,— я даже теряю вес от ожидания и не идут ни газета в руки, ни виски в горло.

Так я и ждал у моря погоды, крутился в «Шератоне», смотрел в окно, считал звезды в бездонном небе, метался туда и сюда, боялся выйти в город, много раз порывался позвонить «Конту» сам, но говорил себе: «Спокойно, дружище, спокойно, у нас еще все впереди!» Помнишь, что писал великий житель Стратфорда-на-Эйвоне? «Как несчастны люди, не имеющие выдержки. Главное — выдержка!», и я слал свои призывы к «Конту» через стены каирских домов, и шептал: «Соглашайся, Юджин, соглашайся, так тебе будет лучше!», и снова просил Бога помочь, как умолял его в детстве вернуть побыстрее домой маму.

О товарищ Том, о мужественный, о находчивый, о скромный товарищ Том! Помнишь ли ты, какая радость охватила тебя, когда в номере раздался телефонный звонок?

— Здравствуйте, Петро, вы не могли бы спуститься в фойе? — Это пела птица, райская птица по имени Бригитта, пела полной грудью, отдохнувшей от танго соловья. Я пролетел пять этажей словно на мотоцикле, я уже по голосу все понял и благословлял Небо за то, что оно вняло моим мольбам.

— Юджин просил передать, что он согласен на ваши условия. Я пока остаюсь в Каире,— вот и все, что она сказала, и эти слова придали мне волшебные силы, и выросли крылья серафима, понесшие Алекса над мраморными полами, стойками и столиками отеля.

Чечетка на ковре под пение «где твои семнадцать лет? На Большом Каретном!», стойка на руках; не хватало лишь метлы, чтобы вылететь в окно и порезвиться в необъятном космосе.

Счастье настолько переполняло меня, что захотелось обломить кусочек другу и наставнику в Лондоне.

— Хэллоу, это я, Рэй. Я нашел этого фирмача. Оказалось, что мы когда-то работали с ним вместе.

— Приятная новость, Петро. Хотя и неожиданная.— Рэй тоже был взволнован.

— Он согласился вылететь со мной и поговорить о новом контракте.

— Превосходно. Поздравляю вас, Петро!

— Я заказал билеты на послезавтра. До встречи, Рэй!

Летели мы без всяких приключений, то впадая в сон, то выходя из него. Юджин дремал около иллюминатора, куда я его засадил на случай, если он решит выскочить в проход, содрогаться, словно рыба, попавшая в сети, стучать по стеклам, пытаться пробить их и выпрыгнуть на пролетающие облака — мало ли что могло взбрести ему в голову? Ровным характером он явно не отличался.

Я рассматривал его полуоткрытый рот, из которого текла струйка беловатой слюны, и думал: почему все-таки он решил отправиться со мной? Неужели он так хочет увидеть свою семью? Каковы его отношения с Матильдой? Наверняка он с кем-то посоветовался прежде, чем принять решение. С кем? Этот вопрос постоянно крутился у меня в голове, и я снова и снова перебирал в памяти все детали. Впрочем, жизнь научила меня не увлекаться анализом — ведь логика бессильна перед лесом случайностей, и слишком часто разумные построения совсем не похожи на сумасшедшую реальность.

Юджин захрапел, и от этого лицо его стало еще более беззащитным и даже детским, нос скособочился и подполз прямо к углу рта.

Допустим, американцы найдут ему применение (если он уже давно не их человек). Но что будет дальше делать Центр (если он не их человек)? Определенно Центр попытается наказать изменника, но каким образом? Найдут возможности, достанут и без Алекса, достанут изменника. Военный трибунал с Бритой Головой во главе стола (ножки карлика еле достают до пола) и огненные речи, разведенные опиумом чернил и слюною бешеной собаки: «Расстрелять его, мерзавца!» — и крышка бедному Юджину. Бедному, если он мне не наврал. Если он действительно сбежал от неизвестного чудовища. А если нет? Туда ему и дорога! Особенно противно он изгалялся по поводу нашей древнейшей профессии, просто ангел во плоти! Сколько развелось любителей прочитать мораль, вот и Совесть Эпохи, дувший у нас в гостях водку и попутно ухлестывавший за Риммой, временами ронял на наш отциклеванный паркет такие булыжники, как «верные псы правительства», «зажравшиеся жандармы», «как вы там за бугром гребете?», и однажды за эти штуки был выставлен за дверь и пущен вниз по лестнице ударом ноги по худосочному заду. На другой день позвонил, извинился, что нализался и наплел черт знает что («совершенно не помню, что болтал»), а на самом деле перетрухал: вдруг я стукну куда следует о его излияниях, будто не знал, гад, порядочного Алекса почти всю жизнь!

Ладно, Юджин, пусть ты не любишь Мекленбург, пусть мил тебе процветающий Запад, Бог с тобой, я сам не из святых и давно уже не трясу старыми знаменами, но зачем топтать в грязи нашу службу? Разве на том же Западе джентльмены позволяют такое? Разве западные разведки не пользуются уважением общества? И никто, кроме ультрачистоплюев, не вставляет им за аморальность. У них это морально, а у нас аморально! А в чем, собственно, мораль? Црушники преспокойно пришили Альенде и еще целую когорту неугодных, приучили весь мир к своим интервенциям, будто это в порядке вещей и на благо свободы, пускают в эфир всякие о нас небылицы, фотографируют нашу военную мощь из космоса и плюют при этом сверху вниз — и все морально?

У нас все морально, фрайер Юджин, и Монастырь нужен государству, пока оно еще не отмерло по предсказанию Учителей. Народу нужна сильная служба без таких слюнтяев, как ты, и без олигофренов типа Бритой Головы и его камарильи, пачками выкатывающихся из партийного чрева Самого-Самого, аж лестница трещит от их суматошного топота, от нашествия всех этих толстомордых и пузатых (а кто ты сам? кто ты сам? — шептал внутренний голос,— не персонаж ли из «Жития святых»?), не дай Бог попасть в их общество! И жены харями под стать мужьям. Челюсти еще крупно повезло с Большой Землей, а другой мой коллега вляпался так, что не позавидуешь: женился на дочке из сливок общества, на шизофреничке, терзала она беднягу лет пятнадцать, разбивала о лоб рюмки на званых обедах, таскала за нос на людях, а он молчал, как сыч, не пил и не ел,— повсюду стрелял за ним ее шальной зрачок,— танцевал только с ней и любовно смотрел в глаза (другие эту выдру не приглашали), на работу выходил постоянно в лейкопластырях,— острые у нее были коготки,— и все объяснял свои раны сезонными работами на даче, где вечно падает на голову кровельное железо и щеки цепляются о торчащие из стен гвозди. А закончилось все печально — что там леди Макбет! — всадила ему красотка в грудь кухонный нож, предварительно опробовав его на хлебной доске, воткнула прямо в сердце, хорошо натренировалась, он и охнуть не успел... Папаша кровавой леди охотился в одной компании с Бритой Головой на кабанов, скандал замяли — мало ли что бывает в семейной жизни!

Ах, Бритая всесильная Голова! За день до моего вылета из Мекленбурга вызван я был в его высочайший кабинет и предупрежден помощником о строгой конфиденциальности беседы — ни Мане, ни Челюсти, никому ни слова. Решил он со мной поближе познакомиться перед выездом на «Бемоль», прощупать и проставить свою личную цену.

«Как там дела в Англии?» (обожаю эти общие вопросики, так и хочется спросить: «А как дела у вас в Мекленбурге?»), «Много ли там евреев?» (вечно волнующая проблема), «Какова реакция на наши действия по отношению к диссидентам? Видите, в тюрьмы стараемся не бросать, действуем эластично (словечко емкое где-то подцепил, наверное, в привозном порнографическом журнале с рекламой эластичных трусиков), используем положительную практику первых послереволюционных лет, стараемся высылать».— А глазки буравят меня: что ты сам об этом думаешь, Алекс? Как к этому относишься? Но на морде Алекса лишь равнодушие туповатого служаки, он толком и не знает, кто такие эти диссиденты, больные, что ли? Голова продолжает: «К сожалению, очень много больных... очень много...» Алекс только сочувственно покачивает черепом — много дел у Бритой Головы, много забот! Да разве нормальный человек будет заниматься таким бесплодным и вредным делом, как критика мекленбургских порядков? «Конечно, конечно... нормальный человек работает на благо страны, печется о ее интересах...» — Замолк и просвечивает как рентген, а я возьми и брякни, извинительно улыбаясь: к сожалению, я в этих делах плохо разбираюсь, руки не доходят, у меня в Англии свои задачи... я занимаюсь разведкой!

Помощник его, похожий на некий мужской предмет, даже нос заканчивался раздвоенной бульбой,— достиг ли он такого сходства трудолюбием или еще чем, не знаю,— аж на стуле подпрыгнул (он записывал нашу сладкоречивую беседу для частного досье Бритой Головы, поговаривали, он даже на Маню собирал данные).

Глазки Бритой Головы замутились, словно небо перед грозой: «Как это не разбираетесь?! Наш сотрудник во всем должен разбираться! Такие вещи нужно знать!» Я спохватился: «Я обязательно подчи-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—43.

таю кое-что, поработаю...» — Ведь хлопнут, как муху, и разотрут по стеклу, и хана несчастному Алексу...

А гражданин Ландер преспокойно спал, спал великий нравственник, новый Лев Толстой, почитал мораль и закемарил. Плохи дела с этой моралью, не первый раз об этом слышу. Вот и Римма в свое время вещала: «Ты, Алик, совершенно аморален, ты можешь бесстыдно смотреть в глаза, даже если переспал с другой женщиной!» «А ты не можешь?» «Не могу. Ты искалечен своей профессией, ты не любишь и не можешь любить, ты все время врешь, чтобы овладеть женщиной, ты — жулик, Алик, в тебе нет чувств, ты бродишь с набором отмычек, ты — автомат, которому все равно, с кем! Вот я нашла один стишок, очень тебе подходит: «Избави Бог от нежности твоей, когда ты даже в ненависти нежен и без любви в любви прилежен!» «Что в этом плохого, Римма? Страна всегда ценила мастеров!» «Ремесленников, Алик! Хам, настоящий хам, но себе кажешься дико ироничным!»

— О чем вы думаете? — Юджин проснулся, и я даже вздрогнул от неожиданности. Выглядел он хорошо отдохнувшим и безмятежно улыбался.

— Я все думаю, почему вы все-таки решили ехать со мной? Отказывались-отказывались и вдруг решили...

— Можно подумать, что вы этому не рады!

— Конечно, рад, меня за этим и прислали.

Он хитро на меня взглянул, даже нос залоснился от удовольствия.

— Хотите правду?

— Правду, правду и только правду! — сказал я и подумал: «Сука ты эдакая, лгун и сука!»

— Все равно вы меня достанете. Лучше играть с вами в открытую!

— «Вы» — это кто?

— А вы не догадываетесь? — колол меня Юджин.

— Опять вы за свое... Вот прибудем в Лондон, сами убедитесь! — Думал Юджин, что на дубину напал.

— Ладно... больше не буду. Скажите, Алекс, а тяжело работать с американцами? Нет ли у вас раскаяния — ведь многих пришлось заложить, правда?

— Да ну вас к черту! — Я уже не на шутку рассердился, чего ему стоит начать бренчать эту мелодию в развесистые уши Хилсмена.

— Не сердитесь! Извините, если что. Но и дурачком меня не считайте. Если вы мне соврали и на самом деле работаете на Монастырь, то помните, пожалуйста, об одном: если хоть один волосок упадет с моей головы, американцы получат имена некоторых наших ценных агентов. Я их указал в завещании, последнее хранится в сейфе одного банка. Поняли? Поймите меня правильно: против вас лично я ничего не имею, вы мне даже симпатичны... но просто не советую поступать опрометчиво...

Улыбочка уже сползла, скрылась под носом. Вот тебе и Фауст, хорош гусь! Разыграл из себя чистоплюя, целку и шляпу, а теперь выпустил коготки, и прямо в точку, прямо по больному месту. Держись, Мефистофель, не клюй на эту удочку, Челюсть сам говорил в Монтре, что Ландер знает мало. Скорее всего все это туфта! Встряхнись, Алекс, еще Римма твердила, что ты мнителен и подозрителен («Что ты обнюхиваешь меня, когда я задерживаюсь? Зачем вертишь головой на улице? А что это за манера не говорить рядом с телефонным аппаратом? Ты болен, Алекс, ты — шиз, у тебя мания преследования, кому ты здесь нужен? Не своим же? Или и здесь за тобой охотятся армии агентов?»). А если это американцы? Но какой смысл разыгрывать такую трудоемкую операцию? Посылать своего агента к Генри, затем транспортировать его в Каир, и все это для того, чтобы взять на крючок Алекса! Неужели нет других способов? Ну, а если наши? Если меня захотели спалить и ввести на этом деле в игру «Конта», то ведь это можно сделать гораздо проще. Нет, это исключается, это на наших не похоже.

— Я вижу, что вы помрачнели, Алекс, а зря! — сказала эта скотина. — Я вас просто прошу об одном: если вы связаны с Центром, то сообщите, что я никого выдавать не собираюсь, в том числе и упомянутых агентов. Но если меня попытаются убрать, все выплывет наружу... все! Ясно? Больше на эту тему не говорим.

— Зато скажу я. Мне ваша игра, извините, противна! Во всяком случае, никто вас из Каира не тянул и тряпку в нос не совал. Я выполнил честно просьбу американцев. Вот и все. Дальше уж решайте все сами, я в ваши дела путаться не собираюсь! Мы можем даже не общаться в Лондоне!

Нагонять на себя искусственный гнев умел я превосходно, правда, пребывание в самолетном кресле мешало в полную меру размахивать руками и ногами, но зато я умеренно побрызгал слюной справедливого возмущения, растрепав для пущей убедительности исторический пробор.

Больше мы не разговаривали и летели, сосредоточенно углубившись в газеты, словно в мекленбургском метро...

Самолет сделал большой круг, небо опрокинулось, потянув за собой всю панораму фарисейского города, затем стало на место, мы пошли на снижение, снова набрали скорость и спрятались за облака, словно для того, чтобы, вырвавшись из них, еще раз увидеть и дальние очертания собора Святого Павла, и змейку Темзы, и неприступный Биг Бен, и родной Хемстед (родной, подумал я, неужели все, к чему мы привыкаем, становится родным? Хорошо, что Кадры не читают мысли на расстоянии). Я почувствовал, что соскучился по Кэти и даже по миссис Лейн с ее обаятельным сеттером: привычка — вторая натура.

Глубоко вы, Алекс, однако, втянулись в свой маскарад — уже не в силах отличить, где враг, а где друг... Может, вообще вы никогда и не жили в Мекленбурге и всю жизнь торгуете приемниками? Может быть, синьоры! Может быть. Может быть.

Самолет пошел на посадку, и я незаметно перекрестился: в конце концов по легенде я был верующим и покоился на церковном кладбище.

Самолет нежно прикоснулся к земле своими круглыми лапками, словно раздумывая, скользить ли дальше или взмыть снова в поднебесье, пробежал вперед — ветер выл в элеронах — и остановился. Пассажиры разразились аплодисментами, блея от восторга,— как мы ценим свои жалкие жизни! Вот и я осенил себя крестиками. Нет, трус ты, Алекс, совсем измельчал, разве можно обращаться к Богу по таким пустякам? Трус ты, Алекс, тьфу!

Победившим Цезарем я возвращался в Рим и ожидал ликующую толпу црушников во главе с Хилсменом прямо у трапа (нечто вроде встречи на аэродроме Самого-Самого после очередной триумфальной поездки в республику Баобаб) с корзинами роз и мешками, набитыми тугриками.

Но у трапа нас встретили лишь гулящий ветер и два скромных автобуса, доставившие нас к залу, куда через десять минут приплыли чемоданы, затем — таможня и, наконец, церемонно-формальные рукопожатия с Рэем.

— Извините, что я вас не встретил и не провел без досмотра... не хотелось беспокоить по пустякам англичан... все-таки они тут хозяева.

Молодец, Рэй, конспирация — прежде всего, это и Ландера поставит на место, а то небось он тоже решил, что нас встретят с оркестром.

Молодой водитель с военной выправкой открыл двери, я занял место на козлах рядом с кучером, вспомнив о своих наставлениях Челюсти, сидевшему всегда с шофером: «Не совсем это прилично, Николай Иванович, в этом есть налет затхлого провинциализма, на прогнившем Западе все солидные люди сидят только на заднем сиденье!» Между прочим, через неделю он уже сидел за спиной у водителя, послушал умного человека, надо отдать ему должное. И на риск небольшой шел: Маня всегда сидел на козлах и по нему равнялись остальные настоятели — демарш Челюсти привел их в состояние шока.

Мы медленно ползли от Хитроу к центру, перебрасываясь время от времени плоскими остротами.

Я уже прокручивал в мозгах сладкий фильм о предстоящем ужине с непременным «гленливетом», куском мягкой малосольной семги, грушей авокадо с креветками, успокоительным супом из бычьих хвостов — желудочный сок заливал чрево, как Ниагара.

— Я очень рад, господа, что вы благополучно прибыли... очень рад. Вы, Алекс, наверное, очень устали с дороги, вам надо отдохнуть. Я сейчас устрою вашего друга в гостинице, номер уже заказан, а шофер отвезет вас домой.

Лимон выжали и вышвырнули в помойное ведро, даже не угостив за труды,— убил бы я этого скупердяя, впрочем, делал он это не из жадности: меня сразу решили отсечь, да и зачем я был нужен, не в правилах разведки сводить вместе сразу двух агентов.

Около отеля мы распрощались и уже двинулись в Хемстед, когда на пути встала тусклая физиономия коллеги Хилсмена Вика, испещренная вдоль и поперек морщинами, огромное печеное яблоко, зажатое очками. Он провел меня на конспквартиру рядом, где я записал на магнитофон всю повесть о поездке в Каир и встречах с Ландером,— сейчас три машинистки перепечатают со скоростью света всю эту абракадабру и Вик подсунет мой отчет Хилсмену.

Сорванный ужин и мрачные мысли о выжатом лимоне давили на меня, тут еще вспомнилось, как меня обмишурила Матильда, а вдобавок ко всему у самого дома я вдруг поскользнулся на совершенно ровном асфальте и картинно рухнул в лужу, воздев ноги к небу, словно мистер Пиквик на катке.

Дом встретил меня глухой тишиной, я подумал, что нужно купить попугая — живности мне всегда не хватало,— и набрал телефон Кэти. Мгновенного и страстного свидания не получилось, говорила она со мной холодно и остраненно, будто все эти дни я sowed my wild oats[1]. Где вы, Пенелопы, Ярославны и Лорелеи, верно прядущие мужнины носки и бегущие к двери, лишь заслышав далекие звуки шагов? О бедный дядя Том, ты умрешь в своей хижине, пропахшей куревом и водкой, так и не познав женской преданности! Римма тоже никогда не ждала меня, даже если знала о дате моего приезда, не пекла праздничный пирог, не зажигала свечи и не ставила в центр стола внушительную свиную ляжку, обложенную молодым картофелем с укропом. Никто не ждал бедного дядюшку Тома — неужели ничего в жизни больше не оставалось, как мчаться в Сохо на поиски Черной Смерти — Утоли-Моя-Печали?

Спина ныла после позорного падения в лужу, и пришлось открыть желанный «гленливет». Но пить я не стал: пить хорошо в минуты побед и душевного подъема, на виноградниках Шабли и после взятия планки с первой попытки; сейчас пить я не стал, черт с ними со всеми, одна поездка в Каир стоила трех лет жизни, пора подумать о здоровье, открыть новую страницу в жизни, регулярно ходить в бассейн, делать утреннюю зарядку с гантелями, выезжать каждый день на прогулки в Ричмонд-парк, обнимать там оленей и играть в гольф с выжившими из ума сквайрами.

Я еще раз позвонил Кэти и голосом кошки, съевшей чужое мясо, тактично пожаловался на свое болезненное состояние (журчал я, как горный ручеек в необъятных Андах), граничащее с желтой лихорадкой — о грязный Каир! — один вздох, другой, по идее, она уже видела мой обострившийся нос и смертельный цвет щек.

— Ты был в Каире? — Голос ее оживился.

— И кое-что тебе привез... Зачем нам ссориться, Кэти? Жизнь так коротка, мы любим друг друга, конечно, в прошлый раз я был не прав, прости меня! Если бы ты знала, какие удачные контракты я заключил...

Она обнадеживающе подышала в трубку, но позиций не сдала, несмотря на все мои увещевания.

— Я тоже неважно себя чувствую, давай созвонимся завтра...

Нет, звезды сегодня не располагали к удаче, все шло шиворот-навыворот, не случайно я шлепнулся в лужу, плюнь на все, Алекс, залезай на диван, укройся теплым пледом и лежи, не бухти! Вся наша жизнь качается между радостью и бедою и уравновешивается в конце концов самым невероятным образом. Плати, брат Алекс, падением в лужу за удачное приземление самолета, которое стоит подороже,— вот тебе и баланс, и равновесие на весах жизни и смерти. Застыли они, чуть-чуть покачнулись — ты сделал свое дело в Каире, и одна чаша взлетела вверх. А вторая... Закрой двери и окна, Алекс, жди грозы и шаровой молнии, и вообще лежи тихо под пледом, и не рыпайся, не высовывай носа из дому в этот вечер, дай весам постепенно возвратиться в норму, с помощью разной мелочи, вроде несварения желудка, севшего аккумулятора, фунта гнилых орехов, подсунутых на рынке в Портабелло, читай свои газеты, Алекс, опять они, гады, хают Мекленбург за военную угрозу и нарушение прав человека, а Мекленбург тоже не лыком шит и вставляет в ответ возмущенному Западу те же обвинения.

Часы пробили одиннадцать тонким расстроенным голосом, и я начал медленно отходить ко сну, гоня от себя паскудную тень Бритой Головы (он в последний момент вдруг залез в коробок) и призывая туда толстую бабу, которая торговала урюком, сидя на крыльце и высоко задрав юбки, было это в далеком эвакуационном детстве, сидела она враскорячку, и мы, пацаны, располагались около нее на земле и жадно всматривались в темную бездну, обтянутую голубыми трусами, притворяясь, что поглощены расчерчиванием земли для игры в «ножики». Баба являлась ко мне во сны регулярно лет до восемнадцати, потом исчезла, словно обиделась на что-то, и появилась, как ни странно, совсем недавно, после возвращения из Мекленбурга. Сгорал я от стыда, но все равно лез почти под самое крыльцо и предавался грешным созерцаниям.

Баба уже рассаживалась на крыльце и раскладывала на полотенце грязноватый урюк, когда раздался телефонный звонок. Я даже плюнул от злости: кому понадобился Алекс в эту пору? Трубка ответила короткими гудками, я подождал немного, думая, что это звонил Хилсмен или раскаивающаяся Кэти (с ужасом я представил, как она вдруг примчится ко мне и нужно будет вставать и причесываться. Боже! Как я устал от всего этого!). Но второго звонка не последовало, и я с удовольствием залез под одеяло, воссоздавая картины крыльца и урюка.

Меня разбудил звонок в два часа ночи.

— Извините, господин Уилки.— Голос был хриплый и сдавленный.— Это говорят из полиции. Вашу машину, которая стоит у дома, задел пьяный водитель. Вы не могли бы на несколько минут спуститься вниз?

Я быстро натянул на себя спортивный костюм (мекленбургская привычка, в последнее десятилетие там прочно вошли в моду такие костюмы, их носили дома, на курортах и в поездках с таким же самозабвением, с каким после войны носили пижамы) и выскочил на улицу. Моя машина стояла на обычном месте по другую сторону улицы, ярдах в ста от подъезда, ни одной человеческой фигуры не крутилось вокруг.

Лишь только я сошел с тротуара, направляясь к своей машине, как раздался мощный рев мотора, словно взлетал в воздух самолет, и справа полетела на меня черная громада с потушенными фарами — доля секунды — и лежать бы раздавленному Алексу с раскроенным черепом, окропляя гениальными мозгами хемстедские булыжники!

Но реакцией я всегда владел первоклассной (в волейболе успевал взять мяч почти у земли, дядьку на тренировках по самбо сбивал с ног прежде, чем он успевал двинуть рукой), рванулся, как спринтер на финишной ленточке, грудью вперед и почувствовал легкий удар по бедру, сбивший меня на землю. Тип за рулем тут же дал задний ход, пытаясь переехать меня колесами, но не на дурака напал: покатился Алекс быстрым колобком к другой стороне дороги. Водитель газанул, но я успел разглядеть некую миледи в собственном, очевидно, чулке, натянутом на голову в стиле грабителей банков,— на дикой скорости она домчалась до поворота и, визжа тормозами, скрылась за углом. Марка машины показалась мне какой-то допотопной, хотя, катаясь по асфальту, я при всем желании не мог фиксировать детали.

Нет, сегодня на моих звездах стояла каинова печать, весы жизни и смерти раскачивались опасно.

Как ни странно (а может быть, это вполне естественно?), настроение мое, как и у любого уцелевшего смертного, резко пошло вверх; чуть прихрамывая, я направился домой, содрал с себя замызганный любимый костюм и залез в ванну.

Покушение планировалось по незамысловатой схеме дешевого боевика: сначала проверочный телефонный звонок, установивший мое пребывание в замке, затем такой же ложный вызов на улицу (стало понятно, почему незнакомец говорил голосом застрявшего в клозете геморроидального старца,— как это профурсетка сумела изменить голос?) — работала она классно, еще немного — и готова глубокая яма, Алекс, и мы жертвою пали в борьбе роковой!

Работала изящно, но рука чувствовалась любительская,— во всяком случае, ни ЦРУ, ни Монастырь никогда не пошли бы на такую примитивщину — есть способы поэффективнее: и письмо, пахнущее «духами» (смерть через неделю), и легкое прикосновение портфелем к коже руки в метро, и брызги аэрозоля в глаза, инфаркт, и никаких следов при вскрытии.

Весьма похоже на действия отчаявшегося одиночки, но кто так жаждет угробить Алекса?

И тут вдруг меня осенило: да это дело рук Крысы! Или ее подручных! Крыса пронюхала, что я начал ее разматывать... Но с кем она, черт побери, связана? С американцами? Или с англичанами? Или с Израилем? Или с наркобизнесом? А вдруг Крыса — террорист? Или банда? Или масоны? Крыса со своей международной организацией, наблюдающей сверху за дракой наших служб... Крыса идет своим путем к установлению мирового господства... тьфу! Почему бы и нет?

Голова моя разрывалась от догадок вместе с задом, дико болевшим после кувырканий на асфальте (и все-таки падение в лужу было знамением Божьим, если вспомнить, как граф Плеве поскользнулся на сливовой косточке за несколько часов до того, как его ухнули террористы), звонить в полицию я, естественно, не стал, погладил друга по зеленому горлышку и выпил бутылку в четыре приема, смешивая ее с чистой водой в любимой чаше, прихваченной в свое время в Орвальском монастыре, что на границе Бельгии с Францией,— в конце концов лучше быть алкоголиком, чем покойником.

Утром после изнурительного сна я вышел на улицу и обнаружил на затекшем от дождей столбе, который словно скорбел все мое долгое отсутствие, полоску мела, что означало вызов на встречу от неутомимого Генри, который явно не желал подчиняться условиям консервации и рвался в бой, несмотря на все мои запреты.

Согласно заранее обусловленным условиям связи (о Чижик, помяни меня в своих молитвах, о твой великий и могучий язык!), рандеву имело быть не на кладбище, где я любил побродить меж дубов и изваяний плачущих вдов на надгробиях, размышляя о непостижимой сути земного бытия и беседуя с приятными мне тенями[2], а в небезызвестном лесу Эппинг Форест на севере столицы.

Но кладбища я не миновал и не хотел миновать, ибо Истбурн-грейвярд лежало на пути к Эппинг Форесту, а Истбурн-грейвярд — это фейерверк, это плачущий от хохота, увязший в излишествах Фальстаф (между прочим, так звали собаку моего австралий-

[1] Сеял дикий овес, точнее, прожигал жизнь. Английская идиома XVI века, обожаемая моей преподавательницей английского, много мы насеяли овса в те славные денечки!

[2] «Вступим вместе в вечную ночь, и я отворю перед тобой могилы... слышалась беспомощная возня, и всем было тягостно и тревожно, и в глубинах каждой из бессчетных ям слышался тоскливый шелест погребальных одежд. А среди тех, что, казалось, мирно почили, я увидел великое множество лежащих не в той или не совсем в той торжественной и принужденной позе, в которой укладывают псхойников в гробу...» — на этом месте из Эдгара По у меня была кожаная красная закладочка с видом дома-музея шведской писательницы Сельмы Лагерлеф, там я ее и приобрел несколько лет назад на пути к тайнику, заложенному для меня на пустынных брегах озера Веттерн, и одно время использовал этот текст в качестве кода.

ского родителя, в деревушке пса помнили и любили: однажды он прокусил икру самого английского генерал-губернатора, который проезжал мимо, пожелал выйти из автомобиля и побеседовать с народом — тут он его и хватил и вошел таким образом в анналы истории деревни), тут забываются и городской грохот, и бензиновая вонь, и ошалевшие толпы на Оксфорд-стрит и в Холборне, я ездил сюда иногда без всяких оперативных нужд, чтобы отдохнуть от людей и умиротворить мятущийся дух, да и просто погулять и поразвлечься: томился там целый сонм безвестных остряков, выдохнувших на прощание эпитафии на радость живым. Бродя меж потрескавшихся плит, я всматривался в побледневшие надписи, и их авторы словно выскакивали из-под земли и декламировали хорошо поставленными голосами: «Тут покоится Мэри Лизард, почившая в возрасте 127 лет. Она пришла пешком в Лондон сразу же после Большого пожара 1666 г., была добросердечна и здорова и вышла замуж за третьего мужа в 92 года» (вижу: краснолицая, вся в прожилках, в белом чепчике и показывает всему свету остренький язычок); «Тут лежит бедный, но честный Брайан Тансталл. Он был заядлым рыбаком, пока Смерть, завидуя его искусству, не вырвала у него удочку и не посадила на свой крючок» (бледный спирохет, продремавший всю жизнь на берегу, где и выдумал себе эпитафию); «Жизнь похожа на таверну, где останавливаются проезжие. Одним удается лишь позавтракать — и они уходят, другие остаются до обеда и хорошо насыщаются, и только самым старым достается ужин, после которого они отправляются спать» (а это Огромная Голова, облысевшая от умствований уже в юности, вот она наморщила кожу на лбу, усмехается, скребет ногтем по виску, сейчас на нее сядет воробей) — да! Мекленбургу такие эпитафии и не снились, все едино, все просто и без выкрутасов в родной стране, в крайнем случае: «Любимому мужу и отцу от неутешных вдовы и детей».

На Истбурн-грейвярд, как всегда, тянуло на космические размышления («Истлевшим Цезарем от стужи замазывают дом снаружи... Пред кем весь мир лежал в пыли, торчит затычкою в щели» — однажды я это процитировал за столом у Челюсти, когда Капулетти и Монтекки еще общались дворами; «Что? Что? Что?» — выпустила очередь его Большая Земля — Клава, а Коленька усмехнулся и заявил, что это утешение слабых бездельников, которые ничего не могут сделать в жизни. «Совершенно верно!» — поддакнула Римма, словно мне приговор произнесла. «Безумно завидуя Цезарям,— продолжил Челюсть,— многие льют себе на сердце бальзам, крича, что могила уравнивает всех. Не надейся, друг, это только мираж, тайна Смерти еще не открыта, но уверен, что и там неравенство!»), и тут отдыхала моя душа, хотя если по чести, то больше всего я все же почитал военные кладбища, особенно Арлингтонское и мюнхенское, каменные плиты, выстроившиеся в ряды, среди которых я мысленно застывал по стойке «смирно», и не было места для мелких чувств, которые обычно обуревали меня на Венском кладбище, или на Сент-Женевьев де Буа, или на Новодевичьем. «Ах, это — Моцарт!» — радуется дама-энциклопедистка. «А это — Штраус!» — «Посмотрите, тут лежит Бунин! Говорят, что он был злой!» — «А почему у Хрущева голова состоит из двух половинок — черной и белой?» — Пересуды заглушают чириканье птиц и скрипы дубов.

Сладостно вдыхая чуть затхлую, но пахучую влажность Истбурн-грейвярда, я побродил меж склепов и вышел из ворот к автобусу.

Вызов меня на встречу анархистом Генри раздражал: старик явно шалил и бунтовал, боясь, что мы бросили его навсегда без фунта в кармане, начинил себя какими-нибудь новыми идеями по разработке Жаклин или просто запаниковал; любой агент считает себя пупом земли и думает, что, кроме его забот, иных дел нет. Я твердо решил всыпать ему по первое число, чтобы не высовывался, а лежал, как потонувший «Титаник» на дне океана, пока его не позовет на помощь страна.

Мысленно плююсь от злости (буквально делать это опасно: иные англичане, подобно немцам, могут заставить поднять окурок, брошенный на тротуар, ну, а плевок просто вызовет паралич, это вам не свободный Мекленбург, где сморкаешься на ходу прямым в угол, как в бильярдную лузу, зажав одну ноздрю большим пальцем,— у нас люди просты, демократичны и терпимы, идут себе спокойно и им легко на сердце от песни веселой), я на автобусе добрался до Эппинг Фореста и пошел по дороге к обусловленному (о Чижик!) пню.

Генри на точке не оказалось, я покрутился в районе положенные четверть часа, потоптался около скамейки, где должно было произойти наше падение друг другу в объятия, и уже собрался уходить, как прямо из дуба над моей головой в глаза мне прыснули осколки древесной коры,— пуля просвистела совсем рядом, только после этого я услышал за спиной глухой выстрел.

Выхватив «беретту», я спрятался за дерево, но повторного выстрела не последовало; вокруг не было ни души, тишь и благодать — утро туманное, утро седое, нивы печальные,— я даже поднял глаза: не из ковра ли самолета покушались на меня вороги?

Недалеко оголтело застучал по дереву дятел, белка упала с дерева, не замечая еще живого Алекса. Я вышел из-за укрытия и направился в сторону, где мог прятаться стрелок. Подул ветер, зашевелились, зашумели листья деревьев, казалось, что за каждым кустом сидит по снайперу, я еще раз пошуровал по лесу, но наткнулся лишь на холмик земли, напоминавший свежую могилу (так и хотелось раскопать ее и порыться в гробике — не даст ли это ключ к разгадке?).

Тут на меня налетела паника: а вдруг на выстрел примчится полиция, осмотрит мои карманы и найдет «беретту»? Я быстро выбрался из Эппинг Фореста, остановил такси и смылся с места происшествия, словно был не потерпевшим, а преступником.

Охота так охота, шла она всерьез, и ниточка вела к Генри, который вызвал на встречу в этом лесу. Впрочем, тут же это предположение полностью переворачивалось: с таким же успехом обо всем могли знать и американцы, державшие Генри и меня под своим колпаком, и Центр, и, конечно же, стоявший в тени, беспощадный мистер Икс — Крыса, холодно наблюдающий за моей сложной тройной (или четверной) жизнью. Генри? Какого черта старику палить в меня, он и пистолета наверняка в руках не держал. Но почему он не вышел на встречу? А может, все это неким образом связано с Юджином и его визитом к Генри, с которого начался весь сыр-бор? Но Юджину сейчас не до меня, Юджин отвечает, как Соломон, на все вопросы публики, обвитый электродами детектора лжи. И зачем ему моя смерть? Кому вообще нужна моя смерть? Только Крысе, если она существует. Только Крысе при условии, что ей известно о моих поползновениях. Крыса может нанять террористов, в Европе их — как нерезаных собак, стреляют и в правых, и в левых, и в богатых евреев, и в бедных палестинцев, и в профессоров, проводящих эксперименты над кроликами (делают это друзья животных), и в директоров центров ЭВМ, которые, по мнению новоявленных луддитов, нарушают права человека, концентрируя у себя огромные массивы информации. Крыса это, Крыса! И я с благоговением вспомнил свирепое клокотание Бритой Головы на нашей последней конфиденциальной аудиенции: «Расстрелял бы его, суку, собственными руками! Кожей чувствую, что он где-то рядом... бродит здесь на наших этажах, дышит одним воздухом с нами со всеми и, возможно, даже заходит в мой кабинет! — Помощник его напрягся, как пес перед командой «фас!», и еще больше раздвоил свою фаллическую бульбу.— Нам нужно получить о нем хоть кусочек информации,— говорил Голова,— лишь самую малую толику, лишь небольшой намек... Я мобилизую все силы, вы знаете мощь наших аналитиков... Мы быстро нащупаем его в своей норе! Или ее, если это баба!»

А я сидел, умирая от скуки на этом балагане, смотрел ему прямо в переносицу, и бродила в моем воспаленном воображении церемония вручения мне ордена по окончании «Бемоли». И мучила мысль: сможет ли Бритая Голова дотянуться до моей геройской груди? Не получится ли конфуз? Вдруг не дотянется? Не побежит же Раздвоенная Бульба за табуреткой, чтобы подставить ее патрону! И я представлял, как подгибаю колени и чуть приседаю, дабы облегчить положение Бритой Головы, если он решит осчастливить меня троекратным поцелуем.

Происшествие в лесу окончательно утвердило меня в мысли, что бессмертие мне не грозит, и я решил с головой окунуться в радости надвигающейся семейной жизни. Священный Союз с Кэти был полностью восстановлен, вечера мы снова проводили в чтении захватывающих объявлений о сдаче в аренду квартир и даже не поленились съездить в Илинг для осмотра недорогого двухэтажного дома, который освобождался через полгода.

Перерыв в нежных общениях с Рэем продолжался целую неделю (я сам не досаждал ему звонками, зная, что он выдергивает ногти Юджину), чувствовал я себя, как в заслуженном отпуске.

Наконец великий Гудвин вызвал меня на встречу. Поил он меня, как обычно, низкосортным виски и был похож на несвежий холодец, который не успели дожрать гости.

— Ну и орешек ваш Евгений! Впервые встречаюсь с таким перебежчиком. Капризничает, ставит условия и вообще ведет себя странно. Да, он согласен с нами сотрудничать при условии, что мы поможем его семье. Кстати, за ваш экспромт я получил нагоняй из Лэнгли. Какой идиот будет связываться с этим обменом? Что мы дадим взамен? Мне лично все это неприятно, ибо из-за вас я вынужден врать и поддерживать эту версию. Но ладно, вернемся к нашим баранам. Этот «Конт» заявил, что, поскольку он дал присягу, он не намерен разглашать какие-либо секреты. Как вам это понравится? Он утверждает, что если он кого-либо выдаст, то его тут же убьют! Даже если мы запряжем его на самую заброшенную ферму в штате Арканзас. В то же время он готов заниматься любой пропагандистской деятельностью, не прочь вести изучение своих сограждан...

— Так устройте его в «Свободу», найдите что-нибудь подобное. Это настроение у него пройдет... не спешите... — Хороший подарочек я привез дорогому дружку из Каира!

— Подумаем. Но кое-что мне неясно. Он божится, что не знает Генри и никогда не был у него дома! Кто же дал тогда Генри его адрес? Полная чушь! Мы проверили его на детекторе лжи и должен признаться, что не получили результатов.

— Надеюсь, вы ему не говорили, что я связан с Генри?

— Мы не такие идиоты, как вы полагаете![3] Конечно, мы попытались проверить, был ли он у Генри или нет, никаких следов. Проверили его по отпечаткам пальцев... ничего! Запросили все информационные системы в Европе и Штатах — ничего! Интерпол тоже ничего не дал.

— Выходит, вы зря заварили всю эту кашу с поездкой в Каир?

— В общем, мы не жалеем... любой перебежчик может пригодиться. Знаете что? Иногда мне кажется, что этот Ландер — сумасшедший. Он бывает очень странным...

— Вполне вероятно. У нас всегда хватало психов,— не стал спорить я.

— Совершенно не могу понять его верности присяге. Это даже смешно. Он, видимо, считает себя великим политологом или философом, чьих откровений ждет изголодавшийся Запад. Оказывается, он пишет стихи и какую-то книгу о своей жизни и все это хочет издать за наш счет. Но мы не благотворительное общество!

— В конце концов вы же помогаете многим изданиям, которые борются за свободу! Устройте его туда, совсем неплохо иметь там еще одного агента влияния...

— Честно говоря, я не знаю, что делать. Мы столько надежд на него возлагали, думали, что удастся раскрутить целый клубок... Кроме того, он пьет, как лошадь, и каждый день. Вы по сравнению с ним просто младенец![4] Он очень скучает по Бригитте, но на черта она нам тут нужна? Послушайте, а он не может быть подставой?

— Все может быть. Но мы же сами его разыскали! Подставы обычно проявляют инициативу. В конце концов если вы не можете найти ему применения, отправьте его в Каир!

— Это преждевременно. Потратить столько сил и денег — и обрезать все дело!

— Что же вы предлагаете? Чем я могу вам помочь? Начать с ним вместе пить?

— Надо вывести его из состояния тоски, этим страдают почти все перебежчики из вашей страны. На первых порах. Даже вас это не миновало, дорогой сэр[5]. У меня к вам просьба: развлеките его! Поводите по Лондону, покажите достопримечательности. Заодно прозондируйте, чем объяснить его странное условие насчет присяги. Воспринимайте это не только как мою личную просьбу, но и как серьезное задание. Потом доложите.

Докладывать так докладывать, ваше высокоблагородие, нам к этому не привыкать, с детства приучены докладывать и сигнализировать, правда, выводить человека из состояния тоски, увы, не научились.

— Как вам угодно, сэр! — Я был подчеркнуто официален и вроде бы обижен после Каира (пусть в следующий раз не дает мне под зад и не отшивает, как прислугу, на кухню), но, как обычно, холоден, блестящ, спокоен и угрюм.

— И еще одна просьба: мы перефотографировали некоторые бумаги, которые Ландер привез с собой. Личные записи и прочее... Помогите разобраться, ладно? Мы очень ценим ваше мнение.

Последнее звучало уже как щедрая похвала верному агенту, и вообще в этот раз я впервые почувствовал, что Рэй, несмотря на всю его дремучесть, проникся ко мне определенным (это слово Чижик и K° обожали и привили эту любовь Мане, который размазывал им любую ясную мысль) доверием и даже некоторой (определенной) симпатией.

---

[3] Иногда в минуты черной тоски именно так я и полагал. Впрочем, любезный сердцу Монастырь недалеко ушел.

[4] Большего оскорбления я сроду не слышал.

[5] Не иначе, как этот простак из Канзаса намекал на мой загул с Черной Смертью. Просто в Принстоне плохо изучают «Гамлета»: подобно тому, как принц разыгрывал свое сумасшествие, лицедей Алекс имитировал внезапный взрыв загадочной мекленбургской души. Вранье, конечно, но как оправдание перед Кадрами вполне сойдет.

Продолжение следует.

Александр БЛОК

И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.
Вл. Соловьев

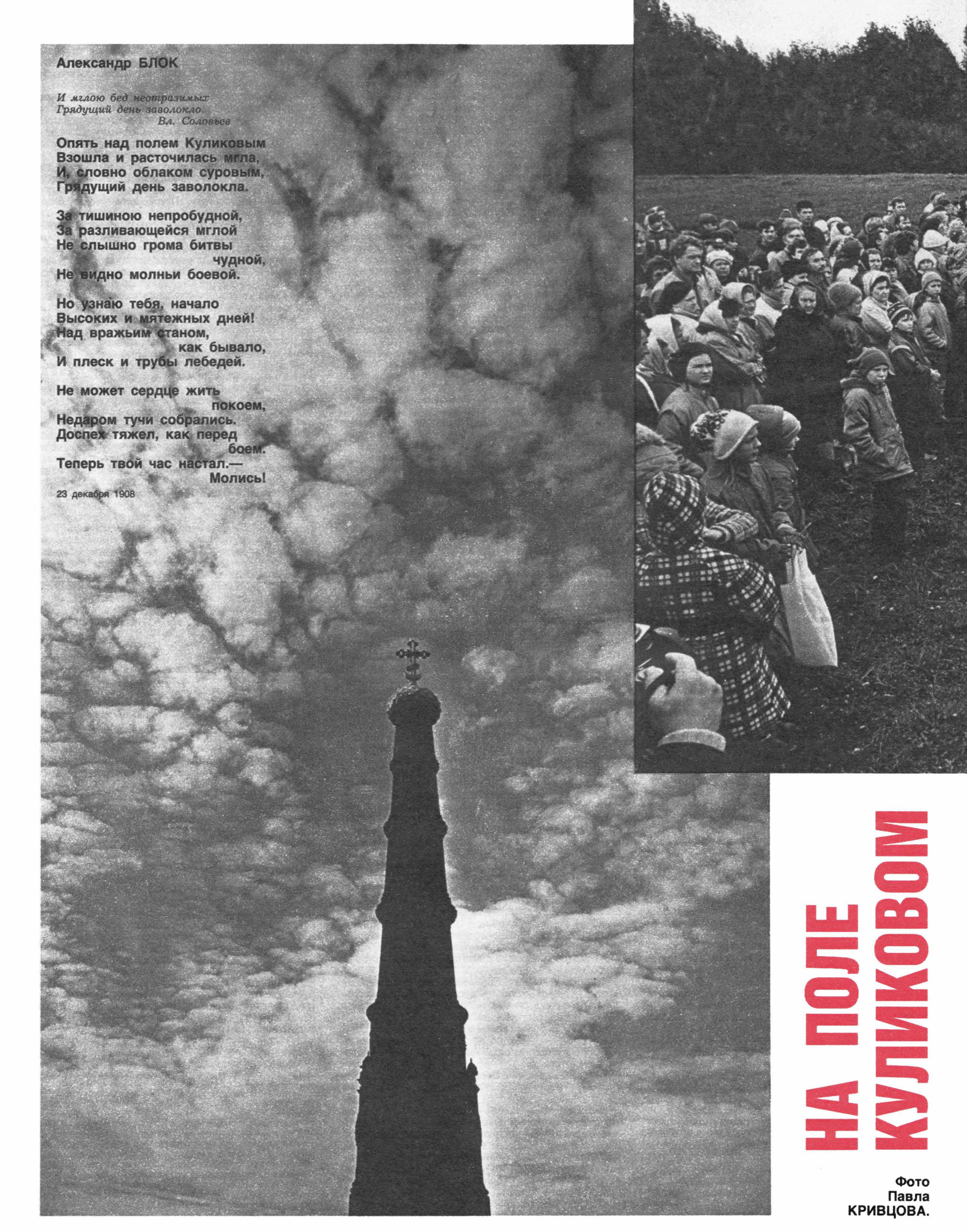
Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молньи боевой.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьим станом, как бывало,
И плеск и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал.— Молись!

23 декабря 1908

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

Фото Павла КРИВЦОВА.

На Куликовом поле состоялся гражданский митинг поминовения воинов, павших во все времена за свободу Родины. Тысячи людей пришли на поле русской славы, к брюлловскому монументу и щусевскому храму, который все еще не возвращен верующим, на Красный холм — старики и дети, матери и сестры, воины СА и воины-«афганцы» — помянуть погибших, подумать о живых. Панихиду и молебен о здравии всех присутствующих отслужили митрофорный протоиерей, настоятель Свято-Никольского храма в Кончаках отец Сергий и хор церкви Усекновения Главы Иоанна Предтечи из г. Епифани.

Сергей МУХАМЕТОВ

ПРИКИНЬТЕСЬ ВЕТОШЬЮ

(рассказ о том, как меня забирали в милицию, с претензией на далеко идущие рассуждения и обобщения)

Нынешней зимой в далеком полуказахстанском-полусибирском городе по коридорам власти прошел слух: якобы приехали к ним тайные эмиссары из неких экстремистских организаций Азербайджана, чтобы проводить какую-то словесную работу. Что им понадобилось в снегах Сибири, кого и на что они собирались поднимать, и собирались ли,— этими вопросами никто не задавался, и мы не будем, не о том речь.

Возможно, в связи со слухом, а может, просто так, по регламенту, местная милиция проводила в гостинице проверку паспортного режима. И надо же было именно в этот день и час оказаться там вашему покорному слуге: разумеется, не по своей воле, а, как в старину говорили, по казенной надобности.

Я в тот момент был одет, в гости собрался: за мной пришли товарищи, и среди них, между прочим, член президиума областного Совета, когда раздался стук в дверь и тут же, не дожидаясь разрешения, в номер стремительно вошли две довольно милые женщины. Не представившись, а произнеся лишь магические слова: «Проверка паспортного режима!», попросили предъявить его, паспорт. А его-то у меня и не оказалось. Обе сумки до дна перерыл, во все ящики заглянул — нет как нет! (Кто же мог знать, что администратор гостиницы просто-напросто забыла мне его вернуть при оформлении, а позвонить, сказать не удосужилась. Видно, рассудила, что паспорт мой, мне и беспокоиться, а ей-то чего...) «Бог с ним,— сказал я. — Завалялся где-нибудь, найдется. Вот у меня, слава богу, есть редакционное и командировочное удостоверения». «Нет,— сказали мне. — Ищите паспорт». «Да не могу я его найти, видите же, запропастился куда-то!» «Ищите!» Словом, страсти накалились. Кончилось тем, что я попросил этих милых, но, как мне показалось, очень уж бесцеремонных дам покинуть мой номер.

Ох, что тут поднялось! И мой номер, и длиннющий коридор буквально заполонили люди в мундирах, слетевшиеся со всех этажей. Офицеры! Майор был среди них. В считанные минуты к подъезду подлетела машина: вызванная ими не то оперативная группа, не то группа захвата. Меня подхватили под смуглы рученьки и привезли на... наркологическое освидетельствование.

Если во мне заподозрили тайного эмиссара, то зачем наркология? Нет паспорта — и вполне достаточно! Да в том-то и дело: они понимали, что произошло недоразумение, и действовали вполне сознательно, преднамеренно.

Но они совершили две ошибки. Во-первых, оставили на свободе моего товарища, того самого, члена президиума облсовета, а по-новому говоря, члена президентского совета области, который тут же развернул бурную правозащитную деятельность. А во-вторых, врач-нарколог по оплошности подпустил меня к телефону, на один звонок.

Словом, в результате некоторых усилий и паники я вновь оказался в вестибюле гостиницы, где администратор как ни в чем не бывало протянула мне злополучный паспорт, а неведомо откуда взявшийся капитан милиции — изъятые мои удостоверения. А когда я сказал ему уже в спину, что надо хотя бы извиниться, он, полуобернувшись, бросил, что он здесь ни при чем, он выполняет задание по передаче документов — и все.

Я пошел в гостиничный ресторан, добыл там бутылку водки, поднялся в номер, сел к столу и тяжко задумался. Понятно, что творилось у меня на душе.

Зазвонил телефон. Говорил начальник областного управления милиции, генерал-майор. Извинялся за действия своих подчиненных. Я посочувствовал ему, сказав, что нахамили одни, а извиняться почему-то должен он.

Через некоторое время раздался стук в дверь, и, хором испросив разрешения, вошли два подполковника и один майор. Начальник политотдела, начальник паспортной службы, и, кажется, дежурный по городу. Принесли извинения.

«Нет уж,— сказал я тогда, вскрывая бутылку и разливая по стаканам.— Пока не выпьете водки, находясь при исполнении, никаких извинений не приму и разговаривать не буду».

Мы выпили и, как четыре обыкновенных, нормальных мужика, стали говорить о том и о сем...

А теперь представьте, дорогой читатель, что на моем месте, на месте посланца всесоюзного журнала, издания ЦК КПСС, между прочим, оказался бы простой советский безработный. Представили?

И вот, когда вы вдоволь понегодовали, я должен заявить: милиция действовала совершенно правильно!

Более того, она тем самым выражала и выражает Суть и Дух нашего государства, наших представлений о государстве, нашего Учения о государстве!

Когда мне пришла в голову эта простая мысль, я как-то съежился, стал вспоминать школу, институт, Теорию стал вспоминать, Букву. А чего ее вспоминать, когда есть Практика, которую мы очень даже хорошо знаем, на себе испытываем? Но мы ведь все еще хотим верить, что Практику исказили некие злодеи, а вот Первоисточники, сама Теория и сама Буква куда как верны, гуманны, народолюбивы. И прекрасно знаем, что не так, что и Теория, и Практика, и Дух, и Буква едины, а все равно берем с полки тома, написанные Основоположниками, на что-то надеясь... и еще раз убеждаемся: чудес не бывает. И в трудах Основоположника, и в том, что последователи превратили в Теорию, в Учение, в Принцип государства,— везде одно и то же: диктатура, классы, борьба, орудие господства и подавления. И снова: орудие господства, борьба, классы, диктатура, подавление.

Все мы со школы помним этот простой кульбит: мол, если раньше государство было орудием подавления большинства трудящихся меньшинством эксплуататоров, то у нас теперь наоборот: государство — орудие на службе большинства. Хорошо, но где то меньшинство, которое надо подавлять? Уголовники, что ли, жулики? Так с ними обязано бороться и борется любое государство, независимо от его классовой или внеклассовой сущности. Нет, вы мне подайте, вы мне представьте то меньшинство, которое надо подавлять?

Нет его. Зато осталась функция подавления. Внедрилась в плоть и в кровь, в сознание и до сих пор формирует людей теория подавления, идея подавления, а если хотите — идеология подавления. Подавления кого? Да нас с вами, дорогой читатель, больше некого! Свято место пусто не бывает.

Так что я еще раз решительно утверждаю: в случае со мной и во многих других подобных случаях милиция действовала и действует совершенно правильно, исходя из Буквы и Духа нашего учения о государстве и его карательных органах как орудии подавления.

Другое дело, сейчас каждая кухарка знает, что ошиблись Основоположники со своей теорией государства, ошиблись. Она чувствует нутром, но никак не осмелится, не догадается еще, что острие Учения о государстве надо развернуть на 180 градусов: государство должно быть орудием защиты! Защиты нас, отдельных граждан, и только так.

Она, кухарка, хочет, чувствует, но еще не может сказать, сформулировать: господа милиционеры и кэгэбисты, прокуроры и президенты! Вы существуете в этом качестве лишь постольку, поскольку мы вас наняли. То есть мы, кухарки и доярки, египтологи и механизаторы, строители и ваятели, собрались, договорились часть своих доходов складывать в общий котел и на эти деньги нанять специальных людей, дать им оружие и права, чтобы они нас защищали. От ураганов и тайфунов, от жуликов и насильников, от кирпича на голову и сердечного приступа на улице. И нет у вас, дорогие наши товарищи из государственных органов, от постового до президента, других целей и задач, кроме этой, кроме защиты нас, ваших работодателей, ваших зарплатодателей. Для того мы вас и держим. И это есть, по нашему разумению, Государство.

Теперь же, после моментального пересмотра теории государства, проведите, дорогой читатель, эксперимент. Подойдите к первому встречному на улице сержанту милиции и покажите ему не на себя, и не на вашего товарища, а вон на того ханурика, который в тоске и безденежье мается у винного магазина. И скажите ему, сержанту, что его главная, святая обязанность — оберегать честь и достоинство того ханурика, защищать того ханурика от всех могущих быть напастей, и если ханурику вдруг станет плохо на улице, то он, сержант, должен звать, кричать, свистеть, вызвать «Скорую» и, пока она не подъехала, оказывать ханурику первую помощь... — скажите это сержанту, дорогой читатель, а я попытаюсь догадаться, что он скажет вам в ответ.

То-то и оно.

И до тех пор, пока не рухнет, пока не превратится в нашей памяти в кошмарный сон теория и практика нашего государства, пока не выветрится из серых коридоров милиций, прокуратур и прочих органов сам семидесятилетний зловонный дух подавления и насилия, пока не придут совсем новые люди, воспитанные лишь на теории защиты, до тех пор никто из нас не может чувствовать себя в безопасности, и потому, дорогой читатель, во всех случаях жизни, а особенно когда администратор забудет вернуть вам паспорт, ведите себя тихо, как мышь: не высовывайтесь и — главное — не раскрывайте рта. Прикиньтесь ветошью,— как говорит сатирик. И — не отсвечивайте.

Л. УТЕСОВ.

Автошарж Б. ЩУКИНА.

ДА ЗДРАВСТВУЮТ СОВЕТСКИЕ МУЗЫКАНТЫ!

Юрий ЕЛАГИН

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «УКРОЩЕНИЕ ИСКУССТВ»

Три обстоятельства послужили причиной того, что к середине тридцатых годов Советское правительство совершенно изменило свое, до тех пор нейтральное и совершенно равнодушное, отношение к музыке.

Вот эти обстоятельства в хронологическом порядке их возникновения:

в 1933 году, после завершения первого пятилетнего плана, произошло резкое изменение внутриполитического курса. С тактической точки зрения, необходимым оказалось дать разрядку напряженной атмосферы в стране, поднять настроение населения, только что перенесшего годы коллективизации, голод и террор. Был выброшен известный сталинский лозунг «Жить стало лучше, жить стало веселей». Политическую погоду старались изменить быстро, при помощи всех возможных средств. И в арсенале этих средств почетное место было отведено музыке, но исключительно популярной музыке легкого жанра — джазу, танцевальной музыке, музыке для кино и веселой, бодрой массовой песне. Именно эти жанры музыкального искусства были первыми, которые удостоились пристального внимания Советского правительства, а композиторы этого рода музыки оказались первыми советскими музыкантами, сделавшими уже в течение следующих 1934—1935 годов головокружительную карьеру, получившими ордена, почетные звания и назначения и на целых пять лет опередившими в этом отношении своих коллег — серьезных композиторов симфонической и камерной музыки.

Это было первое обстоятельство.

Вторым обстоятельством оказалось то, что ко второй половине тридцатых годов уже сложился быт кремлевского сталинского двора. И, как каждый двор, сталинский двор начал формировать свой собственный стиль и свои вкусы во всем, в том числе и в музыке. Эти музыкальные вкусы находили свое выражение в программах кремлевских правительственных концертов, которые вначале совершенно не включали инструментальной музыки, но были насыщены оперными ариями и дуэтами, балетными номерами и особенно всеми видами фольклора.

В конце 1935 года дошла очередь до инструментальной музыки, вернее, до ее исполнительских кадров. Толчок к этому был дан в тот вечер этого года, когда молодые музыканты — пианисты и скрипачи — победители большого всесоюзного конкурса выступили в Кремле перед Сталиным и его приближенными. Вождь Советского Союза чрезвычайно заинтересовался новой для него в то время областью искусства

Начало в № 39.

и обратил особенное внимание на выдающиеся музыкально-технические достижения своих молодых талантливых граждан. Необыкновенный интерес вызвал у Сталина скрипач Буся Гольдштейн, тогда еще совсем мальчик 12—13 лет. Тогда же после концерта Сталин долго беседовал с Бусей, угощал его конфетами и сделал ему ряд подарков. В следующие же дни после этого «исторического события» произошли большие перемены в положении всех вообще музыкантов-исполнителей Советского Союза.

В Московской консерватории были учреждены специальные стипендии для наиболее талантливых студентов, были повышены ставки профессуре и концертантам. А Буся Гольдштейн и другие молодые талантливые скрипачи получили в постоянное пользование великолепные скрипки Страдивариуса и Гварнери из государственной коллекции. Когда же в последующие годы — 1936 и 1937 — советская музыкальная молодежь одержала ряд блестящих побед на международных конкурсах в Варшаве, Вене и Брюсселе, то музыканты вообще заняли одно из самых привилегированных мест в советском обществе, сравнявшись по положению с актерами лучших театров, а в некотором смысле даже и перегнав их.

Победители заграничных конкурсов получили ордена и квартиры в Москве. Скрипач Давид Ойстрах получил, кроме того, и автомобиль. Ордена и почетные звания получили и наиболее выдающиеся профессора Московской и Ленинградской консерваторий, и, конечно, знаменитый Столярский в Одессе. Музыкантом в Советском Союзе стало быть почетно, приятно и выгодно во всех отношениях. К 1937 году представители всех других профессий интеллигентного труда — учителя, врачи и даже инженеры — оказались стоящими на советской социальной лестнице значительно ниже музыкантов. На равном уровне стояли лишь актеры и писатели. Выше же были только чекисты, партийные и правительственные руководители и генералитет Красной Армии.

Джаз УТЕСОВА. А. САМОШНИКОВ и О. ХВЕДКЕВИЧ

С. САМОСУД

Что послужило причиной этого возвышения музыкантов-инструменталистов? Этой причиной оказалось третье обстоятельство. Советское правительство увидело в молодых советских виртуозах могущественное средство для поднятия престижа Советского Союза в мировом общественном мнении. Музыкантам надлежало продемонстрировать всему миру достижения Советской власти в области культуры. Они должны были стать живым опровержением всего того плохого, что говорилось и писалось о Советском Союзе, ибо что может возбудить в людях большую симпатию, нежели хорошая музыка, и от чего может все на свете представиться в розовом свете, как не от той же прекрасной всепокоряющей музыки?

Кроме того, советским музыкантам выпадала еще одна чрезвычайно важная и конкретная задача: они должны были во всем мире ослабить впечатление от начинавшегося ежовского террора, от больших процессов и массовых казней. Они должны были сбалансировать общественное мнение. И наконец, советские музыканты должны были стать одним из главных средств культурных связей с заграницей. Эти связи тогда были нужны Советскому правительству, так как враждебный капиталистический мир был еще велик и силен и был расколот на две части, между которыми приходилось лавировать — то заискивать, то угрожать, иногда менять курс — улыбаться и расшаркиваться там, где это было нужно, а где можно — показывать зубы.

Вот это и было третьим обстоятельством, привлекшим исключительное внимание Советского правительства к вопросам музыки. И насколько важным оказалось это обстоятельство, видно из того, что в угоду ему пришлось на долгое время отказаться от развития и доведения до конца ортодоксальной внутренней советской музыкальной политики «социалистического реализма» в музыке. Во всяком случае, это нужно отнести к области чисто инструментального, симфонического музыкального творчества, наиболее «экспортного» из всех видов музыки, потому что к международным успехам советских пианистов и скрипачей оказалось в высшей степени выгодным и уместным присоединить также и успехи композиторов, тем более что для этого приходилось затрачивать совсем незначительные усилия: вместо всегда сложной и рискованной процедуры посылки за границу живых людей нужно было посылать всего лишь партитуры — неодушевленные предметы, без сомнения, не подверженные влияниям антисоветской пропаганды. Вот по этой причине и пришлось допустить относительную свободу творчества в симфонической музыке — своего рода «тактическое отступление», или музыкальный нэп.

Эта же причина привела и к прекращению первой опалы Шостаковича после премьеры его Пятой симфонии — первой симфонии, которая, будучи экспортирована, принесла столько славы новейшему периоду русской музыки. С этой симфонии начался последний ренессанс русского музыкального искусства, продолжавшийся, ввиду возникшей вскоре войны, в течение целых десяти лет. И успехи русской музыки достойным образом украшали и дополняли перед лицом демократического мира успехи Красной Армии. И звуки Седьмой симфонии Шостаковича, написанной в Ленинграде в дни немецкой блокады, вторили раскатам Сталинградской победы.

Только когда окончательно исчезла необходимость завоевания симпатий мирового общественного мнения и необходимость культурного экспорта, только тогда вновь проявилась на сцене музыкальная политика Советского правительства в еще более откровенной и агрессивной форме, нежели в 1936 году.

Теперь уже не было больше надобности в симфонической музыке того рода, который так любит ненавистный Запад. И теперь уже не существовало причин, в силу которых советских симфонистов нельзя было заставить писать то, что нужно, и так, как нужно писать, с точки зрения Советского правительства.

Негативные идеи Кремля в области музыки были сформулированы в начале 1936 года в двух статьях против Шостаковича. А через несколько недель после этого Советское правительство совершенно ясно выразило и свои позитивные музыкальные вкусы при следующих обстоятельствах.

В начале лета 1936 года приехал в Москву на гастроли ленинградский Малый оперный театр (бывший Михайловский) и привез целый ряд своих постановок, в том числе и оперу молодого ленинградского композитора Ивана Дзержинского «Тихий Дон», на сюжет одноименного романа Михаила Шолохова. Сталин со своими коллегами посмотрел «Тихий Дон», вызвал композитора к себе в ложу, сказал ему несколько милостивых слов и выразил благодарность за первую удачную попытку создания новой советской оперы.

Действительно, надо признать, что «Тихий Дон» обладал всеми признаками добропорядочного, с точки зрения Сталина, музыкального произведения и находился вполне на генеральной линии советской музыкальной политики. Во-первых, это была опера, то есть сочинение музыкально-вокальное, а не чисто инструментальное, симфоническое. Во-вторых, опера была написана на политически безупречный сюжет одного из самых любимых советских писателей. В-третьих, опера была написана вполне в традициях доброй старой музыки, с благозвучными гармониями, без всяких диссонансов и прочих подозрительных формалистических новшеств. В-четвертых, «Тихий Дон» был насыщен интонациями казачьего песенного фольклора и даже заключал в себе одну действительно хорошую казачью песню — «От края и до края...». Что нужно было еще? И разве могло иметь значение то, что опера Дзержинского была незрелым и плоским произведением, не содержавшим ни одной интересной, живой музыкальной мысли... Музыка ее — рыхлая и бесформенная, примитивно гармонизованная — была еще к тому же на редкость скверно инструментована.

На следующий же день все газеты напечатали официальное сообщение о вызове Ивана Дзержинского в ложу к Сталину. О великих музыкальных достоинствах «Тихого Дона» были написаны десятки глубокомысленных статей. Сам Дзержинский получил орден Ленина, главный дирижер ленинградского Малого оперного театра Самуил Абрамович Самосуд тоже получил орден Ленина, звание народного артиста Советского Союза (высшее звание в иерархии советского искусства) и, что особенно замечательно, был из Ленинграда переведен в Москву и назначен, ни много ни мало, главным дирижером Большого театра — лучшего оперного театра России. Специально для Самосуда была даже, впервые в истории этого театра, учреждена должность «музыкального руководителя».

С этого времени — с лета 1936 года — Дзержинский и Самосуд начинают задавать тон всему серьезному музыкальному творчеству в Советском Союзе. Оба они, вплоть до конца опалы Шостаковича, то есть до начала 1938 года, делаются непререкаемыми государственными авторитетами в вопросах музыки, заняв в советском музыкальном мире положение, почти что равное положению Исаака Дунаевского, знаменитого композитора легкой музыки.

Самосуд был, без сомнения, опытным и знающим оперным дирижером, хотя и большим карьеристом и человеком исключительного нахальства. Дзержинский же был в высшей степени посредственным композитором, недоучившимся и достаточно бездарным. Интересно было наблюдать, как этот молодой недоучка, волей Сталина ставший одним из вершителей судьбы советской музыки, сам постепенно стал проникаться искренним сознанием своей собственной значительности. Он опубликовал в «Советском искусстве» большую статью о проблемах советского музыкального творчества, в которой доказывал, что овладение композиторской техникой для гениальных композиторов не обязательно. Можно было вполне обходиться и без излишнего мастерства. Важно было чувствовать дух народного творчества и уметь претворять его в своих произведениях. Как пример, приводил он Мусоргского, гениального полудилетанта, который, по его мнению, сделал более ценный вклад в русскую музыку, нежели такой блестящий мастер и знаток оркестровки, как Римский-Корсаков. Из этого частно-

го случая пытался Дзержинский вывести некий общий принцип. А в подтексте статьи чувствовался еще более яркий исторический пример преимущества гения перед мастерами — самого Ивана Дзержинского перед всеми прочими русскими композиторами.

С 1938 года начался «музыкальный нэп». С этого времени и вплоть до опубликования знаменитого постановления о композиторах 10 февраля 1948 года в советской музыке существовали как бы две линии. Одна из них продолжала ортодоксальную музыкальную советскую политику социалистического реализма в музыке. Эта линия предназначалась исключительно для «внутреннего потребления», и на ней по-прежнему находились композиторы массовых песен и плясок, и особенно область национальной музыки окраинных республик Советского Союза, которую как раз с этого времени начали энергично развивать. Но эта «внутренняя» линия советской музыки была в течение этого десятилетия, пожалуй, даже несколько в тени, по сравнению со второй, «внешней» линией, той, которую определяли действительно выдающиеся русские композиторы, воспользовавшиеся счастливой возможностью почти полной свободы творчества, предоставленной им случайным стечением политических обстоятельств. За это время эти композиторы создали много по-настоящему талантливой интересной музыки. И это был последний взлет русского музыкального творчества, последний порыв закатывающейся большой культуры.

Как видно из вышеизложенного, история музыкальной жизни Советского Союза значительно отличалась от истории советского театра. Театр пришел к единому знаменателю социалистического реализма на целых десять лет раньше музыки.

Внимание, которое уделяло Советское правительство театру и музыке в различные годы своего существования, можно выразить схематически диаграммой, особенно наглядной, если мы примем уровень внимания к вопросам кино за некий постоянный максимум. Еще в 1920 году Ленин сказал, что из всех искусств самое важное для нас — кино, и с тех пор Советское правительство никогда не нарушало этого завета своего учителя.

Интересно также сравнить условия оплаты труда людей театра и музыки до 1935 года и после.

В 1934 году профессор консерватории получал в месяц 400 рублей, доцент — 200—250, музыкант первоклассного симфонического оркестра — 400—500 рублей.

В этом же году актер среднего положения получал в месяц 500—600 рублей, актер высокого ранга — 1000—1500 рублей, выдающиеся актеры — 2000 рублей. Но основная разница между заработками актеров и музыкантов заключалась не в месячном твердом жалованье, а во всякого рода дополнительных приработках, которых было в те годы очень много в театре и почти совсем не было в чисто музыкальных учреждениях. Так, например, в 1934 году мое официальное жалованье в театре было всего 320 рублей в месяц, но на самом деле я никогда не получал меньше 550—600 рублей при помощи каких-то махинаций бухгалтерии и хитроумных комбинаций со сведениями о несуществующей переработке, подаваемых нашим инспектором оркестра. Государственная финансовая дисциплина была в те времена не очень обязательной для такого значительного учреждения, каким был театр имени Вахтангова.

Кроме моего жалованья в театре, я получал деньги за музыку, которую писал для спектаклей в подшефных нашему театру рабочих клубах, в колхозных театрах (в ведении театра имени Вахтангова находились все колхозные театры Горьковского и Кировского краев — бывших Нижегородской и Вятской губерний). Я писал также музыку и для наших молодежных бригад, выступал на концертах, играл вместе с нашим оркестром по радио и т. д. В общем, я никогда не зарабатывал меньше 1000 рублей в месяц. Актеры же даже среднего положения редко зарабатывали меньше 2000—3000 рублей в месяц. Они снимались в кино, ставили спектакли в других небольших театрах, занимались с актерами-любителями в клубах. Известные же первоклассные актеры зарабатывали деньги невероятные. В этом отношении их можно, пожалуй, сравнить разве что с голливудскими звездами. В самом же Советском Союзе совершенно не было групп населения, которые могли бы выдержать сравнение с ними в финансовом отношении.

Так, например, наш первоклассный актер Рубен Николаевич Симонов получал в 1935 году 2000 рублей театрального жалованья ежемесячно. В своей театральной студии, которой он руководил, он получал еще 3000 рублей. В кино, где он часто снимался, он зарабатывал 5000—6000 рублей в месяц; за одно десятиминутное выступление в концерте он брал 400—500 рублей. Ежегодно он приглашался режиссировать физкультурный парад на Красной площади, и за эту работу, отнимавшую одну неделю времени, он получал 35 000 рублей. Нужно еще иметь в виду, что чем лучше был актер и чем больше получал он в театре жалованья, тем меньше был он за это жалованье занят, так как всегда существовала рядом со шкалой жалованья также и шкала норм. Так, например, молодой актер за свои 400 рублей обязан играть 20 спектаклей в месяц и обычно играл их. А наш знаменитый Щукин за ежемесячные 3000 рублей (в 1935 году) должен был выступить всего семь раз. Фактически же он почти никогда не выполнял и этой нормы, редко бывал занят более четырех-пяти раз в месяц.

В этом отношении на первом месте были лучшие певцы Большого театра, которые при жалованье в 5000 рублей должны были спеть всего три (!) оперы в месяц. Не лишним будет для сравнения привести заработки советских граждан других профессий. В те годы, о которых идет речь — 1934—1935,— амбулаторный врач в Москве получал 300—350 рублей в месяц, инженер — 500—600 рублей, главный инженер большого завода — 900—1100 рублей, средний рабочий — 200—250 рублей, уборщица — 80—100 рублей в месяц.

Разницей в заработке не ограничивалось в те годы различие условий жизни служащих театров и деятелей чистой музыки. В Советском Союзе всегда был и есть целый ряд вещей, которые невозможно купить ни за какие деньги, не имея на то специального разрешения. Вот этих-то хороших вещей и не было у музыкантов, даже самых видных. Не было у них ни хороших столовых, ни домов отдыха с собственными яхтами, ни закрытых распределителей, где можно было купить вещи, о которых все другие советские граждане могли только мечтать. Не было у профессоров консерватории (так же, как и у самых выдающихся виртуозов) и хороших квартир со всеми удобствами, какие имели почти все артисты лучших театров Москвы.

Мой профессор Д. М. Цыганов — превосходный скрипач, музыкант мирового класса — жил со своей женой в маленькой комнате (18 кв. м) в коммунальной квартире дома № 20 на Сивцевом Вражке. В квартире этой, кроме него, жили еще четыре семьи. Жена моего профессора была пианистка, студентка Московской консерватории, и она должна была ежедневно много заниматься на своем инструменте. Перед выпускными экзаменами ей пришлось играть также и по ночам, так как дня не хватало на подготовку экзаменационной программы ввиду того, что комнату приходилось отдавать для занятий ее супругу. И вот их соседи по квартире не выдержали этой беспрерывной пытки музыкой и объявили двум молодым музыкантам беспощадную войну. Они наливали им керосин в бифштексы и в супы, колотили ногами и руками в стены и в двери, перерезали электрические провода. Но ничто не помогало: храбрые музыканты не сдавались. Жена моего профессора прекрасно окончила консерваторию, сам Д. М. Цыганов занимался ежедневно по четыре-пять часов и приготовлял в год несколько новых концертных программ.

Надо сказать, что частных уроков в Советском Союзе никто не дает, в том числе, конечно, и профессора музыки. Частные уроки считаются уделом лиц свободной профессии и облагаются непомерными налогами. Но дело не в налогах. Гораздо важнее то, что лица свободных профессий являются, по мнению Советского правительства, категорией граждан, не изживших еще «пережитков капитализма в сознании», а потому неполноценных и даже опасных в политическом и социальном отношении. Поэтому и Д. М. Цыганов не имел частных уроков, хотя перед моим поступлением в консерваторию он несколько раз занимался со мной совершенно бесплатно, подготовив меня к вступительным экзаменам.

Однако тогда же, в 1933—1935 годы, существовали музыканты, которые, хотя формально и не имели всех «закрытых» благ закулисной театральной жизни, зарабатывали такие огромные деньги и пользовались такой огромной любовью всех без исключения слоев советского общества, в том числе и самых влиятельных, что без труда получали все преимущества, какие только могли иметь привилегированнейшие из советских граждан. Это были музыканты известных джазов, достигших как раз к этому времени зенита своей всенародной славы и популярности. Известные руководители советских джазов — Александр Цфасман, Леонид Утесов, Яков Скоморовский — зарабатывали несколько десятков тысяч рублей в месяц, и их музыканты — не менее 5000 рублей. Как далеко до них было скромным профессорам Московской консерватории!

Огромные деньги зарабатывали и театральные композиторы, получавшие, кроме основной суммы, за заказанную музыку еще и «авторские» с каждого спектакля (обычно 5% с валового сбора). Это было естественно, так как данную категорию музыкантов можно было вполне причислить к людям театра. Например, наш заведующий музыкальной частью Александр Александрович Голубенцев — композитор, безусловно, весьма посредственный — зарабатывал несколько десятков тысяч рублей в месяц своей «музычкой», которую он быстро и ловко сочинял для многочисленных московских театров, иногда продавая в несколько разных мест один и тот же материал.

К концу тридцатых годов, когда музыка находилась на линии важных государственных интересов, положение сильно изменилось.

В 1939 году основное жалованье актерам увеличилось примерно в полтора раза, но зато приработков стало значительно меньше, а часто и совсем не бывало, и общий месячный заработок заметно понизился. Заработки же музыкантов сильно увеличились. Профессор консерватории — глава кафедры — получал 1500 рублей в месяц, профессор-ординатор — 900 рублей. Солисты зарабатывали большие деньги. Ойстрах получал 500 рублей за десятиминутное выступление. В оркестрах ставки были от 700 рублей до 1200 (концертмейстер) в симфонических и от 600 до 1100 рублей (концертмейстер) в оперных.

А опытный врач в амбулатории или в больнице по-прежнему получал свои 350 рублей в месяц, учитель — 300 и хороший инженер — 700 рублей. Средний рабочий приносил домой 300—350 рублей, а уборщица в учреждениях — 100—120 рублей в месяц...

Для работников искусства еще в 1931 году были установлены следующие почетные звания:

1) заслуженный артист республики;
2) заслуженный деятель искусств;
3) народный артист республики.

В 1936 году был торжественно установлен высший титул в иерархии искусств —

4) народный артист Советского Союза.

В день официального установления этого титула он был пожалован тринадцати выдающимся деятелям советского театра, в том числе Станиславскому и нашему Борису Щукину. Ни одного музыканта не было в числе этих тринадцати. Дирижер Самосуд был первым музыкантом, получившим звание народного артиста Советского Союза, и это случилось только в конце 1936 года.

Чрезвычайно мало было вначале музыкантов и среди работников искусств, награжденных орденами. Начиная с 1934 года началась раздача орденов режиссерам и артистам кино и театров, в первое время — в умеренном количестве, а затем — все более и более щедро. К 1938 году ордена на людей искусства сыпались, как из рога изобилия. Началась какая-то орденоносная вакханалия. К этому времени в число награждаемых входили уже и музыканты-композиторы, лауреаты международных конкурсов, профессора консерватории. Конечно, во многих случаях ордена получали люди, в высшей степени достойные, много делавшие на поприще искусства, но еще больше было несправедливых случайностей, когда орден сваливался на голову человека так же неожиданно и незаслуженно, как на другого — внезапный ночной арест.

Так, один из моих товарищей — тоже ученик Цыганова — Давид Штильман после окончания им консерватории по классу скрипки получил место дирижера в Московском цирке. Место было, безусловно, плохое, и мы все искренне жалели нашего товарища. Особенно огорчен был сам Цыганов тем, что его ученик — превосходный скрипач — должен был дирижировать в цирке всякие марши и галопы, аккомпанируя наездницам, клоунам и дрессированным медведям. Но не прошло и полугода, как был в Москве отпразднован двадцатый юбилей всех советских цирков и «Правда» напечатала длинный список цирковых артистов, награжденных орденами. Все получили ордена: жонглеры, фокусники, акробаты, дрессировщики морских свинок, музыкальные клоуны и девушки, ходившие по проволоке с большими зонтиками. Получил орден «Знак Почета» и наш Давид и тем сразу стал по положению в советском обществе не только на десять голов выше нас всех, но и выше нашего профессора Цыганова, у которого тогда не было еще никакого ордена.

В том же самом списке награжденных цирковых деятелей на самом первом месте стояло и имя начальника главного управления цирков СССР Владимира Петровича Беллера, получившего за свое выдающееся руководство цирковыми делами высокий орден — орден Трудового Красного Знамени. А через три месяца после этого в газете «Советское искусство» был опубликован новый приказ председателя Комитета по делам искусств, который гласил, что «...за полный развал работы государственного управления цирков СССР снять с должности начальника управления В. П. Беллера и направить на периферию на менее ответственную работу...».

Уже во время войны Беллер был директором Кисловодской филармонии, в которой я тогда служил, и внушительный орден Трудового Красного Знамени все еще красовался на его груди. Ордена в Советском Союзе отбирают только при аресте.

Один из молодых актеров Вахтанговского театра — симпатичный и довольно способный малый — по имени Андрюша Тутышкин был приглашен сниматься в фильме режиссера Григория Александрова «Волга-Волга». Андрюша

страшно гордился этим приглашением, и мы все ему завидовали. Но фильм вышел плохой и безвкусный и среди интеллигентной московской публики не имел никакого успеха, и наш Андрюша как-то сразу приумолк и стал избегать говорить о своем кинодебюте, да и действительно хвастаться было особенно нечем. Прошел почти год после первого появления на экране «Волги-Волги», когда неожиданно появился в «Правде» список награжденных участников фильма. Список был длинный. Сам Александров и его жена, Любовь Орлова — исполнительница главной роли, получили по ордену Ленина (высший орден Советского Союза). Не был забыт и Андрюша Тутышкин, которому дали орден «Знак Почета». Он сам рассказывал нам, что его родной брат, прочитав в газете о награждении, был так возмущен несправедливостью судьбы и правительства, что разорвал газету, плюнул на пол и выбежал из дома.

Но иногда орденоносная фортуна играла и злые шутки. Так, например, в конце 1939 года должен был особенно торжественно праздноваться двадцатилетний юбилей «самого важного из всех искусств» — советского кино. Был составлен и уже одобрен начальством грандиозный список награжденных орденами. В последний момент попал этот список, как обычно, к самому Сталину. И надо же было так случиться, что как раз за несколько дней до того посмотрел Сталин американский фильм «Большой вальс», из жизни композитора Иоганна Штрауса, с Милицей Корьюс в главной роли. Этот фильм попал в руки Красной Армии при оккупации восточной Польши и вызвал в Советском Союзе настоящий фурор. Понравился «Большой вальс» и вождю народов. И вот он взял в руку карандаш и перечеркнул крест-накрест весь список награжденных киноработников. «Вот когда научатся делать такие фильмы, как «Большой вальс», тогда мы им дадим ордена. А сейчас еще рано...»,— сказал Сталин начальнику Главного управления кинематографии.

* * *

В учрежденном в 1935 году Комитете по делам искусств начало функционировать и Главное музыкальное управление, сначала как один из отделов комитета по делам искусств. Но так как интерес к музыкальным делам у правительства шел в это время crescendo, то уже в будущем, 1936 году Главное музыкальное управление разрослось в отдельное учреждение, только формально подчиненное председателю Комитета по делам искусств, а в действительности получившее все полномочия для проведения государственной музыкальной политики. А как всегда бывает в Советском Союзе, вместе с политическими полномочиями получило музыкальное управление и превосходный новый пятиэтажный дом на улице Вахтангова, совсем неподалеку от нашего театра, куда немедленно и перебралось из большого неуютного помещения Комитета по делам искусств на Старой Площади в Китай-Городе.

Немедленно вслед за организацией государственных учреждений, руководящих искусствами, Советское правительство столкнулось с проблемой подбора кадров администраторов и чиновников для этих учреждений. Среди партийцев второй и третьей величины нашлось небольшое количество интеллигентных людей, любителей театра, которые и были назначены на руководящую работу в Комитет по делам искусств. К числу таких партийных меценатов принадлежал и первый председатель комитета Керженцев и его заместитель — начальник управления театров Боярский. Но людей, знающих и любящих музыку, среди партийцев не оказалось. И в этом случае, как и во многих других, Советское правительство предпочло поставить на руководящие посты в новой музыкальной администрации людей, совершенно невежественных, но зато надежных и политически проверенных.

Первым начальником Главного музыкального управления был Шатилов — человек грубый и неинтеллигентный. Попал он на этот пост из НКВД, где служил в средних чинах, чем-то проштрафился и был разжалован. Конечно, для него были обидными понижение из такого солидного учреждения, как НКВД, и назначение в какое-то музыкальное управление. Но духом он не упал, а в наступившие скоро ежовские времена решил вспомнить свои былые чекистские дни и применить принципы и методы работы политической «полиции» и в новой сфере своей деятельности. Да и то сказать, страна кишмя кишела шпионами и диверсантами. Почему можно было предположить, что область музыки составляла исключение в этом смысле? Чем она была лучше всяких других областей жизни Советского Союза? Не правильнее ли было бы предположить, что и в музыке дело обстоит нечисто и что священной обязанностью Главного музыкального управления является высшая форма бдительности и беспощадное разоблачение врагов народа, хитро скрывавшихся под маской невинных музыкантов?

Первым делом Шатилов обезопасил самого себя и все музыкальное управление от проникновения шпионов и от могущих иметь место актов диверсии и саботажа. Он учредил при входе в управление комендатуру, поставил часовых и организовал «бюро пропусков». Чтобы попасть в здание музыкального управления, нужно было оставлять паспорт в комендатуре и получать сложный пропуск с отмеченным временем выдачи, который нужно было предъявлять для отметки всем чиновникам, с которыми приходилось иметь дело. Затем Шатилов начал большую чистку среди музыкантов. Он запретил все гастроли иностранных артистов, резонно предположив, что уж эти-то артисты, наверное, являются настоящими шпионами. Аргентинский джаз Бьянко, гастролировавший тогда в летнем театре в «Эрмитаже», получил приказ выехать за границу в 24 часа. Музыканты голландского джаза, игравшие в кинотеатре на Арбатской площади, не отделались так счастливо и были все арестованы по обвинению в шпионаже. Шатилов всячески старался ввести систему доносов среди московских музыкантов. Он вызвал к себе в кабинет профессоров консерватории и предложил им составлять докладные записки с жалобами и с доносами на своих коллег. Профессора отказались и даже поехали жаловаться к председателю Комитета по делам искусств Керженцеву.

Решил развернуть усиленную сыскную деятельность Шатилов и во время Всесоюзного конкурса пианистов, состоявшегося в Москве в 1937 году. Уже после того, как прошли первые два тура конкурса и выявились участники третьего, заключительного тура, Шатилов произвел тщательную политическую проверку будущих лауреатов с похвальной целью не допустить, чтобы призы и почетные титулы победителей достались вражеским элементам. Молодые музыканты были крайне удивлены, когда в последние, решающие дни конкурса, требующие от участников предельного физического и нервного напряжения, их стали вызывать на неприятные, утомительные допросы к начальнику. Старания Шатилова не пропали даром. Бдительность восторжествовала. У пятнадцатилетней пианистки Жени Ярмоненко оказался арестованным дядя. Молодой армянский пианист Арам Татулян жил в квартире своего недавно арестованного отчима. Нашлись арестованные и в семьях других пианистов. Год-то ведь был тогда 1937-й!

Шатилов инкриминировал всем «связь с врагами народа» и отстранил от участия в заключительном туре конкурса. Весь конкурс оказался сорванным. В консерватории воцарилось смятение. Никто не мог понять, что случилось. Поехали к высшему начальству выяснять и жаловаться. И вот тут-то оказалось, что Шатилов плохо рассчитал и переусердствовал. Одно дело — по ночам приходить и без шума арестовывать людей, а другое дело — срывать Всесоюзный конкурс пианистов, да еще как раз в тот год, когда молодые советские музыканты выиграли ряд международных конкурсов в Вене, Варшаве, Брюсселе и разнесли славу о музыкальных достижениях Советского Союза по всему миру. Срыв конкурса пианистов превращался в удар по всей музыкальной политике правительства, и этого допустить было нельзя. Как всегда в таких случаях, арестовали самого Шатилова, обвинив его во вредительстве и в троцкизме, а конкурс приказано было довести до конца. И счастливые молодые пианисты и пианистки благополучно сыграли в последнем туре и получили призы, а вскоре и ордена.

Кто же был все-таки виноват во всей этой трагикомедии? Шатилов ли или те, кто назначил незадачливого чекиста руководителем русского музыкального искусства?

После Шатилова начальником Главного музыкального управления был назначен Гринберг, человек, гораздо более культурный и мягкий, хотя и не музыкант. При нем было создано несколько хороших музыкальных коллективов, которые все вместе составили группу так называемых «правительственных ансамблей» под официальным названием «Государственные музыкальные коллективы Советского Союза». Еще во времена Шатилова был создан первый из этих коллективов — Государственный симфонический оркестр СССР. При Гринберге были организованы: Государственный оркестр народных инструментов, Государственный духовой оркестр, Государственный ансамбль танца народов СССР, Государственный хор и, наконец, Государственный джаз СССР.

Эти оркестры и ансамбли формировались в порядке обязательной мобилизации из лучших музыкантов Советского Союза и были поставлены с самого начала в исключительно привилегированное положение по сравнению со всеми другими оркестрами, как в отношении жалованья, так и в смысле условий работы.

В начале 1939 года Гринберга сняли с работы, и на его место назначили Владимира Николаевича Сурина, который и по настоящее время является начальником Главного музыкального управления.

Сурин — человек грубоватый и не слишком интеллигентный, однако не глупый и довольно способный администратор. Сам он в прошлом был трубачом в провинциальном духовом оркестре и, вероятно, по этой причине чувствовал симпатию к музыкантам-духовикам и вообще к проблемам музыки для духовых оркестров. На других постах музыкальной администрации, в том числе на весьма ответственных, еще долгое время сидели партийные чиновники, тупые и невежественные, плохо понимавшие разницу между музыкальным учреждением и пивным заводом или фабрикой резиновых изделий, которыми они руководили раньше.

Я беру на себя смелость утверждать, что и до сих пор сидят руководители такого рода в ряде музыкальных учреждений Советского Союза, ибо такова уж сама природа партийного государства, а как известно: «Гони природу в дверь, она влетит в окно...» Весьма оригинально проявили себя эти музыкальные администраторы летом 1940 года, когда вышел новый закон об обязательном введении восьмичасового рабочего дня во всех учреждениях Советского Союза.

В оперной студии Московской консерватории, помещавшейся в том же доме, что и музыкальное управление, директор вывесил строгий приказ о необходимости всем служащим, певцам и музыкантам работать полных восемь часов. Было составлено подробное расписание репетиций и спектаклей с таким расчетом, чтобы новый закон правительства был выполнен с величайшей точностью. Составлено было такое расписание и на те дни, когда в студии шла новая постановка оперы Чайковского «Евгений Онегин». Как обычно, было предусмотрено, чтобы артисты и музыканты были заняты на спектакле вечером 3,5 часа, а днем на репетиции — 4,5. Но тут директор столкнулся с неожиданной проблемой, поставившей его на некоторое время в тупик. А как быть с певцом, певшим Ленского? Ведь Ленского, как известно, убивают на дуэли еще в конце второго акта, и таким образом исполнитель этой роли оказывается свободным на целый час раньше своих коллег, то есть вместо восьми часов работает всего семь.

Конечно, такое вопиющее нарушение правительственного постановления допустить было невозможно, и директору пришлось искать выход. Он нашел его. Он издал приказ, в котором певцу, исполняющему партию Ленского, предлагалось не разгримировываться после смерти на дуэли, а находиться в гриме и костюме в артистическом фойе вплоть до конца оперы. И бедный Ленский сидел в своей тяжелой меховой шубе и в бобровой шапке в фойе, терпеливо читал книгу и, только заслышав заключительную фразу Онегина — «...позор, тоска, о жалкий жребий мой!», — стремглав бежал к себе в уборную и срывал с себя и шубу, и шапку, и парик.

Тем же летом 1940 года я лично был свидетелем конфликта, возникшего между директором городского парка в одном из южных городов и дирижером духового оркестра. Директор парка еще ранней весной заключил с духовым оркестром контракт, по которому оркестр обязывался играть на открытой эстраде парка в течение летнего сезона для развлечения и удовольствия гуляющих, как то и полагается во всяком порядочном городском парке. Но вот вышел правительственный декрет о восьмичасовом рабочем дне, и директор парка потребовал от дирижера духового оркестра ни много ни мало, чтобы музыканты дули в свои трубы, кларнеты и гобои восемь часов в сутки без перерыва. Так и не удалось уговорить директора парка и доказать ему, что его требование физически невыполнимо. «Правительство лучше вас знает, что выполнимо, а что нет...» — твердил он упрямо. А так как начальник местного отдела музыки присоединился к этому мнению, то городской парк так и остался без музыки в течение всего лета 1940 года.

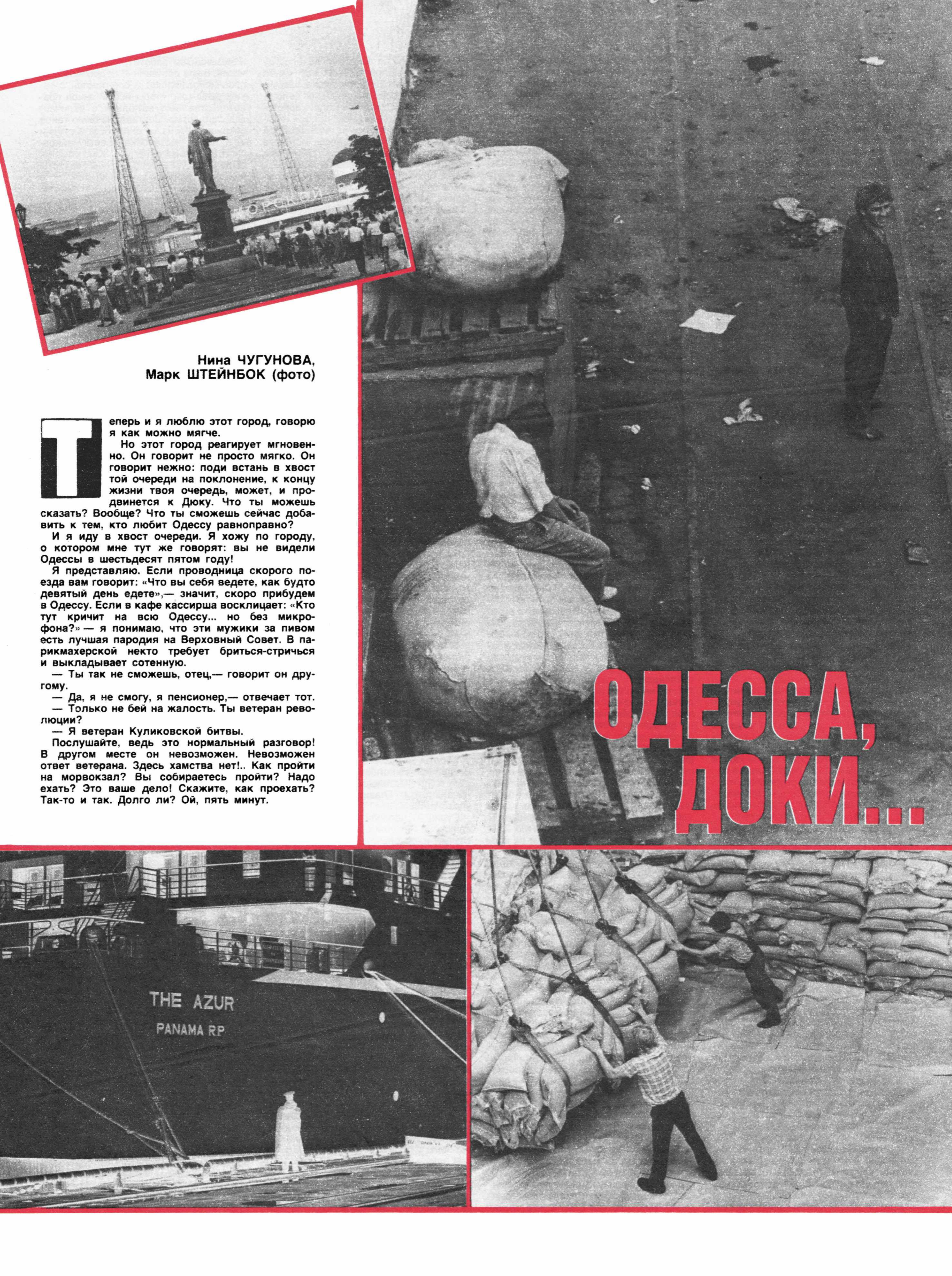
Как напоминают мне все эти факты один старинный анекдот о том, как глухой старый генерал от артиллерии впал в немилость у царя и был назначен директором провинциального оперного театра. Обследуя деятельность своего театра, генерал обратил внимание на оркестр и остался недоволен его работой. Он издал следующий приказ по этому поводу: «Производя обследование высочайше вверенного мне театра, обнаружил, что музыканты оркестра относятся к своему делу нерадиво и достойны всяческого порицания и наказания. Так, некоторые музыканты играют на больших скрипках, держа их по лености своей не под подбородком, как то следует, а промеж ног. А другие музыканты, тоже по причине крайней лености, не играют все время без перерыва, а делают непозволительные остановки во время игры.

Отныне приказываю:

Во-первых, все скрипки, в том числе и самые большие, держать исключительно под подбородком.

Во-вторых, как только дирижер взмахнул палочкой, начинать играть всем сразу и играть все время без перерыва».

Но это ведь был только анекдот.

ОДЕССА, ДОКИ...

Нина ЧУГУНОВА,
Марк ШТЕЙНБОК (фото)

Теперь и я люблю этот город, говорю я как можно мягче.

Но этот город реагирует мгновенно. Он говорит не просто мягко. Он говорит нежно: поди встань в хвост той очереди на поклонение, к концу жизни твоя очередь, может, и продвинется к Дюку. Что ты можешь сказать? Вообще? Что ты сможешь сейчас добавить к тем, кто любит Одессу равноправно?

И я иду в хвост очереди. Я хожу по городу, о котором мне тут же говорят: вы не видели Одессы в шестьдесят пятом году!

Я представляю. Если проводница скорого поезда вам говорит: «Что вы себя ведете, как будто девятый день едете»,— значит, скоро прибудем в Одессу. Если в кафе кассирша восклицает: «Кто тут кричит на всю Одессу... но без микрофона?» — я понимаю, что эти мужики за пивом есть лучшая пародия на Верховный Совет. В парикмахерской некто требует бриться-стричься и выкладывает сотенную.

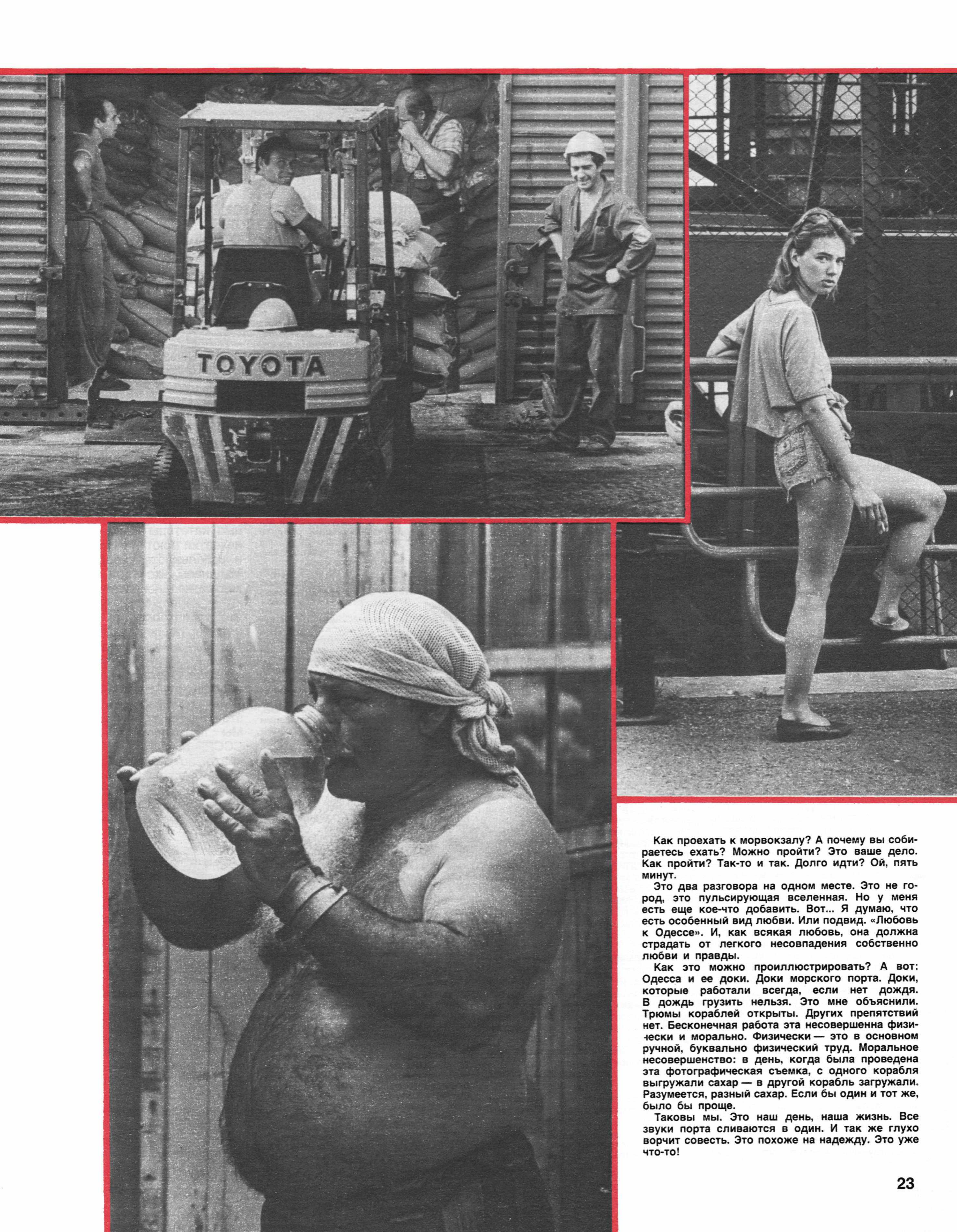
— Ты так не сможешь, отец,— говорит он другому.

— Да, я не смогу, я пенсионер,— отвечает тот.

— Только не бей на жалость. Ты ветеран революции?

— Я ветеран Куликовской битвы.

Послушайте, ведь это нормальный разговор! В другом месте он невозможен. Невозможен ответ ветерана. Здесь хамства нет!.. Как пройти на морвокзал? Вы собираетесь пройти? Надо ехать? Это ваше дело! Скажите, как проехать? Так-то и так. Долго ли? Ой, пять минут.

Как проехать к морвокзалу? А почему вы собираетесь ехать? Можно пройти? Это ваше дело. Как пройти? Так-то и так. Долго идти? Ой, пять минут.

Это два разговора на одном месте. Это не город, это пульсирующая вселенная. Но у меня есть еще кое-что добавить. Вот... Я думаю, что есть особенный вид любви. Или подвид. «Любовь к Одессе». И, как всякая любовь, она должна страдать от легкого несовпадения собственно любви и правды.

Как это можно проиллюстрировать? А вот: Одесса и ее доки. Доки морского порта. Доки, которые работали всегда, если нет дождя. В дождь грузить нельзя. Это мне объяснили. Трюмы кораблей открыты. Других препятствий нет. Бесконечная работа эта несовершенна физически и морально. Физически — это в основном ручной, буквально физический труд. Моральное несовершенство: в день, когда была проведена эта фотографическая съемка, с одного корабля выгружали сахар — в другой корабль загружали. Разумеется, разный сахар. Если бы один и тот же, было бы проще.

Таковы мы. Это наш день, наша жизнь. Все звуки порта сливаются в один. И так же глухо ворчит совесть. Это похоже на надежду. Это уже что-то!

НУЖНО БИТЬ ВО ВСЕ КОЛОКОЛА...—

«ОГОНЕК» + АнтиСПИД»

Советский благотворительный фонд

ТАК СЧИТАЮТ ДОЦЕНТЫ 2-ГО МОСКОВСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА ИМЕНИ Н. И. ПИРОГОВА АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ БЕРЕСТОВ И БОРИС АЛЕКСЕЕВИЧ АРХИПОВ, ПОБЫВАВШИЕ В ЭЛИСТЕ И РОСТОВЕ-НА-ДОНУ. В ЭТИХ ГОРОДАХ ДЕТЕЙ ЗАРАЗИЛИ СПИДОМ В БОЛЬНИЦАХ.

А. Берестов: Это называется прозаично — «внутрибольничная инфекция». Но это так же страшно, как Спитак, как Чернобыль.

При СПИДе, как правило, поражается нервная система. И мы, невропатологи, поехали туда, чтобы выработать методические рекомендации по диагностике и лечению поражения нервной системы у детей. Цель у нас была научно-практическая, если говорить официальным языком. Но то, что мы там увидели... Теперь мы считаем своим долгом рассказать всю правду.

Б. Архипов: Мы думали, что дети находятся под наблюдением врачей. Оказалось — под наблюдением всевозможных комиссий. Эти проверяющие боятся вынуть руки из карманов халатов, осматривают детей с безопасного расстояния.

А. Берестов: Хотя пути заражения СПИДом давно известны и руки можно было бы вынуть из карманов... Вы бы видели, как американские врачи осматривают больных детей: они ребенка и обнимут, и погладят.

Б. Архипов: Здесь мы затрагиваем проблему, которая среди прочих заставила нас прийти к вам. Да, давно ясно, что пути заражения не бытовые, больные не заразны. Известно и другое: что дети эти обречены. Но мало того, что они сами находятся в состоянии депрессии,— к ним нет нормального, человеческого отношения. Когда я протягивал руку больному ребенку, он не верил, что я хочу с ним поздороваться.

Вообще находиться в таких стационарах очень тяжело. В Элисте уже при входе начинаешь думать, что здесь хуже, чем в лепрозории. В стационаре должны быть врачи разных специальностей, а там лишь один педиатр. Детей не выпускают гулять. Они плохо растут. Лица у ребятишек бледные, пергаментные — это маленькие старички и старушки, которые уже не воспринимают окружающий мир. У них нет живого блеска в глазах, они уже ни на что не реагируют, как дети. Вы понимаете, они уже не живут...

Некоторые лежат с родителями, но в основном это фактически забытые дети. Они в полной изоляции от мира. Лежат в маленьких, постоянно закрытых боксовых комнатках. К ним приходит только нянька. Молча производит уборку и уходит. Я — повидавший виды врач, неслабонервный, ко многому привыкший — я вернулся оттуда в состоянии полной депрессии.

В стационарах работают одни энтузиасты. Зарплату они получают обычную, врачебную. У них много трудностей. Пока средства вылечить этих детей нет. Но ведь способ полного избавления от болезни рано или поздно будет найден, и кто-то из этих детей, может быть, дожил бы до этого!..

Но мы убиваем их дважды. Мы лишаем их и этого шанса.

Если ими заниматься, создать им соответствующие условия жизни — они проживут несколько лет. И здесь их психологическое состояние играет огромную роль. Но дети уходят из жизни раньше.

А. Берестов: Ситуация в Ростове-на-Дону несколько иная, но в психологическом отношении — то же самое. И дети подавленны. К большинству из них никто не приходит.

Насчет лекарств. В Ростове сейчас детям дают ретровир. Но до недавнего времени его не было.

Б. Архипов: Ретровир подавляет вирус, и тот не размножается. С помощью ретровира детей можно поддерживать довольно долго. Но этот и другие препараты, подавляющие размножение вируса, не закупаются и в стране у нас не производятся.

В Ростове, как нам рассказал главный врач областного центра по профилактике и борьбе со СПИДом Н. А. Галанин, выявлено 43 тысячи активных контактов. Это то, что они смогли выявить в меру своих ограниченных возможностей.

А. Берестов: Активные контакты — это в данном случае вероятность использования для разных пациентов одного и того же инструмента. Каждый месяц врачи выявляют не менее десяти инфицированных. Но мне кажется, что это первая волна, вслед за ней поднимется вторая волна — внебольничной инфекции.

И здесь я хочу спросить Министерство здравоохранения: где система профилактики? Она уже лет 8 назад должна была быть разработана, а сейчас действовать повсеместно. Но где она? Где просветительская работа для врачей, для населения? Даже в главных медвузах столицы нет специального курса по СПИДу. Что, и на это нужна валюта?

В Элисте, например, мы наблюдали такую страшную картину. Откуда-то из отдаленного села отец привез ребенка, больного СПИДом. У ребенка — тяжелая форма стрептодермии: поражение кожи, расчесы до крови. Я посмотрел и ахнул: у отца все руки в ссадинах... Вот вам и прямой контакт с кровью ребенка. Как же тут не заразиться? А ведь в семье, наверное, есть еще дети.

Люди не знают элементарных вещей.

Б. Архипов: Побывав в Элисте и в Ростове, мы убедились, что никакой централизованной работы не ведется. Никто не знает точного количества инфицированных. Больные, находящиеся вне лечебных заведений, предоставлены сами себе.

Нужно принимать срочные меры, нужно бить во все колокола!

Записала Е. ПАНКОВА

Вот какие письма мы получаем от врачей из разных городов Советского Союза:

«...нехватка оборудования, одноразового инструментария создают взрывоопасную эпидемиологическую обстановку. Смертность от гнойно-септических осложнений за 2,5 месяца текущего года составила 25,0 %. Смертность среди новорожденных, оперированных в нашей клинике в 1989 году, составила 65 %, и в основном эти больные погибли от гнойно-септических осложнений».

А. В. МИХАЙЛОВ,
врач-реаниматолог отделения интенсивной терапии и реанимации Центра детской хирургии города Минска.

«...по данным эпидемиологического обследования, в 60—70 % случаев установлено заражение инфекционными болезнями в стационарах республики и при проведении массовых парэнтеральных вмешательств. Вместо заявленных 1284 млн. шт. многоразовых шприцев мы получили только 417 тыс. шт. Не предусмотрена поставка хлорамина, моющих средств выделено только на 20—30 %. На фоне всего этого в республике выявлены ВИЧ-инфицированные».

М. В. МАГДЕЙ,
главный врач Республиканской санитарно-эпидемиологической станции Молдовы.

«...Отделение реанимации и интенсивной терапии городской детской инфекционной больницы города Сыктывкара просит о выделении шприцев, учитывая тот факт, что нам постоянно приходится работать с подключичными катетерами, что создает определенные трудности и угрозу инфицирования».

В. А. НИКИФОРОВ,
заведующий отделением реанимации и интенсивной терапии городской детской инфекционной больницы города Сыктывкара

«...Прошу 4000 шт. одноразовых шприцев для проведения всех профилактических прививок в школах и детских садах, а также на амбулаторное лечение детей (1200 человек) поселка Верхнесадовое, поселка Фронтовое Нахимовского района города Севастополя. Существует опасность распространения ВИЧ-инфекции, основанная на фактах. Давайте спасать хотя бы детей! Жду помощи, разве это много — 4000 шт. на год? Я все рассчитал!»

В. П. ИЛЬНИЦКИЙ,
врач-педиатр 14-го участка города Севастополя.

«...В настоящее время в Ростовской области сложилась напряженная ситуация по ВИЧ-инфекции. На 27.06.90 года в области выявлено 100 ВИЧ-инфицированных лиц, из них 90 детей и 10 взрослых. С 1 января 1990 года зарегистрировано 33 случая ВИЧ-инфекции, и Ростовская область вышла по данному показателю на первое место в стране. Учитывая задачи, возложенные на областной Центр по профилактике и борьбе со СПИДом, а также создавшееся в области положение по данной проблеме, просим содействия в приобретении следующего лабораторного оборудования (13 наименований)».

Н. А. ГАЛАНИН,
главный врач областного Центра по профилактике и борьбе со СПИДом (Ростов-на-Дону).

Анатолий БЕРЕСТОВ,
Борис АРХИПОВ

Коллеги! Врачи всего Советского Союза! Мы обращаемся к вам с призывом.

Мы, медики, уже 10 лет назад, когда стало известно о СПИДе, понимали, что отсутствие одноразовых медицинских инструментов может привести в нашей стране к страшной эпидемии. И мы молчали 10 лет.

Все это время мы понимали, видели, знали, что внутривенные катетеры из-за их острой нехватки моются в дезрастворе и используются неоднократно. Мы знаем, что из-за острой нехватки неоднократно используются капельницы. Мы знаем, что стоматологи не могут менять бор после каждого пациента. Мы знаем и молчим. Мы сами — пусть вынужденно — заражаем людей вирусом иммунодефицита и молчим.

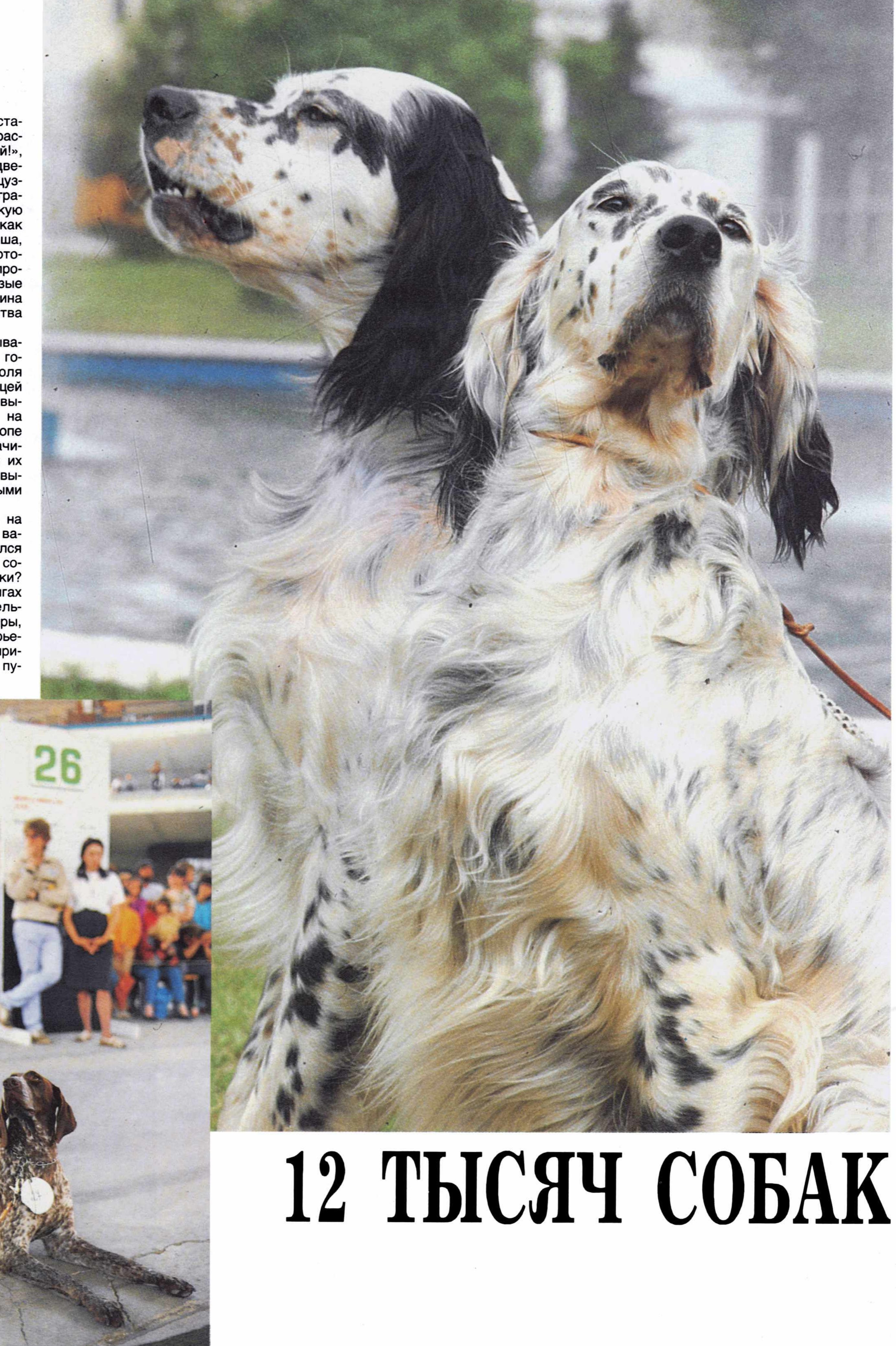
Мы призываем прекратить это молчание и бездействие. Мы призываем всех врачей СССР, давших клятву Гиппократа, потребовать от Верховного Совета СССР, от правительства СССР немедленно закупить весь необходимый одноразовый медицинский инструмент на 2 года, а за это время закупить и установить необходимые технологические линии, производящие этот инструмент.

Чтобы показать верховной власти нашу солидарность и то, что мы не станем больше покорно молчать, мы предлагаем провести всесоюзную 10-минутную забастовку — митинг врачей, выйти на улицу с требованиями, включая врачей спецбольниц и спецполиклиник для начальства. Разумеется, исключая врачей скорой помощи и отделений реанимации, а также тех, кто не сможет в эти 10 минут покинуть больного.

Инициаторов, желающих помочь нам в организации забастовки-митинга, просим звонить по телефону 251-21-47.

Фото А. ИОЛИСА ►

ОГОНЁК

Под сводами обеденного зала старинной гостиницы «Гранд Отель» раскатывалось русское: «Нагрррраждай!», усиленное грассирующим «р» — в дверях стояла респектабельная французская чета с четырьмя борзыми. Награждай, унаследовавший классическую кличку русских борзых, неведомо как залетевшую на берега Ла-Манша, устроился рядом со столиком, за который сели хозяева. За Награждаем проследовали остальные собаки. Борзые спокойно дождались окончания ужина и с чувством собственного достоинства покинули ресторан...

Сцены, подобные этой, разыгрывались повсеместно в чехословацком городе Брно. На три дня в начале июля город стал собачьей «столицей мира» — здесь прошла Всемирная выставка собак всех пород. Конечно, на фоне политических перемен в Европе это событие может показаться незначительным, но для 12 тысяч собак и их владельцев, принявших участие в выставке, эти дни были, пожалуй, самыми важными в году.

Приятно отметить, что, несмотря на бюрократические, таможенные и валютные преграды, в Брно высадился довольно большой десант советских собаководов. Ну и как наши собаки? Очень неплохо. Первые места в рингах различных классов заняли миттельшнауцеры и американские коккеры, южнорусские овчарки и черные терьеры. А лучшим ветераном выставки признана 11-летняя сука породы малый пудель из Ленинграда.

12 ТЫСЯЧ СОБАК

Собаки вели себя гораздо спокойнее, чем на наших выставках. Сказалось, вероятно, бесплатное питание, которое выдавалось фирмой-спонсором PAL всем без исключения собакам-участницам. Не забыли и владельцев: для них практически на каждом шагу были организованы буфеты с закусками и соответствующими напитками. В легкий шок могла привести советских людей надпись на одном из помещений выставки: ТУАЛЕТНЫЕ КАБИНЫ ДЛЯ СОБАК. Привычнее было видеть соотечественников, торгующих щенками, как на московской «Птичке», и всякой всячиной, как на вернисаже в Измайлово. Самые

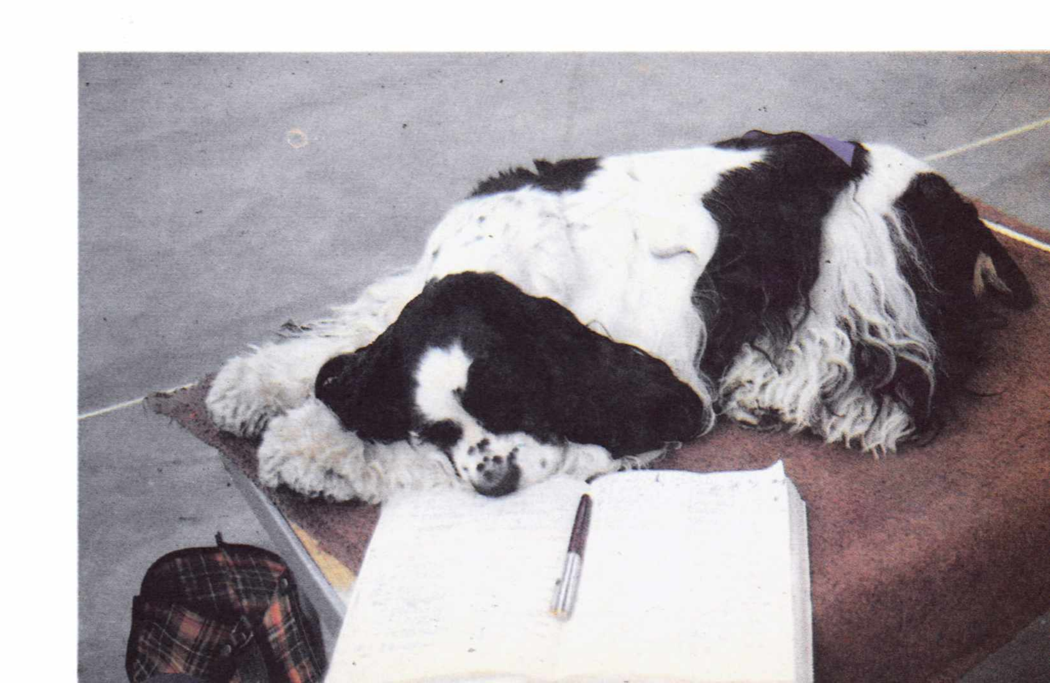

предприимчивые продавали первый советский кинологический журнал «Друг» по 25 крон за штуку. Мы порадовались — наш журнал и здесь нашел читателей.

Но самое ценное в этой выставке, пожалуй, то, что, несмотря на политические и экономические потрясения, происходящие в нашей стране и волнами расходящиеся по Европе, люди остаются людьми и продолжают искать контакты друг с другом в сфере вечных ценностей, среди которых и любовь к нашим братьям меньшим.

А. РОК,
А. ТОТОШИН

Надежда АЖГИХИНА

ЗАЛОЖНИКИ ЛЕГЕНДЫ

ИМЕНА ГЕРОЕВ ЭТОГО МАТЕРИАЛА ЗНАКОМЫ КАЖДОМУ ШКОЛЬНИКУ. О НИХ НАПИСАНЫ КНИГИ, ЗНАМЕНИТЫЕ И БЕЗВЕСТНЫЕ, СЛОЖЕНЫ ПЕСНИ, СОЗДАНЫ КИНОЛЕНТЫ. ПОДЛИННЫЕ СЮЖЕТЫ ИХ ЖИЗНЕЙ МАЛО ПОХОЖИ НА ЛЕГЕНДАРНЫЕ. ВСЕ ЭТИ ЛЮДИ, ТАКИЕ РАЗНЫЕ,— ЗАЛОЖНИКИ ЛЕГЕНДЫ. И ПРОДОЛЖАЮТ ОСТАВАТЬСЯ ИМИ.

1

Нынешней весной Ване Туркеничу, командиру «Молодой гвардии», посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. Вручать награду родственникам приехал из Киева известный генерал-орденоносец. В Краснодоне, возле Вечного огня, рядом с музеем, состоялся пионерский праздник. «Справедливость восторжествовала»,— писала местная газета и благодарила демократические времена — раньше Туркенича, побывавшего в немецком плену, не позволяли приблизить к когорте героев страны. «Мы так рады за Ваню,— проникновенно говорила мне опытный экскурсовод, встречая меня возле новенького стенда, откуда смотрел с увеличенной фотографии двадцатидвухлетний Туркенич,— поверьте, мы так долго этого добивались...» С этого сверкающего стенда, где просторно разместились нехитрые лейтенантские пожитки Туркенича, и началось мое знакомство с музеем «Молодая гвардия». Хотя приехала я сюда увидеть другие фотографии и услышать о других людях...

В один из погожих дней, когда в музее вовсю шла подготовка к торжествам, Ольге Александровне позвонили по телефону и сказали, что нужно срочно зайти в отделение милиции. «Зачем?». «Там вам сообщат»,— ответили в трубке. Вскоре вежливый мужчина в штатском заехал за ней на легковом автомобиле («Хорошо, не «воронок»,— промелькнула мысль) и доставил в отделение. Там ей вручили бумагу. «Уголовное дело по обвинению Лядской О. А., 1926 года рождения,— читала она,— до ареста 2 апреля 1943 года учащейся средней школы, пересмотрено военным трибуналом Московского военного округа 16 марта 1990 года. Постановление Особого совещания при МГБ СССР от 29 октября 1949 года в отношении Лядской Ольги Александровны отменено и уголовное дело прекращено производством за отсутствием в ее действиях состава преступления. Лядская Ольга Александровна по данному делу реабилитирована. Все время необоснованного содержания в местах лишения свободы подлежит зачету в трудовой стаж Лядской Ольги Александровны».

— Мы рады за вас,— сказали ей и пожали руку.

Все, кто читал знаменитый роман о молодогвардейцах, хорошо помнят образы предателей. Помнят, что рядом с центральной фигурой самолюбивого Евгения Стаховича есть еще две, не столь масштабные, но яркие. Приятельницы Вырикова («маленькая, с торчащими косичками») и Лядская («большая, рыжая, скуластая, с крашеными ногтями»), дешевые подружки немецких солдат, согласившиеся за 23 марки в месяц работать осведомителями гестапо. Появившись лишь мельком на страницах книги, они охарактеризованы со всей определенностью. «С детских лет,— пишет Фадеев,— они перенимали у своих родителей и у того круга людей, с которыми общались их родители, то представление о мире, по которому все люди стремятся только к личной выгоде, и целью и назначением человека в жизни является борьба за то, чтобы его не затерли, а наоборот — чтобы ты преуспевал за счет других». Ничего удивительного нет и в том, что мимо такого «психологизма» не прошли педагоги. В современном пособии для учителей-словесников, рекомендующем целый урок посвятить отрицательным персонажам романа, читаем: «На уроке следует выяснить причины предательства отщепенцев нашего общества... следует указать на то, что Вырикову и Лядскую на путь предательства привели беспринципность, готовность какнибудь устроиться при немцах. Спасая свою шкуру, они погубили много комсомольцев Краснодона» (Русская литература в школе. Пособие для учителей. Киев, 1977). Это пособие, заметим, пользуется большой популярностью среди педагогов республики, по нему и сегодня учат детей. А еще помогает ведению урока грамзапись: «Вырикова выдала группу поселка Краснодон, а Лядская сидела в камере с девушками и тогда, когда ее якобы вызывали на допрос, выдавала немцам за тряпки и шоколад все подслушанные в камере разговоры» (грампластинка из серии «Фонохрестоматия по истории СССР для средней школы»).

Как же Ольга Александровна стала героиней прославленной книги, да еще такой героиней?

Когда Фадеев, направленный ЦК комсомола, по горячим следам приехал в Краснодон, к нему на стол попала бумага. Исследователь творчества писателя В. Г. Боборыкин приводит этот документ, сохранившийся в личном архиве Фадеева, затрудняясь, как он пишет, установить источник. В бумаге содержался краткий конспект развития событий в месяцы оккупации, вкратце обрисовывалась роль каждого из подпольщиков. Отдельно было сказано о предательстве Третьякевича, Лядской, Выриковой и Полянской. Эта строка, как и некоторые другие, Фадеевым была помечена.

Сама Ольга Лядская, не ведающая ни о «Молодой гвардии», ни о своей «подруге» Выриковой (которую до самого последнего времени считала вымышленным лицом), была уже арестована.

Первый раз ее арестовали при немцах. Лично заместитель начальника полиции Захаров. В поселке знали, что приглянувшиеся ему девушки нередко исчезали на неделю-другую в полиции, где всегда была наготове отдельная камера. «Молодая гвардия» уже давно была разгромлена. В плену у Захарова семнадцатилетняя школьница пробыла несколько дней, пока мать не умолила выпустить ее за бутыль самогона.

— Или ты скрываешь что-то, или у тебя перед Захаровым есть особые заслуги,— начал следователь СМЕРШа, молодой и красивый. После освобождения оккупированных территорий всех побывавших в полиции вызвали в СМЕРШ. И убитая, подавленная всем случившимся девочка ничего не сказала о том, что с ней было в полиции («Хотела одного — поскорее забыть»,— вспоминает Ольга Александровна).

— Ладно,— решил «молодой и красивый»,— вот тебе листок, пиши под диктовку, потом пойдешь домой.

И она под диктовку написала «признание» в пособничестве оккупантам. И отправилась — только не домой, а в Пермскую область, в вагон-заке, набитом украинскими и русскими женщинами из соседних областей, где было немало таких же «пособниц», как и она. Уже в Ныроблаге познакомили с решением «тройки» — десять лет за пособничество оккупантам. Соседки предупредили: сиди и никуда не жалуйся — только срок набавят.

...Фадеев писал роман истово. Это был не просто социальный заказ — он вспоминал свою партизанскую юность, погибших в дальневосточной тайге товарищей, брата, сожженного, как Лазо, заживо в паровозной топке. Фадеев торопился и ограничивался часто уже собранным до него материалом, додумывал, придумывал... Уже вышли десятки очерков и две наскоро составленные брошюрки о «Молодой гвардии», уже побывал здесь известный прозаик и отказался от идеи документального полотна, сказал, что недостает таланта. Фадеев чувствовал: он сможет написать именно такую книгу, которая нужна сейчас, пока еще плачут матери, еще не взят Берлин. Он не хотел говорить сухо и вложил в торопливые страницы свою веру, и боль, и романтику — он любил их, наверное, этих ребят, искренне любил...

В 1946 году Ольгу Александровну вызвали с вещами. Думала, на новую «командировку» — лагпункт, но оказалось — в далекую Москву, на Лубянку. На одном из допросов увидела и руководителя нового следствия — самого Абакумова. После публикации первого варианта романа Лядская из простой пособницы оккупантам стала важной государственной преступницей.

— Следователи менялись и менялись,— вспоминает она,— но требовали одного: чтобы я признала, что выдала «Молодую гвардию». Говорила правду, они только смеялись. Один сказал: время работает на нас...

В тюрьме Лубянки, затем Лефортова Ольга Александровна провела почти три года. Ее «забывали» на недели в карцере, мучили «конвейером», не давали еды... Однажды следователь поинтересовался, что бы она хотела надеть «перед публикой». Соседка по камере объяснила: наверное, готовят показательный процесс. Процесс не состоялся — Ольга Александровна начала кашлять кровью и слегла. «Подпиши все, если хочешь выйти отсюда живой»,— сказала соседка. Она подписала и по настоянию тюремного врача (тяжелая форма туберкулеза, как узнала впоследствии) была отправлена на юг — в Степлаг.

— Охранников инструктировали: среди вас особо опасные преступники, вот предательница молодогвардейцев. И охранники любили пошутить: идем на работу, так они узнают фамилию в списке и вызывают — эй, предательница, выйди-ка из строя, мы на тебя посмотрим. А соседки (мы пятерками ходили) справа и слева сожмут, не выпускают. Выйдешь из строя — могут посчитать за попытку к бегству. Всякое бывало...

Ольга Александровна заразительно смеется. У нее ясный взгляд, она крепко жмет руку, здороваясь и прощаясь,— небольшая, но сильная, жесткая рука, привыкшая к работе — и крестьянской, по хозяйству, и разной другой — в лагерях пришлось быть и строителем, и маляром, и мотористкой.

Освободили ее уже в 1956 году, в справке было указано — судимость снята. Вернулась домой (никто из соседей ни разу не упрекнул ни в чем!), закончила институт, растила дочку, работала. Думала, что собственную невиновность не придется больше доказывать. Но в середине 60-х появились новые публикации о романе, где она поминалась вполне однозначно — как предательница, материалы эти вошли в пособия для педагогов. Ольга Александровна начала писать. В прокуратуру, в Союз писателей, в Верховный Совет. И получала один ответ — нет оснований для пересмотра дела. Она писала снова. И, не попади очередная ее мольба на стол к очень добросовестному работнику военной прокуратуры, кто знает, быть может, получала бы такие ответы до сих пор. А работник прокуратуры, досконально изучив десятки пылящихся в архивах дел, нигде не нашел ни единого доказательства ее вины.

О жизни Ольги Александровны можно написать роман. В нем будет и история любви, короткой, вспыхнувшей за лагерной проволокой и пронесенной через все годы, и история восстания в Степлаге (того, описанного Солженицыным), будут картины великих мук и великого мужества, и судьбы самых разных людей, объединенных судьбой неволи.

— Ну что я могу еще хотеть,— поднимает она глаза,— мне повезло, что молодой села, молодой вышла. Институт закончила вечерний, работала, квартиру получила. Вот реабилитировали...

В залах знаменитого музея, который посетили многие миллионы людей из многих городов и стран, где торжественно принимают в пионеры и вручают награды знатным рабочим, Ольга Александровна не была никогда. Правда, однажды запрашивала, нет ли в архивах материалов, подтверждающих ее непричастность к гибели комсомольцев. Ей ответили: никаких материалов нет. И я вхожу сюда, чтобы (я очень на это надеюсь) увидеть здесь и ее фотографию. Или хотя бы скромное упоминание, хотя бы вырезку из молодежной украинской газеты с информацией о ее реабилитации. Потому что судьба Ольги Лядской, ничего не знавшей в свои семнадцать лет о подполье, как и судьба погибшего на польской земле командира молодогвардейцев Ивана Туркенича и как судьбы десятков казненных и оставшихся в живых комсомольцев и их близких — все они главы одной драмы. Драмы, не закончившейся расстрелами у шурфа шахты № 5 или в Ровеньках, не закончившейся с выходом двух редакций романа и киноленты, не закончившейся, как кажется мне в просторном вестибюле, даже сейчас, когда выстроен музей, и возвращаются имена героев, и «справедливость восторжествовала»...

2

Экскурсию проводят специально для меня. День оказался неэкскурсионный, и опытная сотрудница, не доверяя молодым гидам, собравшимся около киоска с книгами и сувенирами, сама ведет по залам. Голос звучит ровно и уверенно — каждое слово обкатано, опробовано на тысячах групп, зафиксировано в проспектах и научных трудах, одобрено в инстанциях — и движется сотрудница вроде не быстро, но так, чтобы лишь мельком можно было взглянуть на экспонаты, и к следующему стенду. Вот зал об установлении советской власти на Луганщине, вот о первых комсомольцах края, вот и детские годы самих молодогвардейцев...

Экспонаты в стеклянных стендах (о Героях Советского Союза здесь, как положено, побольше, об остальных — покороче) свидетельствуют, что будущие подпольщики уже в детстве проявили себя незаурядными и сознательными школьниками. В просторных витринах — табель, зеркало, книжка Горького, бледнеющее фото, грамота, коса, перевязанная голубой ленточкой («Нет, это мать отрезала перед похоронами и отдала в музей»,— успокаивает меня спутница). И — к следующему стенду. Книги рядом с портретом Олега Кошевого — томик Николая Островского, раскрытый «Капитал»... Дары музею от шахтеров, летчиков, моряков, рапорты ударных звеньев и бригад...

Фотография Виктора Третьякевича в углу одного из стендов. И я прошу рассказать о Третьякевиче.

— Виктор был схвачен в один день с Мошковым и Земнуховым, это известно. Никого в полиции не выдал, погиб геройски. Награжден посмертно орденом Отечественной войны I степени. Предал «Молодую гвардию» (она могла быть только злодейски предана, такая организация) другой человек — Геннадий Почепцов. Он был членом организации и, узнав об аресте троих молодогвардейцев, испугался и написал донос в полицию, указал все фамилии. Его отчим Громов помог доставить донос. Оба публично казнены после освобождения Краснодона. Фадеев все это знал. Но еще знал, что один из полицаев говорил, будто Третьякевич на допросах называл некоторые фамилии. Позднее выяснилось, что это клевета, и Виктор был реабилитирован. Образ же Стаховича, как Фадеев говорил на читательской конференции по роману, собирательный, художественный...

Уже столько лет некоторые авторы, журналисты в основном, пытаются объявить, что Третьякевич был первым комиссаром организации. Очерки пишут. Художественные. Комиссаром был Олег Кошевой! Это определенно. Мы же все-все о молодогвардейцах знаем, о каждом шаге — и о родственниках, и о соседях...

— Можно ли неподалеку найти когонибудь из родных молодогвардейцев? — спрашиваю я.

Она только качает головой: мол, никого не осталось.

...Владимир Иосифович Третьякевич рассказывает не торопясь и не сбиваясь. Он уже привык рассказывать, привык доставать из толстой папки документы — копии и оригиналы, газетные вырезки, брошюры с закладками, фотографии... Старший брат Михаил, комиссар партизанского отряда. Родители с детьми, вся семья. Сам Владимир Иосифович в капитанских погонах — военный снимок. Младший брат Виктор с пионерским флажком...

— Я воевал в армии Рокоссовского, на Западном фронте, собирались меня направить в штаб другой армии, на повышение. Уже простился со всеми, вдруг вызывают к начальнику. Незнакомый полковник, не поздоровавшись, бросает: «А не кажется ли вам, что вам нельзя работать с фронтовой молодежью? Ведь ваш брат — предатель...» Потом командир рассказал — приехал специально из Москвы этот полковник...

В 1944 году Владимир Иосифович отправился в отпуск в Краснодон. К этому времени имя Третьякевича было уже вымарано с первого памятника-пирамидки над братской могилой, и мать потихоньку ходила туда одна, стыдясь людей. Спецпаек (кому меньше выдавали, кому больше — зависело от награды), как другие «молодогвардейские» семьи, родители не получали; в дом каждую неделю наведывался следователь. Владимир Иосифович встречался с земляками, собирал устные и письменные свидетельства. Он нашел тех, кто получал из рук Виктора временное комсомольское удостоверение, выяснил, кто и когда направил его из партизанского отряда организовывать молодежь Краснодона. С результатами собственных поисков капитан Третьякевич направился в Москву, в ЦК комсомола.

— Прихожу на бюро в ЦК в назначенное время,— рассказывает он,— там сидят секретари — Романов, Шелепин, Мишакова (та самая, которая оклеветала Косарева и многих других секретарей прежнего ЦК) — и трое военных. Один из них был начальник особого сектора ЦК А. Торицын, возглавлявший первую комсомольскую комиссию по «Молодой гвардии», перед приездом Фадеева.

Слушали меня молча. Потом Мишакова сказала: «Третьякевич оклеветал Героя Советского Союза Олега Кошевого, нужно ходатайствовать об исключении его из партии».— «И изолировать»,— добавил кто-то. Шелепин зачитал решение бюро (видно, было заготовлено заранее) — считать Третьякевича клеветником, просить рассмотреть его дело в партийном порядке. Вышел ни жив ни мертв, думал, увезут прямо отсюда, из ЦК, когда буду пропуск предъявлять. Ничего, выпустили. И пошел я на Арбат, в партийную комиссию, исключаться.

В партийной комиссии седой полковник грустно слушал 24-летнего капитана, потом сказал: «Отправляйся-ка побыстрее на фронт». И написал решение: строгий выговор с занесением.

Капитан Третьякевич окончил войну в Германии, был на Эльбе, мечтал о карьере военного. О ней, как и о всякой другой, пришлось забыть — где бы ни работал Владимир Иосифович, всюду начинались неприятности и слышалось за спиной:«Брат предателя». Не задалась жизнь и у старшего брата, претендента на высокий партийный пост в области. Учитывая былые партизанские заслуги, разрешили ему «руководить» мельницей. Не дожил до официальной реабилитации сына отец — старый коммунист-петроградец, участник двух революций. Награду «первому комиссару «Молодой гвардии» (так было и в документах) получала мать. Вся жизнь семьи — братьев, сестры и позже племянника — долгие годы была посвящена одному: поискам справедливости. И копился архив, собирались новые и новые свидетельства... Владимир Иосифович один за другим показывает их за широким обеденным столом. «Раньше я не мог говорить о Третьякевиче,— написал один из немногих оставшихся в живых молодогвардейцев,— а теперь, когда он реабилитирован, могу. Он был нашим первым комиссаром». Какую драматичную, дышащую воздухом прошедших десятилетий экспозицию могли бы составить материалы, которые я перелистываю, как много бы рассказала она — и не только о судьбе героя,— так многое здесь переплелось...

Но такого стенда в просторных залах нет.

Как нет здесь и фотографии, которую я надеялась отыскать,— фотографии Ольги Лядской.

И еще одной героини прославленных строк — Зинаиды Выриковой — тоже нет.

3

— В том, что Фадеев написал обо мне,— говорит Зинаида Алексеевна,— есть единственное слово правды — моя фамилия. Даже внешность у меня никогда такой, как в романе, не была.

Школу она окончила 21 июня 1941 года. Еще раньше была слушательницей курсов при ЦК ЛКСМУ, активной общественницей. Работать ее направили в Сталинский обком комсомола. Там и трудилась до тех пор, пока в связи с наступлением врага обком не расформировали, а потом вернулась домой.

— Дома сидела тихо как мышь, на улицу боялась показаться. Слышала, кто-то вывесил два раза советский флаг, где-то появилась листовка. О подпольной организации никто ничего не знал. Потом наступили советские войска, началась весна. Тут меня и арестовали. Каким образом? Очень просто — пришли домой из милиции и увели с собой. Там спрашивают: интересно, как это ты, такая активная комсомолка, осталась в живых? На врага, наверное, работала! Никто слушать меня не хотел, и никакого следствия толком не начиналось. Арестованных — целый этап нас был — погнали на станцию Кондрашовская, а там — в теплушкивагоны и на восток. Через двадцать дней привезли в Бугульму. Там, в Бугульме, в камере со мной оказалась еще одна девушка из Краснодона — Сима Полянская. Раньше мы не встречались. Да и потом ее ни разу не видела.

Сима Полянская, секретарь комсомольской организации краснодонской школы № 22, еще одна фамилия в перечне предателей на листочке, оказавшемся на рабочем столе писателя... Что с ней стало?

— Где я только не бывала. Два месяца работала в Карлаге, потом отправилась в Сибирь, затем — снова в Ворошиловград. Куда бы ни прибыла, всюду подсказывают — мол, сознавайся, как выдавала «Молодую гвардию». А я и не слыхала о такой. Всего провела я в тюрьмах и лагерях один год и девять месяцев. Никакого суда надо мной не было.

В октябре 1944 года Зинаиду Алексеевну освободили и выдали справку. Она хотела было вернуться на комсомольскую работу, через некоторое время, посоветовавшись с мужем, пошла в райком комсомола с выданным в НКВД документом — ее немедленно исключили из ВЛКСМ. И дали понять, что близко к райкому не стоит подходить. Первая редакция романа к той поре уже широко публиковалась...

Она стала работать на шахте. Потом окончила техникум, трудилась в общепите. Сменила фамилию. Уехала с семьей в другой город. Все равно ее узнавали.

— Так и жила. Все годы как дамоклов меч надо мной висел, и на каждом шагу напоминал кто-нибудь: «А, та самая, из «Молодой гвардии»... И боялась, что придут за мной снова.

После смерти Сталина, в середине 50-х годов, Зинаида Алексеевна написала письмо Фадееву. Ответа не получила. И уже через много лет с подросшим сыном приехала в краснодонский музей, к тогдашнему директору А. Литвину. Директор подарил сыну книгу «Молодая гвардия» с надписью — «Прочти и сделай выводы сам». Может быть, строчка о судьбе Выриковой и появилась бы в музейных залах, но вскоре Литвин, пытавшийся обновить экспозицию (на что, по тогдашним порядкам, должны быть специальные санкции ЦК ЛКСМ и ЦК КП Украины), был подвергнут критике в союзной печати, отстранен от работы и наказан по партийной линии. Второй раз приехала в музей она недавно. И называть себя не стала, прошла, как обычная посетительница.

— Что рассказать о своей испорченной жизни, ведь она уже прошла. Прошли лучшие годы... Я радуюсь тому, что у меня взрослый сын, внук, внучка. Радуюсь, что все позади, только жуткие воспоминания о своей загубленной молодости. Позади инфаркт, два инсульта, и ничего уже мне не надо. Только чтобы меня реабилитировали. Чтобы узнал об этом мой сын, мой брат-фронтовик — он был артиллеристом и наслушался еще в боях, кто я такая. Чтобы сняли наконец с меня это пятно.

Сможем ли мы реабилитировать по-настоящему этих двух женщин — Зинаиду Алексеевну и Ольгу Александровну? Ведь для них реабилитация не просто листок с подписью и печатью (за который не положены никакие, как известно, льготы, часто так необходимые уцелевшим узникам). Это значит — снабдить специальным комментарием все новые издания знаменитой книги. Перестать преподавать «истоки предательства отщепенцев нашего общества» Выриковой и Лядской...

А может быть,— приходит вдруг дерзкая мысль — и вовсе исключить книгу из школьной программы — пусть ее исследуют студенты-филологи, определяют поэтику автора и связь с литературной ситуацией эпохи, и общность образов Евгения Стаховича и партизана Мечика (тоже, кстати, реального человека, долгое время доказывавшего, что никого никогда не предавал)? Ну, в самом деле, стоит ли детей воспитывать на книге, переписанной по руководящему указанию да и созданной наскоро, по наброскам майора-особиста...

— Знаете,— говорит Ольга Александровна,— нам, бывшим репрессированным, часто некуда пойти за помощью. Прочитала недавно в «Известиях»: в Краснодаре создано городское общество, там и к поликлинике прикрепили — врачи на дом приходят к больным, и юрист есть, и заказы выдают, как ветеранам. У нас в городе такого нет. Я со своей справкой пришла в собес — думала, пенсию перечислят. Не перечислили — говорят, отдавайте нам эту справку. А как ее отдам — вся жизнь моя в ней...

28 августа 1990 года на квартире у доцента Луганского педагогического института Юрия Михайловича Козовского состоялась встреча. Ольга Александровна Лядская впервые увидела Зинаиду Алексеевну Вырикову. Присутствовала Антонина Захаровна Попова, подруга молодогвардейца Ковалева (того самого, которому удалось бежать перед расстрелом с борта автомашины и прожить несколько дней в соседней деревне. Оттуда собирался пробраться к своим, и с тех пор следы его теряются). Был и Владимир Иосифович Третьякевич. Они разрешили записать состоявшийся долгий разговор на видеопленку. Эта видеозапись могла бы, наверное, положить начало новому музею — о подлинной истории войны в Краснодоне. Совсем иного, чем нынешний, официально-официозный, с надежно закрытым для любопытствующих архивом. Да и как не быть ему закрытым, если многие свидетельства и документы, там хранящиеся, говорят совсем иное, чем стенды в залах. Где, кстати, до недавнего времени вместо фотографии молодогвардейца Ковалева красовалось изображение совсем другого человека, где последнее письмо родным из камеры написала не казненная девочка, как свидетельствует табличка, а ее соседка по парте, имитируя почерк, и на некоторых документах вместо прежних, затертых, подписей — новые (приехавшая издалека комиссия все это подтвердила и заключила, что многие из экспонатов «не являются научно достоверными» — но что до того? Ведь главное, чтобы посетитель воспринимал стройную концепцию героических событий, а не какие-то мелочи — экспозиция осталась без изменений!).

Не изменилась даже после того, как

в местной печати появилось сообщение о том, что отец Олега Кошевого, оказывается, жив! И даже захаживал в музейные залы, где на вопрос о нем экскурсоводы не знали, что сказать, или припоминали строки из книги Е. Кошевой «Повесть о сыне», о бедах семьи после его смерти. А он жил в соседнем селе с новой семьей и очень горевал об Олеге...

Легенда, которая стала живее самой жизни. Она не пощадила никого из своих заложников, даже самых, казалось бы, благополучных — единственная из родителей награжденная орденом, служившая верным трамплином для всех местных руководителей, Елена Николаевна Кошевая умирала в нетопленой комнате, рядом с парализованной матерью, и никому из правофланговых комсомольцев и экскурсантов, внимающих рассказу о подвиге матери, растившей героя, не пришло в голову поинтересоваться, не надо ли принести дров или ведро воды...

— У нас есть основная линия,— посетовала, уже закончив экскурсию, моя спутница-гид.— А некоторые хотят только запутать историю...

Наша история слишком долго была историей легенд. Мифы заменяли нам все — живое прошлое и экономику, нравственность и политику, и советская литература, объявившая себя единственной законной наследницей великой классики, постепенно превратилась в гигантскую фабрику по производству новых, нужных данному моменту мифов. «...Я не ставил целью дать историю «Молодой гвардии»,— записал Фадеев в своем рабочем блокноте,— а дать советского человека в оккупации — в аспекте молодежном, через молодежь; — но дать разрез общества всего и молодежи — как будущего этого общества, как первый показатель его несомненного творчества». Писатель хотел показать героев, способных построить коммунистический рай, он и сам верил в него, наверное, до предпоследнего своего часа. Только слишком уж тесно в нашем несостоявшемся раю от теней тех, чьими судьбами выстелена к нему дорога...

Я прощаюсь с музеем. Фотография Вани Туркенича провожает меня, я вижу ее сквозь стекла пустого вестибюля, и вдруг показалось, что рядом с ним — и те, другие лица, все вместе, и умершие, и живые.

Они, эти лица, не дают мне покоя. И все кажется, что я сама тоже перед ними виновата, хотя я не знаю, в чем...

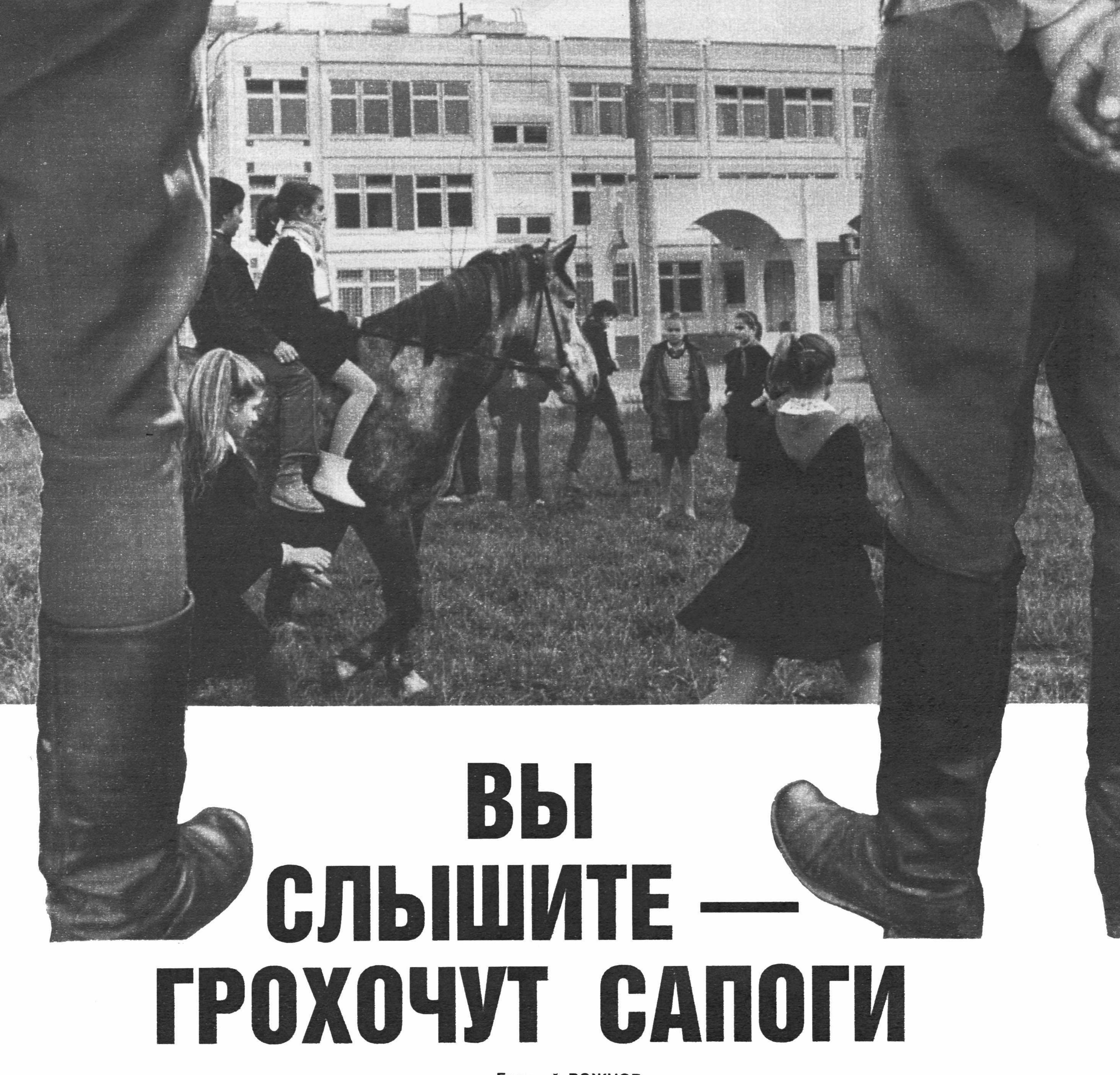

Так впервые встретились героини прославленного романа. 1990 г.

На родине первого комиссара «Молодой гвардии». Владимир Третьякевич, рядом с ним — мать Анна Иосифовна, участники подпольной организации Р. Юркин и А. Левашов. 1965 г.

Виктор Третьякевич. 1941 г.

ВЫ СЛЫШИТЕ — ГРОХОЧУТ САПОГИ

Георгий РОЖНОВ

ПОЗДНИМ ВЕЧЕРОМ ДЕСЯТОГО ОКТЯБРЯ МНЕ ПОЗВОНИЛ АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ АСМОЛОВ — ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ ОБЩЕСТВА ПСИХОЛОГОВ СССР. ПЕРВАЯ ФРАЗА: МОСКОВСКИЙ ЛИЦЕЙ, ЧТО В ТЕПЛОМ СТАНЕ, ВЧЕРА ЗАХВАТИЛИ ВОЙСКА КГБ. Я НАСТОРОЖИЛСЯ: РОЗЫГРЫШ? ОДНО ИЗ ДВУХ — ЛИБО УЧЕНЫЙ ПОДБРОСИЛ МНЕ ТЕСТ НА СООБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ, ЛИБО ОН — ЭТО НЕ ОН. ПОТОМУ ЧТО ДАЛЬШЕ Я СЛУШАЛ АХИНЕЮ, БРЕД, ЧУШЬ НЕСУСВЕТНУЮ. КОРОТКО: УЧЕНИКУ ЛИЦЕЯ УЧИТЕЛЬНИЦА ПООБЕЩАЛА ПОСТАВИТЬ ДВОЙКУ, А ТОТ ПОЖАЛОВАЛСЯ ПАПЕ — СТАРШЕМУ ПРАПОРЩИКУ. ПАПА КРЕПКО РАССЕРДИЛСЯ И ТУТ ЖЕ ЗАХВАТИЛ ЛИЦЕЙ СИЛАМИ ЛИЧНОГО СОСТАВА ВЗВОДА, КОТОРЫМ КОМАНДОВАЛ. ШТУРМОВАЛИ ПРИ ОРУЖИИ, С АВТОМАТАМИ КАЛАШНИКОВА НАПЕРЕВЕС. ВЕРИТЬ?

Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

Московский лицей, как можно догадаться, уникален и пока неповторим, равно как и его создатель и директор Евгений Александрович Ямбург. Он молод, умен и обаятелен, в учительских кругах известен. Создатель экспериментального научно-производственного педагогического центра «Достоинство». Заслуженный учитель школы РСФСР. И еще, пожалуй, главное — ближайший друг светлой памяти отца Александра Меня, с которым и создал знаменитый свой лицей. Что же за мука выпала в разговоре с Ямбургом — мне бы об удивительной его методе узнать, на уроках его удивиться, доведаться из первых уст о придуманной им корректировке интеллекта любого, хоть самого пропащего, подростка, а я сейчас вот что узнаю при первом нашем знакомстве:

— Девятого октября, в пять часов вечера, я пригласил на беседу своих коллег из Челябинска — директоров школ, завучей, они гостили у нас. Примерно через полчаса слышу в коридоре топот — тяжелый такой, грохочущий, явно не мои дети. Врываются ко мне в кабинет двое — пятнистая форма, в руках автоматы, короткоствольные такие, знаете? Дулами — в меня. Первый из них, видимо, старший, в крик: «Не двигаться! Школа блокирована войсками кэгэбэ!» Прыжком к телефону, сорвал трубку. У второго — рация, что-то шепчет в микрофон. Первая мысль — говорили о военном перевороте, вот он! Кого сегодня в первую очередь возьмут на мушку? Нас, интеллигентов. Старший подходит ко мне ближе, четко и громко: «Мы пришли мстить!» Объясняет — у него в лицее учится сын, ему грозят двойкой, как посмели? И тут я успокаиваюсь —

очень уж густо несет от этого мстителя спиртным. Словом, стал я его теснить к двери, подальше от моих остолбеневших гостей, заговаривал его, успокаивал, как мог.

Голос у Ямбурга звучит тихо, бесцветно, стеснительно. Ну каково ему рассказывать мне, как в коридоре увидел он одну из старейших своих учительниц Марию Ильиничну Тимофееву, математика. Каково вспоминать, как она плакала перед двумя пятнистыми парнями, просила выпустить домой, а те поигрывали перед ней стволами Калашникова? И дикое их условие — выпустим, если дадите клятву молчать об увиденном. «Разумеется,— поторопилась Мария Ильинична,— смею вас заверить, что все останется между нами».

«Это не клятва,— сказали парни, каждый из которых годился учительнице во внуки.— Повторяйте: «Клянусь честью советского учителя...»

Мария Ильинична, учительница, повторила так, как ее обучили неучи. Ямбург считает это издевательством. Я же добавлю: просто эти воины, даже будучи отличниками боевой и политической подготовки, не могли сообразить, что за диковинные слова говорит им эта бабуся.

Рассказать, как разворачивались события дальше? Восстановить их мне помогли и учителя, и лицеисты. Дети, например, едва завидев у дверей солдат, по-детски и обрадовались: игра! А их шуганули автоматом. Завуч по социально-педагогическим вопросам Лидия Ивановна Щипулина заигрывать с захватчиками не стала, она просто взяла да и гаркнула на них так, как ни разу не позволяла себе в отношениях с детьми — каждому свое. Представьте, автоматом ей не грозили — гневный вопль солдаты поняли сразу, так им привычнее.

Через полчаса осаду сняли, плененные учителя и дети стали приходить в себя, директор ломал голову, кому и на кого именно ему жаловаться, как в лицей снова вошли недавние гости. Товарищ старший прапорщик, объявили они, просит не серчать за доставленное беспокойство. Товарищ старший прапорщик надеется, что его сын за отца не ответит и двойка ему выставлена не будет.

С тем и ушли.

Наутро директор принимал депутацию: командира батальона, замполита и героя вчерашнего десанта старшего прапорщика. Оба офицера сообщили, что приказа на захват лицея они не отдавали и старший прапорщик действовал сдуру или спьяну. Что для проведения плановых учений батальону было выдано оружие, которое он так же сдуру или спьяну повернул не в ту сторону. Что же касается упоминания о войсках госбезопасности, то это еще вилами по воде писано и приказа на переподчинение их части КГБ пока вроде бы нет, хотя и поговаривают. Оба командира подытожили сказанное просьбой учесть нынешнюю сложную общественно-политическую обстановку в Москве, нервотрепку каждодневными командами «В ружье!», донимающие и их слухи о военном перевороте и посему кары для них не требовать. Старший прапорщик был краток: вроде бы вчера состоялся у них с директором мужской разговор, чего сейчас-то болтать? Они что — стрельбу там подняли? Пальцем кого тронули? Инвентарь порушили?

Вот, собственно, и все, что директор лицея рассказал и мне, и приехавшей по его просьбе съемочной бригаде программы «Взгляд». Еще короче была информация Александра Политковского, которой он ошарашил телезрителей в пятницу, 12 октября.

Эта скороговорка — не только от журналистской спешки. Сколько бы ни говорил я с Ямбургом, сколько бы ни задавал ему наводящих вопросов, Евгений Александрович упрямо не называл мне фамилий ни старшего прапорщика, ни его командиров, ни учительницы, которую хотели постращать автоматным дулом. Все просто: Евгений Александрович привержен милосердию не только в своих лекциях — в жизни. Ему страшно подумать, что может случиться с тем мальчиком, чью успеваемость хотели повысить грохотом солдатских сапог, коли в лицее узнают его имя. Ему жалко и его дуролома-отца, и его замороченных командиров — армия и только она так помутила их разум, так изуродовала понятия о добре и зле.

В одном соглашусь с Ямбургом сразу — любое умолчание, даже иносказание сгодятся, лишь бы уберечь мальчишку от неправедного гнева так скорых на расправу сверстников. Но вот в другом, главном — что, тоже промолчим и сделаем вид, будто никакого захвата лицея не было вовсе и никто не должен держать за это ответ? Да нет, Ямбург не столь любезен и к всепрощению не склонен — сам ведь он и на телевидение, и влиятельным своим друзьям звонил. Потому что был уверен: услышит страна, что сегодня, сейчас, в московский лицей ворвались вооруженные армейские штурмовики — ахнут люди и содрогнутся в гневе и изумлении! Ибо, насколько не изменяет память, конфуза такого не допускали ни жандармы Его Императорского Величества III Отделения, ни даже лихие чекисты всех сталинских железных наркомов, разом взятых!

Каюсь, и я здесь был грешен своей надеждой — быть скандалу вселенскому, гневу праведному, сраму наши отцы-командиры теперь не оберутся. Щелкал ручками телевизора, радиоприемника, по всем программам сессии Московского городского Совета, Российского и Союзного Верховных Советов, если не сегодня, то уж завтра непременно хоть один из сотен депутатов встанет к микрофону и учинит спрос с кого угодно — с министра обороны, с командующего Московским военным округом, с главкома сухопутных войск, с командарма или комдива, которым подчинялись осквернители лицея,— ужели ничей слух не резанул грохот солдатских сапог по его коридорам, по душам его педагогов, его воспитанников? Ужели не найдут они себе заступников?

Третья неделя идет — ждать еще?

Хорошо, сам знаю войсковую часть, которая явила нам мятеж пока одной только роты. Пять цифр в ее номере говорят о том, что часть входит в состав Советской Армии. Внутренние войска и погранвойска КГБ обозначены четырьмя цифрами. Надеюсь, меня не заподозрят в разглашении военной тайны — номера войсковых частей всяк

волен писать на конвертах открытой почты, а подробности эти понадобились мне потому, что захватчики лицея представлялись войсками не СА, а КГБ.

Не буду, однако, спешить называть их фантазерами, и вот почему. На следующий день после программы «Взгляд», в субботу, в лицей приехали офицеры КГБ СССР. Представляю их — Юрин Сергей Сергеевич и Вдовин Владимир Анатольевич. Их действия я вправе назвать следственными — были допрошены свидетели, запись шла на видеокамеру. Один вопрос беспокоил офицеров более других: не говаривал ли кто-либо из воинов о передаче их части в ведение КГБ? Не странен ли этот интерес, не прозрачен?

Был бы рад, если бы Комиссия по вопросам обороны и государственной безопасности Верховного Совета СССР сочла все эти факты достойными своего внимания и мы смогли бы понять, почему противоправные действия военнослужащих Советской Армии расследует не военная прокуратура, а КГБ. И сколь успешно продвигается это расследование.

Не будем, однако, бесстрастно ждать его результатов, да и дождемся ли? Иная мучит меня загадка, иная боль. Старший прапорщик в своем желании помочь удержаться на лицейской парте своему сыну-двоечнику был отнюдь не новатором. Давайте вспомним, сколько политических неучей спасали мы в вассальных странах от гнева их собственных народов этим же манером — грохотом танков, БТР и все тех же солдатских сапог. В 53-м году этот грохот раздался из Берлина, в 56-м — из Будапешта, в 68-м — из Праги, в 79-м — из Кабула. А в своей собственной стране — что, напомнить о Тбилиси, Степанакерте, Баку? Не сегодня, а тогда многих ли наших сограждан оскорбил, потряс, возмутил этот разгул военщины, обласканной партийными вождями?

Чего же тут удивляться, что солдатские перебежки по коридорам лицея не резанули наш слух — привыкли? Оглохли? Или сегодняшнее общественное внимание больше поглощено многотысячными армейскими тусовками в Москве и Подмосковье, нашими страхами насчет военного переворота и неуклюжими, а подчас и насмешливыми объяснениями маршалитета, что бронированные армады то примчались готовиться к параду, то копать картошку, а то и просто проводить учение за учением. Если даже мы поверим в законопослушание министра обороны, то может ли уважаемый маршал поручиться хотя бы за безупречную воинскую дисциплину каждого его полка, батальона, роты, взвода? Что какой-нибудь комполка не двинет своих молодцов штурмовать парикмахерскую, в которой дурно обошлись с его супругой? Или голубые береты не полонят приемную комиссию вуза, которая отказалась зачислить студентом дитя их командира? А если, скажем, в Академии Генерального штаба, которая, кстати, соседствует с нашим лицеем, кто-либо из слушателей завалит экзамен, а папа у него не старший прапорщик, а один из многочисленных главкомов,— не зависнут ли над гигантским шестигранником академии боевые вертолеты, а в кабинет тамошнего начальника, героя Тбилиси, генерал-полковника Родионова не ворвутся лихие мстители с автоматами наперевес?

Ах, слышу я, это издевка над кузницей командных кадров, дурацкий юмор и вообще сплошное очернительство — не может, не смеет быть посему. А с лицеем, с его педагогами, с его детьми — было же! Нет уж, пусть оба могучих ведомства сколько угодно упрекают меня хоть в паникерстве, хоть в раздувании из мухи слона, я продолжаю настаивать — штурм лицея вовсе не частность, вовсе не только дуроломство старшего прапорщика, которого, судя по его поспешной госпитализации, могут вообще признать без царя в голове. Если в войсковой части могут так легко вооружить взвод или роту, отдать ей самый что ни на есть безумный приказ и солдаты этот приказ выполнят столь же бездумно — можем ли мы быть гарантированы от мятежа или бунта по воле хотя бы того же старшего прапорщика?

Эти непривычные для нашего слуха слова «бунт» и «мятеж» я упомянул вовсе не в полемическом задоре и уж не в силу моей правовой темноты. Да, мне известно, что Уголовный кодекс РСФСР в разделе «Воинские преступления» таких понятий не приемлет вовсе. Лет этому Кодексу уже немало, и нетрудно понять, что его тогдашние составители, свято веря в нерушимое единство армии и народа, и в мыслях не допускали, что оболваненный партийными догмами и бездумным послушанием воин может сам, по своему хотению, схватить оружие и повернуть его, куда в голову придет. Вот если по воле партии и правительства — тогда это уже священный долг, святая обязанность, приказ, который, как известно,— закон для подчиненных. И за ослушание этих приказов Кодекс кар перечислил сполна. Статья 238-я — «Неповиновение», статья 239-я — «Неисполнение приказа», статья 240-я — «Сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению служебных обязанностей», статья 241-я — «Угроза начальнику»...

Интересно, а если эти же начальники допускают насильственные действия по отношению к населению — хотя бы к тем же педагогам и ученикам лицея,— их преступные действия по какой статье нынешнего УК можно квалифицировать? А могли ли солдаты, участвовавшие в набеге на лицей, ослушаться начальника, не рискуя тут же попасть под действие вышеперечисленных статей Кодекса и угодить на скамью военного трибунала?

Так, может быть, реформируя наши правовые нормы, мы все же предоставим военнослужащим право не исполнять явно преступных приказов командиров, которых сейчас окружили едва не тройным заслоном защиты? И давайте отважимся наконец законодательно пресечь любую попытку человека с ружьем пользоваться им по своему усмотрению, ограждая тем самым общество от любого подобия воинского мятежа.

...Знаете, а Ямбург, директор, как всякий интеллигентный человек, зла на своих обидчиков уже не таит. Он даже не прочь помочь своим соседям из войсковой части советами своих психологов и нейропсихологов, физиологов и социологов. Для этого можно посетить его педагогический центр «Достоинство». Одна только просьба — автоматы с собой не брать и сапожищами не грохотать. Лицей все-таки.

■

Начало на стр. 6.

УМОМ ПОНЯТЬ РОССИЮ

можно успешно и сытно поддерживать тех, кого Бог обделил здоровьем и разумом.

Боритесь не с богатством, а с бедностью. Искореняйте паразитизм во всех его возможных формах и проявлениях. Ибо эта гниль поражает сознание и мешает людям жить достойной и сытной трудовой жизнью. И бойтесь демагогии. Эта сытная и престижная в нашем обществе профессия кормит сегодня огромную армию социальных философов, атеистов и политэкономов, проходящих дорогостоящие курсы обучения в Академиях при ЦК, Совмине и в других белокаменных храмах науки. Успех вашей реформы будет зависеть от того, сможете ли вы обойти все «подводные камни».

Первый из них — готовящаяся вступить в действие с января 1991 года правительственная реформа ценообразования. Инерция системы слишком велика, и смена премьер-министра может не повлиять на задействованный уже механизм. Будьте бдительны! На территории России цены должны формироваться сами, в процессе взаимодействия спроса и предложения, в ходе становления и развития товарно-денежных отношений. С остальными республиками мы будем торговать! А всех «рассчитывающих» и занятых «устранением деформаций» придется уволить и начать учить заново. Отныне и впредь ни одна из цен не будет рассчитываться и устанавливаться правительством. Их будет формировать и упорядочивать рынок — свободно и бесплатно. «Свободу ценам!» — вот лозунг реформы.

Знайте, что, начавшись с бубликов да баранок, правительственная «реформа» пройдется по всем без исключения товарам и услугам. Это и станет началом раскручивающейся инфляционной спирали. Все будет «почти как в Польше». Одна разница: там реформа, протекающая в условиях роста цен, а здесь — рост цен без реформы.

Не упустите момента, когда начнут утверждать 13-ю пятилетку. Выскажитесь ясно и однозначно: на территории России пятилеток больше не будет. Мы будем медленно, от недели к неделе, от месяца к месяцу, от года к году прорываться к экономическому равновесию, к той хозяйственной инфраструктуре, которая не будет отторгать научно-технические новшества, не вписанные в программу пятилетки, а станет с жадностью впитывать и воплощать в жизнь всю мудрость, изобретательность, смекалку и умение, которые еще сохранились в нашем народе.

Не потребуется вам ни научных расчетов, ни длительной подготовки и для возникновения конкуренции. Конкуренция не «развивается», как это полагают некоторые. Она возникает, когда производителей как минимум два. Она усиливается, когда их четыре, становится жесткой, когда их десять или сто.

Возможно, вам посоветуют провести демонополизацию промышленности посредством реорганизации министерств — переводом их в концерны с государственным акционерным капиталом. Будьте предельно внимательны. Концерны у нас появятся, но сформируются из новых хозяйственных негосударственных структур. Иначе ничего, кроме смены вывесок, под которыми будет усиливаться монопольная власть, вы не получите.

Не обманитесь формулой о равноценности различных форм собственности. Под ней скрывается намерение сохранить в неприкосновенности государственную собственность, защитить ее от рынка и конкурентов-частников. В равные конкурентные условия должны быть поставлены все формы частной собственности: акционерные компании, кооператоры, фермеры... Размер же государственной собственности предстоит свести к минимуму.

Ни о каких выкупах собственности у государства речи быть не может, так как все без исключения объекты и без выкупа по праву принадлежат обществу, его гражданам. Точно так же обстоит дело с жилищным фондом: квартиры нами давно оплачены.

В сельском хозяйстве никаких государственных арендных предприятий, никаких государственных агрофирм и агропромов. Только частные — индивидуальные и кооперативные — хозяйства смогут разрушить систему государственного крепостничества, монополизма и транжирства.

Еще одна опасность — уже принятый и действующий Закон о налоговом обложении граждан. Он преследует только одну цель — задавить нарождающуюся у нас предпринимательскую инициативу, разорить и отвадить от хозяйственной деятельности всю молодую когорту кооператоров, ремесленников, фермеров и частников. Действие этого Закона на территории России должно быть прекращено. Вам потребуется своя собственная комиссия по налогам, которая установит такие ставки, которые начнут стимулировать предпринимательскую активность в городе и на селе, в промышленности и в сфере услуг. И я гарантирую вам: ни политических забастовок, ни голодных бунтов в России не будет.

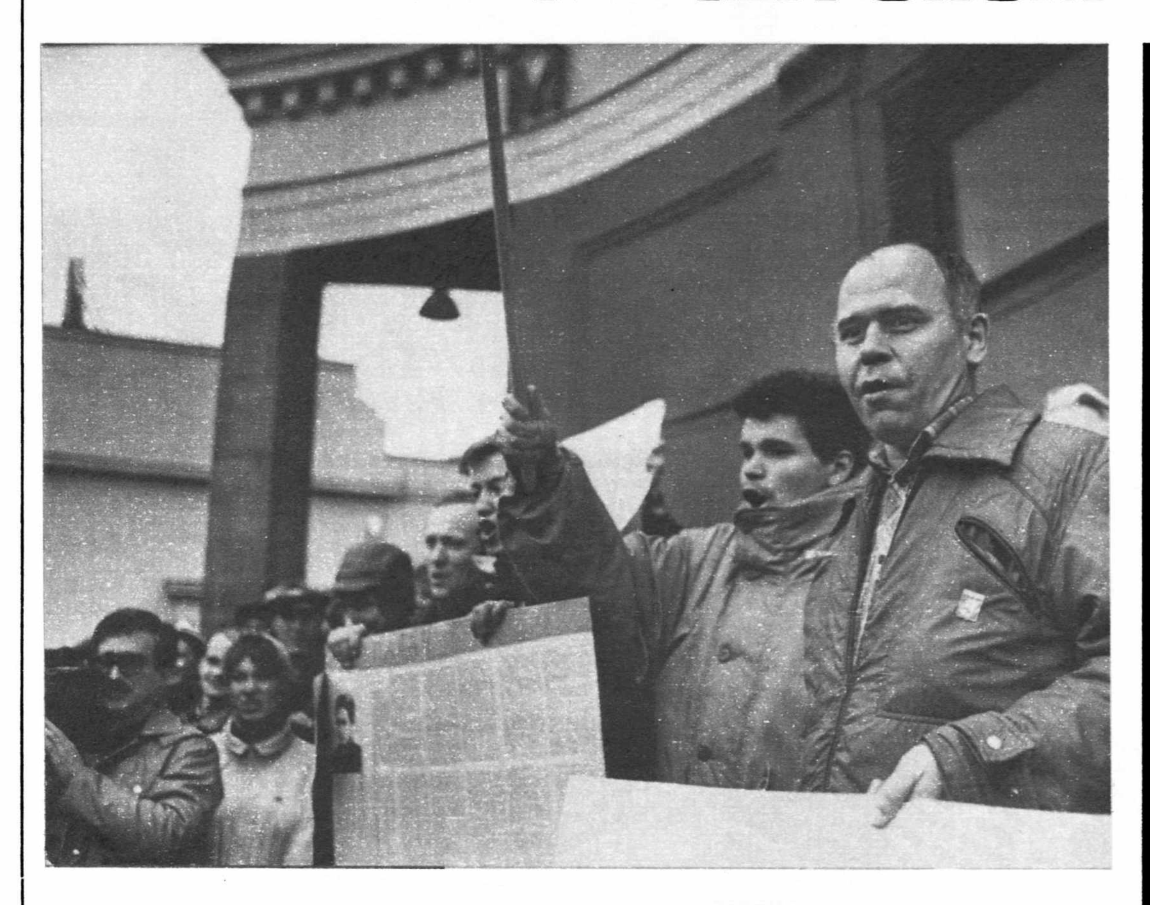
Третий «подводный камень» — государственные заказы и централизованное распределение. В правительственной программе об этом сказано так: «Для поддержания производства и сложившихся хозяйственных связей используются государственные заказы и методы централизованного распределения». Думаю, наоборот, следует разрушить сложившиеся хозяйственные связи, ибо они покоятся не на взаимной экономической выгоде, а на министерских сговорах и монопольных сделках. До тех пор, пока будут существовать госзаказы с централизованным распределением лимитов, рынок возникнуть не сможет.

В ленинской статье «О кооперации» сказано: «...нам осталось *только* одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие». Вам предстоит в кратчайшие сроки «цивилизовать» Россию настолько, чтобы каждый ее житель имел полное и беспрепятственное право купить коров, лошадей, свиней, коз, овец, птицу и фураж. Чтобы все колхозно-совхозные стада поступили в открытую продажу, а фуражный фонд продавался бы в каждом районном центре в частные руки без ограничений. И тогда уже очень скоро продажа птицы, свинины, говядины, зерна, картофеля, овощей и фруктов будет производиться по свободным ценам на открытом рынке. Никаких государственных изъятий, никаких дотаций, никаких гарантированных закупок по «социально низким» ценам. Все фермеры и кооператоры должны будут позаботиться о реализации своей продукции и попытаться заключить договоры с посредническими торгово-закупочными кооперативами, магазинами, овощными базами, холодильниками. Все желающие работать в колхозе смогут на равных со всеми закупить все необходимое. Никаких льгот для колхозного хозяйствования по отношению к частному предоставлять не следует.

Вы пришли к власти как поборник социальной справедливости. Помните, что справедливым может быть только Бог. Не берите на себя непосильную миссию — делить и перераспределять. Удержитесь от нового «черного передела». Иначе опять встанете на уже пройденный нами путь популизма...

В вашем распоряжении очень мало времени, но у вас есть ваш исторический шанс. Постарайтесь не упустить.

Метроном

ПАНКИ ПРОТИВ «ПАМЯТИ»

«Акция» в ЦДЛ — совсем не единственный случай вторжения «Памяти» на чужую территорию. Использовать чужие митинги и собрания в своих целях — стиль этих людей. Не важно, идет ли речь об экологии, очередном неудачном заявлении ТАСС, о Президенте или пацифизме, как это было в День Конституции на Арбате,— они тут как тут. Со своей любимой темой. Вроде бы при чем здесь Троцкий, если говорят об альтернативной службе и недоверии министру обороны? А они скандируют: «Долой сионизм и гомосексуализм!»

Панки, по-настоящему заинтересованные участники последнего митинга, со свойственной им раскованностью выразили свое отношение к «Памяти»:

— А пусть не ходят на наши тусовки!

Марк ШТЕЙНБОК (фото автора)

А СОБЧАКА — МЫТЬ ОКНА?

Очередным скандалом завершилась очередная сессия Ленсовета. Его возникновение нетрудно было предугадать, зная бикфордно тлеющий конфликт между председателем Анатолием Собчаком, требующим больших полномочий для строительства в городе свободной экономической зоны, и значительным числом депутатов, обвиняющих Собчака в зажиме демократии.

Пикантность ситуации придает то обстоятельство, что против «линии Собчака» (Ленинград — свободная зона, руководимая особым комитетом со значительными полномочиями) выступают представители не «консервативного меньшинства», а «демократического большинства», или «самых демократичных демократов», как сформулировал один депутат, являющийся, очевидно, наидемократичнейшим из самых демократичных. Так, председатель комиссии Ленсовета по промышленности Петр Филиппов, известный в качестве радикального экономиста и одного из лидеров Народного фронта, в своем выступлении на сессии предложил отказаться от идеи зоны и осуществлять программу «500 дней» наравне с другими регионами. «Либо мы пойдем путем Эстонии,— сказал Филиппов в интервью,— то есть отгородимся от Советского Союза крепкой границей, введем свою валюту, можем даже к Финляндии присоединиться, либо останемся в рамках России. Но если мы создадим большую трубу, по которой ресурсы России будут вытекать на Запад, а сбоку маленький крантик, из которого капает в Ленинград, то Россия этого не поймет». И хотя предложение Филиппова не набрало необходимого числа голосов, из окончательного решения сессии о свободной зоне выпали предложения по созданию особого комитета, без которого управлять ею, вероятно, будет не легче, чем повышать цены, опираясь на всенародный референдум. Ленинградские средства массовой информации не скрывают ни скепсиса, ни сарказма по отношению к вчерашним любимцам, особенно когда кто-то из них гасил окурок о мраморную колонну Мариинского дворца или предлагал председателю Ленсовета не эксплуатировать уборщицу, а самому вымыть окна у себя в кабинете,— информация об этом разносилась мгновенно.

От любви до ненависти один шаг. Со стороны Ленсовета его сделал тот же Петр Филиппов, пройдя под занавес сессии к трибуне с обращением «К ленинградцам, народным депутатам и журналистам». «...В последнее время развязана кампания по дискредитации Советов... В «Ленинградской правде», «Смене», программе «600 секунд» и других телепрограммах ведется уничижительная критика, призванная показать якобы недееспособность Советов... Некоторые журналисты пытаются голословно обвинять депутатов в пустопорожней болтовне... допускается посягательство на честь и достоинство... всего депутатского корпуса».

Не решаюсь встать на чью-то сторону, поскольку всерьез опасаюсь, что следующим решением Ленсовета мне будет предложено стать свободным в какой-нибудь другой экономической зоне. Согласен мыть окна сам, но все же пока в ленинградском корпункте.

Дм. ГУБИН,
соб. корр. «Огонька»

Рисунок Д. БАРАБ-ТАРЛЕ.

ДЕТСКИЙ УГОЛ

Рубрику ведет Григорий ОСТЕР

ПОЛИТИКА

Жили-были король с королевой.
Король любил все левое,
Все правое — королева.

Целовали принцессу-дочку,
Целовали принцессу в щечку,
Король целовал в левую,
А в правую — королева.

Когда их в тронном зале
Высокие гости ждали,
Король садился слева,
А справа — королева.

И так они сидели,
Приветливо глядели:
Король смотрел налево,
Направо — королева.

СЕРГЕЙ СЕДОВ

Сергею Седову 36 лет. В 1980 году он окончил Московский педагогический и пришел в школу к третьеклассникам. Через полгода директор и родители хором сказали ему, что он сам ненормальный, и дети в его руках станут тоже ненормальными, и им будет ох как трудно в жизни. Самое страшное — Сергей понимал: детям действительно будет трудно. А соучаствовать в подгонке детей к Системе он не хотел, не мог. Школу пришлось оставить. Учитель стал сторожем, дворником, а то и просто приходил и стоял перед студентами Суриковского института — работал натурщиком. И вот однажды, когда он стоял нагишом с простертой в будущее рукой, ему явилась дельная мысль: стать писателем для детей. И он стал.

Правда, книжку пока издать не удалось, но уже есть договоры и с «Детской литературой», и с «Малышом». Уже можно начинать надеяться, если повезет, а Госкомиздат даст бумагу, то, может, и правда увидят дети когда-нибудь книги Сергея Седова.

ЛЯГУШАЧЬИ СКАЗКИ

* * *

Жила-была лягушка Пипа. И вот она решила, что она никакая не лягушка. А самый настоящий бык. Пришла на животноводческую ферму и говорит:

— Зачем вам бык, я сама бык, только лучше.

А председатель колхоза говорит:

— Вот здорово, такая маленькая, а бык! И ест меньше, и места не будет занимать. Прогоним нашего быка или даже лучше зарежем.

Хотели уже настоящего быка зарезать, но он убежал. А Пипа осталась.

Через год пришел председатель посмотреть, хорошо ли коровам с новым быком. Смотрит: все коровы лежат и плачут. А две, самые лучшие, вообще умерли.

— Какой же ты бык?..— спрашивает председатель у Пипы.— Ты не бык, а какая-то лягушка!

Обиделась Пипа и ускакала. Пришлось председателю идти на поклон к настоящему Быку. Хорошо хоть тогда не зарезали!

* * *

Однажды лягушка Пипа пришла в магазин холодильников и сказала, что она финский холодильник «Розен-Лев». Четырехкамерный!!!

Директор, конечно, очень обрадовался и спрятал Пипу под прилавок для «своих» клиентов.

И скоро Пипу отвезли на дачу к одному крупному партийному руководителю. У него было очень много дефицитных продуктов, и он нуждался как раз в таком вместительном четырехкамерном холодильнике.

Сначала протухла осетрина, потом американская селедка, а еще потом кокосовые орехи.

— Что же ты ничего не замораживаешь?! — разорался руководитель.

А Пипа ему объясняет:

— Я специальный холодильник, мне нужно сначала подготовиться к заморозке!

Но этот руководитель не унимается: «У меня кокосы пропали! Икра черная протухла!»

Надоело Пипе его слушать, она и говорит:

— Я специальный холодильник, работаю только в условиях Крайнего Севера. Надо было читать инструкцию!

И ускакала в лес.

* * *

Однажды лягушка Пипа хотела зайти в «Детский мир», но по ошибке зашла в Комитет государственной безопасности. Там ее, конечно, сразу стали допрашивать.

— Признавайся! — говорят.— Ты, наверное, английская шпионка!

— Нет,— отвечает Пипа,— я не английская шпионка, а немецкая!

— И какое у тебя задание?..

— У меня задание: подорвать обороноспособность нашей Родины!

— Ах так, ну тогда мы тебя расстреляем!

— Не стреляйте меня,— захныкала Пипа,— я вам пригожусь!

— А-а-а! Испугалась! Ну говори: будешь теперь на нас работать?..

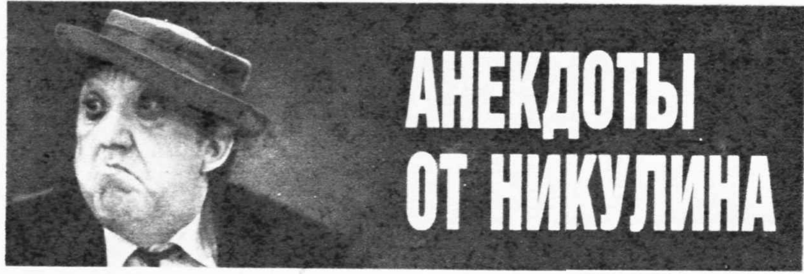
— Буду! Буду! Буду! — отвечает Пипа.— Только присвойте мне звание! Хочу быть полковником!

Посовещались сотрудники Комитета госбезопасности и говорят:

— Нет, Пипа, полковника мы тебе не можем присвоить, будешь пока майором. А там поглядим, как ты себя проявишь!

— Ну ладно, я согласна! Давайте мне секретное задание.

Дали сотрудники Пипе секретное задание и выбросили ее с самолета. Она прямо в речку упала — и совсем не ушиблась!

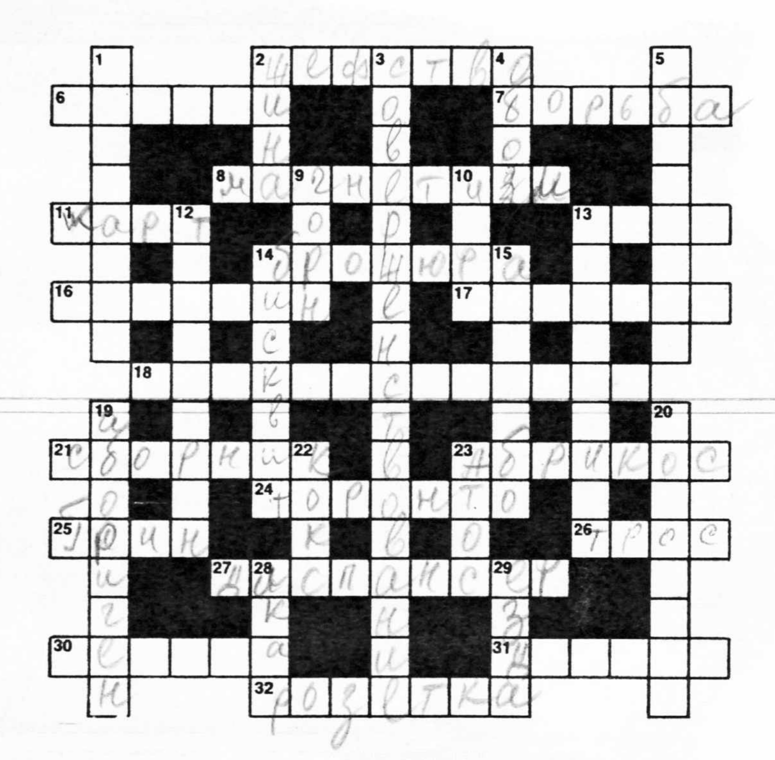

* * *

У зайца в лесу юбилей. Все его поздравляют. Решили послать приветственный адрес и волки. Написали и думают, как подписаться: «Стая волков» или «Группа товарищей». Думали, думали и подписали: «Стая товарищей».

* * *

В Агропром пришло письмо: «Для выполнения Продовольственной программы в нашей стране прошу обменять меня на мешок канадской пшеницы».

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Систематическая помощь, оказываемая одной организацией другому коллективу. 6. Роман А. Н. Толстого. 7. Вид спорта. 8. Раздел физики. 11. Гоночный микролитражный автомобиль. 13. Болотное растение. 14. Печатное издание небольшого объема. 16. Советский спортсмен, олимпийский чемпион по спортивной гимнастике. 17. Вершина Южно-Чуйского хребта на Алтае. 18. Русский химик-органик XIX века. 21. Книга избранных литературных произведений. 23. Южное плодовое дерево. 24. Порт на озере Онтарио в Канаде. 25. Писатель, автор повести «Алые паруса». 26. Канат. 27. Медицинское учреждение. 30. Действующее лицо в пьесе А. Н. Островского «Таланты и поклонники». 31. Болотная птица, дичь. 32. Устройство для присоединения электроприборов к сети.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Советский писатель и драматург. 2. Пневматическая оболочка на ободе колеса. 3. Повышение знаний, мастерства. 4. Басня И. А. Крылова. 5. Обязательная для исполнения партия сопровождающего инструмента в ансамблевом произведении. 9. Сигнальный духовой инструмент. 10. Река в Закавказье. 12. Электронно-лучевой прибор. 13. Врач лечебного учреждения, в котором ведутся научные и учебные работы. 14. Сдобное печенье. 15. Порт в Пуэрто-Рико. 19. Коренной житель. 20. Поэма для хора и оркестра С. В. Рахманинова. 22. Твердое топливо из каменного угля, торфа. 23. Персонаж романа А. Дюма «Три мушкетера». 28. Малая планета. 29. Пользование средствами передвижения.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Экватор. 9. Бурундук. 10. Шлемофон. 11. Верхоянск. 13. Этаж. 16. «Бесы». 17. Идиома. 18. Франко. 19. Логика. 20. Штатив. 22. «Тени». 23. Орех. 27. Нактонган. 28. Политика. 29. Автоклав. 30. Морошка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Экскурс. 2. Карийон. 3. Поршень. 5. Существительное. 6. Куинджи. 7. Коломбо. 8. Комиссаржевская. 11. Вашингтон. 12. Кронштейн. 14. Калар. 15. Афиша. 19. Либерия. 21. Волынка. 24. Аксаков. 25. Поленов. 26. Огранка.

ПРО ЗМЕЯ ГОРЫНЫЧА

* * *

Жил-был Генка. Он был жадина... И вот ел он как-то во дворе большое красное яблоко — ел, ел, никому не давал! А Змей Горыныч как раз очень проголодался, он не ел уже целых тридцать лет и три года.

Вот он и говорит Генке: «ДАЙ ОТКУСИТЬ ЯБЛОЧКА!»

А Генка ему: «ЛАДНО УЖ, ДАМ! ТОЛЬКО ПОЕМ ЕЩЕ НЕМНОГО, А ПОТОМ ТЕБЕ ОСТАВЛЮ. Я СЕГОДНЯ ДОБРЫЙ!»

Обрадовался Горыныч и стал ждать. А Генка ест... ест...

А Горыныч думает: вот поем яблочка, соберусь с силами и Генку съем... А потом еще кого-нибудь.

А пока он думал, Генка уже все яблоко съел!

Змей Горыныч обиделся, хотел Генку сцапать, но у него сил не хватило — он от голода такой хилый стал!

* * *

Жил-был Сашка. Он был ужасно ленивый...

Сидел он как-то в комнате и смотрел в окно. А мимо проходил Змей Горыныч. Увидел он Сашку и захотел его съесть.

Вот и говорит Горыныч Сашке: «Сань, выходи на улицу, чего дома-то сидеть — погода какая!»

А Сашка ему: «Да ну, одеваться надо!»

— Да не надо! — закричал Горыныч.— Тепло же!

— Да ну,— отвечает Сашка,— надо дверь открывать, по лестнице спускаться... неохота!

— А ты не спускайся! — посоветовал Змей Горыныч.— Прыгай в окошко — я тебя поймаю...

— Да ну...— говорит Сашка,— на подоконник забираться... потом еще прыгать надо, лете-е-е-еть...

— Да ну тебя! — возмутился Змей Горыныч.— С тобой, с лентяем, связываться! Лучше я пойду в «Котлетную» перекушу!

И пошел...

* * *

Жил-был Витька. Он был такой врун, каких мало.

А Змей Горыныч ему говорит: «Я тебя съем!»

А Витька ему: «Я же ядовитый! Меня уже пять Змеев Горынычей ели — и все подохли... Из-за меня даже Кощей Бессмертный умер! А вообще-то мне не жалко — на, ешь!» И полез Витька прямо в пасть Змею Горынычу!

А Змей Горыныч от него лапами загораживается, отталкивает.

— Ну все! — говорит Витька.— Лапы теперь отвалятся через два часа.

Заплакал тут Змей Горыныч, стало ему жалко своих лап — рыдает вовсю! Лапы целует, гладит: «Лапки мои родные, бедные, как же я без вас жить буду!..»

Пожалел его Витька и говорит: «Ладно уж, дам тебе лекарство, чтобы лапы не отваливались»,— и поплевал прямо на горынычевы лапы — как будто это живая вода! Змей Горыныч такой счастливый улетел!..

И в королевской постели
Лежали, как хотели,
Король, конечно, слева,
А справа — королева.

Вот как-то на прогулке
Дошли до переулка,
Король свернул налево,
Направо — королева.

Тут время для печали:
Они уж не встречались.
Ушел король налево,
Направо — королева...

Серия Xerox 50 — новое созвездие копировальных машин. Xerox 5028 — вундеркинд семейства 50

Трудно стать лидером. Труднее им оставаться в течение 50 лет

Наши машины копируют документы. Конкуренты копируют наши машины

Компания «Ксерокс» не перестает удивлять мир совершенством своих машин, создаваемых с помощью самых современных технологий... и того духа здорового научного авантюризма, который привнес в компанию Честер Карлсон, открывший ксерографию 50 лет тому назад.

Customer Satisfaction
«Удовлетворение заказчика»

Эту программу фирма взяла на вооружение в начале 1980-х годов. Интересы заказчика стали основной заботой всех, от президента до рабочего. Потребовались ломка психологии и перестройка структуры. Весь персонал прошел переподготовку на курсах «Лидерство через качество». Результаты не замедлили сказаться: повысились качество и надежность оборудования, снизилась его себестоимость. Последние годы фирма получила возможность более полно применять этот принцип в СССР.

Некоторые показатели в 1989 г.:

Президент Буш вручил фирме «Ксерокс» приз за качество Malcolm Baldridge National Award

Фирма «Рэнк Ксерокс» получила британский сертификат качества Quality Assurance Certification

Журнал Sales & Marketing Management *признал службы сбыта, маркетинга и техобслуживания фирмы «Ксерокс» лучшими в отрасли*

25 лет на советском рынке

Фирма «Ксерокс», а точнее ее британское отделение «Рэнк Ксерокс», уже 25 лет поставляет в СССР копировальные машины. В стране их давно называют «ксероксами», по имени фирмы. Машины «Рэнк Ксерокс» побили все рекорды долговечности, надежности и экономичности. На советском рынке расходуемые материалы и запчасти фирмы «Рэнк Ксерокс» самые дешевые, стоимость доставки в Москву самая низкая (3,1%). Оборудование можно получать со склада фирмы в Москве сразу же после оплаты контракта.

Фирма создает в стране совместные предприятия разного профиля, но ее главная задача — довести уровень сервиса своего оборудования в СССР до своих стандартов на Западе.

Если усилия фирмы увенчаются успехом, то через несколько лет она сможет предложить первоклассный сервис во всех регионах страны, пользователи машин «Рэнк Ксерокс» смогут через агентские организации получать за рубли бумагу, расходуемые материалы и запчасти.

Пока же фирма продает оборудование за свободно конвертируемую валюту и индийские рупии.

RANK XEROX

117049 Москва
4-й Добрынинский пер., 6/9
Тел. 237-68-42 и 237-68-52
Телекс 413139 RX SU
Телефакс 230-27-28

252025 Киев-25
Велика Житомирська 33
ТПП УССР
Тел. (044) 228-27-62
Телефакс (044) 228-27-04

40 коп. Индекс 70663